

В.М.Демин.
Сергей Лесной.

Откуда ты, "Русь"?

ВСТУПЛЕНИЕ.

"Русь, откуда ты?" - вот вопрос, который не раз ставил перед собой автор, как, несомненно, ставит всякий русский или вообще человек, интересующийся судьбой своей страны, ищущий верное место своего народа среди других народов Европы.

Не все казалось ему ясным и понятным, когда он изучал историю в школе. Но пришла пора зрелости, когда на все глядишь уже не глазами неопытного юноши, когда понимание жизни стало иным, - тогда указанный вопрос встал серьезнее. Естественно, что автор обратился не только к учебникам истории, но и к первоисточникам. Результат оказался неутешительным: официально принятая теория происхождения Руси была явно неубедительной во многих отношениях, всюду приходилось наткаться на противоречия, всюду были видны белые нитки, которыми она шита.

Не совсем убедительной показалась автору и другая, соперничавшая с официальной, теория: работ было мало, материал довольно хаотичен, все имело вид не столько науки, сколько гениального прозрения. В этих условиях автор решил сам взяться за дело, нельзя было оставить вопрос: кто ты, откуда? - без ответа. В результате появился труд "История "руссов" в неизвращенном виде" (1953-1960, вып. 10, 1175 стр.). Он показал, что официальная теория происхождения Руси совершенно ошибочна, но это еще не решало вопроса в целом. Оставалось еще несколько крупных проблем, которые нуждались если и не в окончательном решении, то, по крайней мере, в выяснении.

Автор представляет теперь на суд читателя труд, который написан не для денег и славы, а только ради удовлетворения нужд своего ума. И автор надеется, что и другое испытают чувство удовлетворения по поводу нового, представленного в этом труде.

Новое появилось не только потому, что автору удалось привлечь совершенно новые источники, но и потому, что он критически посмотрел на старые, взглянул на них с уровня текущего, а не минувшего столетия.

Пять крупных проблем составляют предмет данного труда.

Первая - проблема варягов. Выяснено окончательно, что "варяги", явившиеся на Русь (которая еще так не называлась!), были по национальности славянами и приглашены в Новгород потому, что мужская линия древней славянской новгородской династии угасла. Они же были представителями ее женской линии - внуками последнего новгородского князя Гостомысла от его средней дочери, вышедшей замуж за славянского князя на Западе. Призывали своих - славян, а не чужих - германцев.

Никакой существенной роли в создании государственности, культуры и т. д. Древней Руси германцы не сыграли. И государственность, и культура были свои, созданные еще веками до этого своими руками.

Уже во 2-й половине IX века в Восточной Европе существовало два больших славянских государства - Новгородское (Русью еще не называвшееся) и Киевское (носившее имя Руси). Эти государства имели своих князей, свои династии, свою собственную, довольно высокую культуру и широкие связи в Европе: в Новгороде отлично знали, что делается на Эльбе, Дунае, Днепре и на Дону. Представления прежних историков о дикости тогдашних руссов являются и впрямь дикими, но своему несоответствию с действительностью. Таким образом, эта проблема оказалась совершенно иной, чем мы когда-то учили, и не такой, какой она представляется до сих пор иностранцам или русским в зарубежном рассеянии.

Вторая проблема - о происхождении не государства, а племени Русь: И здесь выводы коренным образом отличаются от общепринятых взглядов: Русь оказалась на много веков древнее, что засвидетельствовано историче

скими документами, на которые раньше не обратили должного внимания. Кроме того, выяснилось, что племя Русь появилось в Восточной Европе не испокон веков, а, по-видимому, в начале нашей эры иди на рубеже старой и новой. Оно является только восточным отрогом древнего племени Русь, которое уже было отмечено в Средней Европе историками для I века "нашей эры. Поэтому мы можем утверждать, что Русь происходит из Средней Европы, где в настоящее время она истреблена, но существовала как минимум до конца XII века. Однако ее восточный отрог от Карпат и до Днепра уцелел и имеет ту историю, которую мы знаем под именем истории Руси. Впрочем, писаная история Киевской Руси, по меньшей мере, на 400 лет древнее, чем это до сих пор принималось. И этот срок еще не крайний, не окончательный. Мы имеем все основания надеяться, что он после дальнейших исследований будет, отодвинут еще более в глубь времен.

В данном труде делается первая попытка написания предварительного очерка истории доолеговской Руси, т. е. о том, о чем мы в школе и не подозревали.

Среднеевропейское славянское племя Русь (никакого германского племени Русь никогда не существовало, мы это особо подчеркиваем!) в IX веке послало в Новгород сыновей своего князя (Рюрика с братьями) для восстановления там угасшей династии по мужской линии. Так встретились западные, коренные русины с восточными, новгородскими, называвшимися также частным именем "словен". Русский летописец не ошибся, сказавши, что посланцы новгородцев "идоша к варягам, к Руси": Рюрик с братьями были сами русинами, но пришли к новгородцам, которые Русью тогда не назывались. Только когда Олег, бывший единственным иностранцем на престоле по праву опекунства, норвежец, завоевал из Новгорода Киев и захватил южную Русь, имя Руси распространилось и на Новгород, на другие северные и восточные области, подчиненные Киеву. Случилось это потому, что Киев стал столицей двух объединенных восточноевропейских славянских государств.

Третья проблема - проблема славянства. Так как корень племени Русь лежит в Средней Европе, сам собой является вопрос: откуда вообще славяне попали в Европу и какое место среди других славянских племен занимают руссы?

Исследование убедило автора, что теория прихода славян из Азии недоказательна, достоверных фактов нет. Исторические и археологические данные свидетельствуют, что славяне в Европе автохтоны, т. е. коренные жители. Если же они когда-то и появились в Европе из других стран, то это было в то время, когда эта ветвь индоевропейских народов еще не сформировалась и не освободилась от других ветвей в достаточной степени. По-видимому, становление славян произошло в Европе.

Исследуя корни славян, автор столкнулся с поразительным фактом, не объясненным и вовсе не оцененным историками (мы будем дальше говорить об европейских историках, ибо лишь они и занимались историей Западной Европы): для славян, самого крупного и в прошлом, и в настоящем народа Европы, не находится места, когда речь заходит об их происхождении! Все народы: германцы, романцы, кельты, утро-финны и т. д. - имеют свою родину, но не славяне.

Коренной областью славян историки считали... Полесье, т. е. область, в прошлом совершенно не пригодную для житья человека! В настоящее

время многие отвергают эту теорию и приписывают славянам происхождение из причерноморских степей или области к северу от Карпат и далее. Но все эти теории не решают вопроса, а только отодвигают его в сторону. Это лишь псевдо-решение.

На основании исследования первоисточников (о чем автор не имеет возможности говорить здесь пространно) автор пришел к выводу, что вся Средняя Европа, от устья Эльбы до устья Дуная, была издревле заселена славянами. Ошибка заключается в том, что историки, главным образом немецкие, приняли огромное количество славянских племен за германские. Родилась даже дикая теория о существовании германцев уже в первые века нашей эры от Рейна и до... Дона! При таком допущении, естественно, на карте Европы никак не могли найти места для славянских племен.

На деле же руги, вандалы, лужичи, карпы, бастарны и другие были не германцами, а славянами.

Особенно диким оказалось представление, что готы были германцами. На самом деле это были геты, народ древнейшего корня, ничего общего с германцами не имеющий. Иордан, историк VI века, желая возвеличить так называемых готов, прилепил к их истории многовековую историю гетов, очевидно, пользуясь сходством названий.

Выяснилось также, что нашествие гуннов вовсе не было типичным нашествием азиатов-кочевников. Они были в Европе и до 375 г. И появились в Крыму не потому, что прорвались через Керченский пролив, а потому, что случайно открыли возможность проникнуть в Крым через Арабатскую стрелку.

Мы не будем останавливаться на других важнейших и интереснейших подробностях. Скажем лишь, что наши исследования привели нас к убеждению, что начальную историю Европы надо написать заново и огромной роли славян дать в этой истории надлежащее место.

Четвертая проблема - это проблема письменности у славян. Письменность - важнейший показатель культуры. Славяне, издревле жители Европы, сталкивавшиеся с греками и римлянами за века до нашей эры, не могли не иметь своей письменности, ибо были не менее людьми, чем кельты, о которых еще Цезарь, т. е. до начала нашей эры, писал, что они пользуются греческими буквами для своей письменности. И действительно, мы имеем доказательства, что древние славяне пользовались особой системой рун. Надписи рунами сохранились до сих пор. Автору удалось найти доказательства, что и так называемая глаголица, и кириллица

употреблялись гораздо раньше того времени, которое им до сих пор приписывали.

Глаголица, по-видимому, изобретена в конце IV века епископом Ульфилой. Именно на этом алфавите была Библия, переведенная им для славян. Ничего общего с так называемым "кодекс аргентеусом" эта Библия не имела. Готский "кодекс аргентеус" на самом деле написан не Ульфилой и не на готском, а лонгобардском языке.

Кириллица применялась задолго до св. Кирилла. Уже в 861 году последний встретил в Херсонесе (Крым) русина, у которого были Евангелие и Псалтырь, написанные кириллицей. Св. Кирилл лишь усовершенствовал алфавит. Несомненно, имелись и другие формы и попытки славян в разных местах решить проблему своей письменности. Однако материалы по этому вопросу не собраны и не изучены, ибо, очевидно, препятствие было в том, что не видели надобности в изучении "неисторического народа". Теперь же, когда эти "неисторические" народы переворачивают вверх дном жизнь "исторических", поравняются и за эту темную, почти не исследованную область.

Пятая проблема - проблема "Влесовой книги". Это совершенно не изученный и лишь на 3/4 недавно опубликованный источник - по всей видимости, летопись языческих русских жрецов, начинающаяся событиями задолго до нашей эры и доведенная до Аскольда и Дира, но не захватившая вовсе Олега. Это, по-видимому, древнейший русский оригинальный источник, которым мы располагаем. Написан он, в сущности, на неизвестном славянском языке, представляющем огромные трудности для нашего нынешнего понимания. Излагает он как события уже упоминавшиеся в истории, так и, в большинстве случаев, зафиксированные впервые, ибо касается эпохи, вовсе не затронутой летописью Нестора. Имеется много данных о религии древних руссов, которая по сущности своей была монотеистической. Руссы веровали в Троицу, бессмертие души, рай и т. д. Приводится много обычаев, связанных с религией, несколько изумительно красивых поэтических образов и т. д.

Но весь этот источник - груда совершенно хаотического материала без начала и конца, с огромным количеством испорченных и утерянных мест. Объем предстоящей работы просто неопишуем, ибо касается материала, занимающего до 3 печатных листов. Когда и кто это сделает - неизвестно. Одно можно сказать: открытие выдающееся, переворачивающее все наши представления о прошлом.

Кое-что автору этих строк все же удалось сделать, но, разумеется, не в той форме и объеме, как это следует, ибо автор написал труд не для специалистов, а для широкого, но вдумчивого читателя.

Из вышесказанного следует, что большинство материала книги будет вовсе новым и для рядового читателя. Придется очень и очень задуматься над многими вопросами нашего национального и политического бытия.

В процессе писания этой книги многое пришлось пересмотреть из того, что было чуть ли не постулатом в душе автора. Прежде всего выяснилось, что ни русским, ни другим славянам не следует заниматься самоуничижением и тем паче самооплевыванием.

Славяне прошли очень долгий и трудный исторический путь. Многие другие народы и их империи пали, а славяне остались. Остались, несмотря на братоубийственные войны и бесконечную борьбу с внешними врагами.

Три основные черты славян определяют их жизнестойкость: необыкновенное трудолюбие, доходящее иногда до самоистязания, любовь к родине, часто даже не осознанная умом, и талантливость.

Работая над этой книгой, ознакомившись с историей и других славян, автор стал (он только теперь с горечью сознается) настоящим славянином, т. е. сознающим свое место и свой долг в семье других славянских народов. Нам долго не давали места под солнцем. Самое слово "славянин" почти всюду означало "раб". Нас до сих пор гонят в Азию. Нас веками натравливали друг на друга. Даже в истории не дают надлежащего места.

Но это время уже прошло. Славянские народы поднялись и сами напишут свою историю, в которой будет правда и должное место каждому.

Сергей Лесной

Откуда ты, "Русь"?

* Вступление * I раздел * II раздел * III раздел * IV раздел * V раздел *
Дополнения

по источнику: Лесной С. Откуда ты, "Русь"?/ Ростов-н/Д, "Донское слово", 1995.

OCR: VV:Lab aug 1999

Глава 1

О неверном понимании летописей

Нет ничего труднее, как искоренять заблуждения, существующие веками. К таким заблуждениям относится я так называемая "норманская" теория, согласно которой существовало германское племя Русь, которое и создало государственность, культуру и даже передало свое имя тому государству, которое стало называться Русью, а позже Россией.

Несмотря на то, что в последнее время появились книги, брошюры, многочисленные журнальные и газетные статьи, в которых несостоятельность норманской теории доказана неопровержимо, несмотря на то, что эта теория отброшена совершенно в стране, о которой идет речь, - до сих пор находятся авторы или развязные лекторы, повторяющие все ту же навязшую в зубах историю о призвании германцев, что слово "Русь" происходит от "руотси", о владычестве германцев над Русью, о варяжских княжествах на Волге и Каме и т. д.

Приходится удивляться, как могут люди не читать, не думать и исповедовать положения, которые совершенно устарели, никуда не годны и противны всякой логике. Не пора ли, наконец, взяться за самостоятельное мышление?

Чтобы убедить в нашей правоте, начнем с малого: покажем прежде всего, как неверно понимали то, что сказано в летописях, какие элементарнейшие ошибки были сделаны в понимании прошлого.

1. Начнем с классического: "Земля наша велика обильна, а наряда в ней нет, да поидете княжить и володеть нами". Так говорили посланцы северных племен братьям-варягам во главе с Рюриком.

Поняли (и перевели всюду) так: "а порядка в ней нет". Не только неверно перевели, но и возвели эти слова в принцип всей нации, создали своего рода кредо", что руссам органически свойствен беспорядок. Отсюда родился бессмертный припев в "Истории России от Гостомысла и до наших дней" А. К. Толстого:

Ведь немцы тароваты, Им ведом мрак и свет. Земля у нас богата, Порядка только нет.

Отсюда пошло дальнейшее самооплевывание и самоуничижение, которые буквально вошли в плоть и кровь.

А между тем в летописи стоит совершенно иное, сказано: "а наряда в ней нет". Наряд - вовсе не значит "порядок", а "власть", "управление", "приказ". В нашем языке до сих пор еще бытует выражение "наряд на дрова", "наряд на квартиру" и т. д. Это означает распоряжение на выдачу дров, квартиры и т.д.

Посланцы сказали братьям-варягам: "Земля наша велика и обильна, а управления в ней нет, приходите княжить и владеть нами". Что это именно так, видно из того, что в некоторых списках летописей вместо слов "а наряда в ней нет" стоит "а нарядника в ней нет". Дело кристально ясно и понятно: князь умер, наследников нет, власть отсутствует, налицо раздоры - посланцы едут приглашать нового князя.

Наконец, нельзя же отказывать нашим предкам в уме: ну, кто скажет, что земля наша велика и обильна, а все в беспорядке? Ведь если бы действительно было так, то у них хватило бы сообразительности не отпугивать кандидатов в князья заявлением, что они приглашают их в страну, где господствует беспорядок.

Примитивами были не наши предки, а наши историки, которые не знали достаточно хорошо значение древних русских слов и не вдумывались в реальность минувшего. Нашу историю начали писать немцы, которые даже вообще не знали или плохо знали русский язык. А за ними, как за непрерываемыми авторитетами, вошло и пошло: "порядка в ней нет".

Отметим, что приведенное выше объяснение дано не только нами, но и некоторыми другими авторами. К сожалению, никто не обратил на это должного внимания, а последствия ошибки были огромны.

2. "В лето 6360, индикта 15 день, начеишу Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руська земля. О семь бо уведохом, яко при семь цари приходиша Русь на Царьго-род, яко-же пишеться в летописани Гречьстемь".

Основоположники русской исторической науки Шл-цер, Куник, Круг, Погодин переводили эти слова так:

"... Русское имя началось при Михаиле, ибо нам известно, что при нем Русь приходили в Царьград".

Поняли это место так, что, мол, при греческом имп. Михаиле 3-м (857-867) появилось имя Русь. Д. С. Лихачев (1950) в издании Академии наук перевел: "Стала прозываться Русская земля". Все подобные переводы либо слишком туманны, либо вовсе неверны. Следует переводить: "Стала упоминаться Русская земля" (впервые в греческих летописях).

Слово "прозываться" имеет не только смысл "нести имя", "называться", "быть названным", но и "быть упомянутым". Мы до сих пор говорим: "данный отрывок", "вышеприведенный отрывок", "вышеупомянутый отрывок", "названный отрывок".

Когда мы произносим "названный отрывок", мы употребляем второе значение слова "называть". Речь идет не о том, что данному отрывку дали имя или назвали его, а его упомянули. В летописи вовсе не сказано, что при Михаиле 3-м появилось имя "Русь", а что при нем в греческих летописях впервые было упомянуто это имя.

Русь существовала задолго до Михаила. Достаточно вспомнить, что послы "народа Рос" упомянуты в латинской хронике еще в 839 году, они явились в Царьград для заключения мирного договора, а сношения руссов с Византией, конечно, начались гораздо раньше. Руссы упоминались в истории задолго до нападения их на Царьград в 860 году, но летописец этого не знал. Самое древнее упоминание в чужих источниках он нашел лишь о времени этого нападения.

Таким образом, то, что приписали летописцу, будто бы Русь создавалась при имп. Михаиле, совершенно ложно.

3. "И седе Олег княжа в Киеве, и рече Олег: "Се буди мати градом Руським". Еще в 1953 году Пушкарев толковал это место так: "По рассказу летописи (конечно, легендарному), он предсказал Киеву великое будущее, сказавши: "Се буде мати градам Русским".

Ни о каком предсказании здесь не может быть и речи: Олег пророчествами не занимался, а, севши в Киеве, приказал считать этот город столицей Руси (мати городов). Значение сказанного совершенно ясно из повелительного склонения: "се буди!", а не "се буде". Ничего легендарного в этом сообщении летописи нет, есть подтвержденный историей факт, что после захвата Киева последний стал столицей объединенных государств - Киевского и Новгородского. Наконец, нечего было предсказывать Киеву великое будущее: Киев уже в то время был самым крупным и древним городом южной Руси. Казалось бы, все ясно, а что из этого сделали?

4. "И нача княжити Володимер в Киеве един, и по-стави кумиры на холму вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его серебряну, а ус злат... И жряху им, наричюще и боги, и привожаху сыны своя я дщери и жряху бесом, и оскверняху землю требами своими. И осквернися кровью земля Руська и холмот".

Из этого сообщения летописи видно, что воздвижение кумиров и людские жертвоприношения были новшеством на Руси, завезенным Владимиром вместе с варяжской дружиной из Западной Европы, а потому и отмеченным летописцем.

Сказана отчетливо: "и осквернилася кровью земля Руська". Если бы до Владимира существовали человеческие жертвоприношения, то нечего было об этом летописцу писать и негодовать: дело было обычное; на деле же подчеркнуто, что именно с Владимира земля Русская осквернилась кровью людей, принесенных в жертву. Не обратили внимания на совершенно ясную фразу потому, что слышали о существовании человеческих жертвоприношений у западных славян, а отсюда делала ложный вывод: если, мол, было на западе, - значит, было и у нас. Из наших гуманных предков охотно сделали бы да-же людоедов, был бы только хоть малейший предлог для этого.

Далее. Киевские руссы кумиров не воздвигали, мы не имеем ни малейших археологических следов этого. Перун в Киеве был тоже новшеством. Недаром, закрепив-

шись в Киеве, "Володимер-же посади Добрыну, уя своего, в Новгороде. И пришел Добрына Новугороду. постави кумира над рекою Волховом, и жряху ему люди ноу-городьстии аки богу".

Значит, первым актом новой власти было воздвижение кумиров. Если бы кумиры были в Новгороде до Добрыни, зачем было ему воздвигать там еще кумира?

На самом же деле и кумиры, и человеческие жертвоприношения были новшеством Владимира, введенным им под влиянием своего двухгодичного пребывания в Западной Европе и варяжской дружины, на которую он опирался при захвате Киева. Эти новшества просуществовали всего не более 10 лет, а из наших предков сделали кровожадных изуверов.

5. "Сей же Олег нача города ставити, и устави дани словеном, кривичем, и мери, и устави варягом дань даяти от Новгорода гривен 300 (по другом данным, 3000. - С. Л.) за лето мира деля, еже до смерти Ярославле даяше варягом". И здесь слово "дань" было понято в его теперешнем значении, и суть отношений между варягами и руссами была коренным образом изменена. В настоящее время слово "дань" понимают как вынужденную уплату чужому народу (иди в переносном смысле), а в древности оно означало "подать", вообще уплату и в отношении своего народа.

Из этого отрывка ясно видно: Олег, закрепившись и осев в Киеве, занялся устройством укрепленных пунктов (городов) для отражения возможных

нападений врагов. На все это нужны были деньги. На словен, т. е. новгородцев, кривичей и мерю, он наложил подать; кроме того, установил особую подать для оплаты услуг варягов (не дани или контрибуции, как поняли!!!).

В те времена постоянной армии не было. В случае появления врага создавалось народное ополчение. Естественно, и сборы такого ополчения занимали много времени. И самое ополчение не было достаточно эффективно и уступало профессионалам.

Олег продолжал политику Рюрика: 1) создавал укрепления вокруг городов и 2) имел небольшую постоянную армию наемных воинов из варягов, на которую он опирался во внешних и внутренних делах.

Совершенно очевидно, что Олег, затем Игорь, Святослав, Владимир и Ярослав, будучи властелинами огромного государства, не могли платить дань заморским варягам, ибо варяги Руси не побеждали, а иго варягов (см. далее) было свергнуто еще до Рюрика.

Наконец, нет ни малейших данных или намеков, какие именно варяги получали дань с Руси. Речь идет об огромном промежутке времени - почти в 200 лет. Значит, должны были быть отказы от уплаты дани, задержки в ее уплате, переговоры об изменении суммы и т. д. Ничего этого решительно нет. И вполне понятно почему:

заморские варяги не имели никакого отношения к Руси, в летописи речь идет об уплате наемным варяжским отрядам за службу (и об этом сохранились в исландских сагах данные, что варяги заключали погодные контракты, и имеются даже указания на суммы, уплачиваемые Русью простым воинам-варягам, а также их начальникам). Русь платила жалованье наемным войскам, которые обеспечивали ее мирное существование ("мира деля"), ибо при наличии постоянного войска никто не решался напасть на Русь в расчете на легкую добычу.

Однако со времени смерти Ярослава Мудрого и эта нужда в наемных войсках отпала: Русь была достаточно страшна своими собственными силами.

Мы видим, как легко и необдуманно превратили уплату наемным войскам (погодную!) в 200-летнюю дань огромного государства, притом неизвестно кому!

Может возникнуть вопрос: почему в отношении подати варягам упомянуты лишь словене, кривичи и меря, ведь и другие племена должны были нести расходы по содержанию общего наемного войска?

Объясняется это просто: летописец (первый, основной, а не Нестор 1113 года) был новгородцем (чему мы имеем много доказательств) и не знал положения дел на юге, но о подати на севере ведал, свою же, новгородскую, даже точно указал. К тому же он писал историю, а не отчет о государственных расходах.

6. "И от тех (варяг, добавил Д. С. Лихачев, 1950, взявши из других летописей. - С. Л.) прозвася Руская земля, Ноугородци, ти суть людье Новгородци от рода Варяжска, преже бо беша Словени" (Лавр. лет., изд. 1872, стр. 19).

Отрывок этот, несомненно, испорчен и малопонятен, но действительный смысл нетрудно восстановить, приняв во внимание: 1) и другие летописи (в этом случае становится понятным, что испорчено), 2) а также обороты и понимание слов, которые употреблялись тогда, а не теперь.

Д. С. Лихачев в академическом издании (1950) перевел это так: "И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же-те люди от варяжского рода, а прежде были славяне".

Нелепость очевидна: как могли быть новгородцы людьми от варяжского рода (нелепость | 1), а в прежнее время быть славянами (нелепость | 2)? Ведь не могут китайцы стать французами или наоборот.

Объясняется испорченный отрывок без труда. Прежде всего совершенно ясно, что выражение "от варяжского рода" является формой древнего творительного падежа: не говорили "варягами", а "от варяг". Этим оборотом пестрят все летописи. И он существовал, по крайней мере, до 1800 года, когда в предисловии к "Слову о полку Игореве" Малиновский писал "убит от половцев" вместо современного "убит половцами".

В разбираемом отрывке эта форма употреблена два раза: 1) "от тех... прозвася Руская земля", 2) "от рода Варяжска" - "варягами". Конец фразы (одинаковый во всех списках) совершенно ясен: новгородцы стали называться новоприбывшими варягами Русью, а до этого они назывались словенами.

Трудно понять, как историки и филологи (в том числе Шахматов!!) могли допустить столь элементарную ошибку, понимая вышеприведенные выражения древности вот так, исходя не из норм того времени, а сегодняшнего дня.

Дальнейшая расшифровка облегчается Комиссионным списком Новгородской 1-й летописи, где сказано: "И от тех варяг, находник тех,

прозвашася Роусь, и от тех словеть Роуская земля и суть новгородстии людие до днешнего дня от рода варяжська". Достаточно обратить внимание на подчеркнутое нами слово "суть", чтобы понять, в чем дело: в других списках здесь стоит "суд" или "соуть". Слово "словуть" искажено в "соуть" (вероятно, опущено титло). Из контекста совершенно ясно, что земля теперь (из-за варягов) слывет Русской землей, а люди Новгорода, что назывались славянами, - русскими.

Сравнение этого места с другими существующими вариантами совершенно убеждает нас в истинном значении этого отрывка.

Наконец, нам понятно, почему это произошло: Рюрик и его дружина нуждались в каком-то одном слове для обозначения более десятка племен, которые были ими возглавлены, для них новгородцы, звавшие сами себя "Славенами", мало отличались от "кривичей", "руси" к другим восточных славянских племен. Для них это было племя, которое они называли после того, как сели на Руси (см. ниже), Русью.

Новгородцу-летописцу было зазорно, что название его племени было насильственно изменено, и это он отметил.

Насколько беспредметно было мышление, можно заключить из того, что ак. Шахматов считал, что в конце разбираемого отрывка было пропущено слово "варяга". "Допустив это, - писал он, - смысл восстановленной фразы тот, что попавшие под господство варяжских князей Словене стали называть себя Варягами".

Трудно поверить, чтобы такую чушь могли сказать в нашем столетии. Что покоренный народ через много столетий может воспринять имя покорителя - это возможно, хоть и далеко не всегда, но что через какие-нибудь 15-20 лет большой народ стал называть себя не своим именем и не именем даже покорителя, а профессиональным прозвищем (вроде: плотники, сапожники, солдаты и т. д.) - это уже сказки! Ведь "варяги" (Варяг - гребец. (Ред.)) - это не нация, а профессия.

А что новгородцы долго помнили" кто они такие, видно из Московского летописного свода, где под 1469 годом сказано:

"Не лзе, брате, тому так быти... а из начала отчина есмы тех великих князей, и от первого великого князя нашего Рюрика (южнорусские летописи его ж считают "своим"), его же по своей воде взяла земля наша из Варяг князем себе и с двема братья его. По том-то правнук его князь великы Владимир крестися и вся земли наши крести: Руськую, и нашу Словевьскую, и Мерьскую..."

Стало быть, еще 600 лет спустя новгородцы не считали свою землю Русской, а называли "наша Словенская", поэтому толкование, что новгородцы называли себя варягами - мысль просто дикая, показывающая, что ак. Шахматов не только совершенно не понял данного отрывка, но не понимал и главных линий развития Руси, и соотношений между разными племенами.

7. Понятие "варяги" и понятие "руси" ясно различались в летописи: "варяги" - это наемное, многонациональное войско из Западной Европы, "русь" - это преимущественно жители Киевской державы, а лишь после, когда Киев стал столицей всех восточных племен, название это стало постепенно захватывать и другие племена.

Приняв такое понимание, мы избавляемся от множества нелепостей, которые принимались норманистами за истину. Мы проверяли это на всем тексте летописей. Примеры покажут это наглядно.

"Поиде Олег, поим воя многи: варяги, чудь, словене, мерю, весь, кривичи, и прииде к Смоленску",

Мы видим, что Олег, идя из Новгорода на юг, на завоевание Руси, имел в своем распоряжении почти все северные славянские и неславянские племена и, кроме того, наемников-варягов. Судя по месту, отведенному варягам, это было ядро его армии.

Если бы варяги представляли собой германское племя Русь, то тут именно уместно было бы назвать их "Русью", но летописец этого не сделал, эти варяги назовутся Русью тогда, когда придут в Киев. Равным образом мы видим, что в состав войска Олега входили и новгородцы (словене), но они не называются "варягами" (как думал Шахматов) и не называются еще "Русью" - эта случится гораздо позже.

Кроме того, из этого и последующих высказываний ясно, что у варягов не было национального лица - эта была разношерстная масса наемников-пришельцев, противопоставляемая местным племенам, эта было сборное, профессиональное имя, и только.

"И седе Олег княжа в Киеве... ж беша у него варяги, и словене, и прочни, прозваша(ся) Русью".

Здесь исчерпывающе доказано то, что Русью стали прозываться все племена, подчиненные Олегу, лишь с того момента, когда он осел в Киевской Руси. Заметьте, что русский летописец Рюрика за русского князя не считает, ибо на Руси, т. е. в Киеве, этот князь не княжил. Отсюда следует, что имя Русь пришло не с варягами, а было древним местным

названием на юге. Северные же племена до Олега Русью не назывались. Из отрывка становится очевидным, что не варяги принесли с собой имя Русь, а сами они его восприняли, поскольку были на службе у Олега и осели на Руси.

"Иде Олег на греки... поя же множество варяг, и словен, и чудь, и кривичи, и мерю, и деревлены, и радимичи, и поляны, и севере, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци, яже суть толковины" (союзники).

Здесь слово "Русь" вовсе не упомянуто, ибо все перечисленные подробно племена составляли Русь, лишь тиверцы были союзниками, а варяги наемниками.

Хотя варяги, видимо, играли очень важную роль в походе Олега, особой дани от греков они не получили. Ее получили "русские города" Киев, Чернигов, Переяслав, Полоцк, Ростов, Любеч и др. Это свидетельствует об их подчиненной роли. Если бы варяги верховодили, то им, конечно, досталась бы львиная доля добычи.

Интересно, что о доле Новгорода не сказано ни слова, зато есть место, явно показывающее, что Олег был недоволен почему-то новгородцами и при дележе добычи их обделил: руси он приказал пошить шелковые паруса, а "словенем кропиньныя" (точно значение не установлено). Ветер, однако, порвал паруса новгородцев, и они вынуждены были пользоваться своими старыми. Об этом с явной обидой говорит летописец, косвенно показывая этим, что он был новгородцем.

Различали варягов от других племен и позже Олега.

"Игорь же совокупив вои многи, варяги, русь, и поляны, словены, и кривичи, и тиверци, и печенеги ная". Тут варяги опять выделены и отличены от Руси. На первый взгляд кажется, что "Русь" фигурирует здесь как отдельное племя, но это - недоразумение, основанное на том, что в древности не употребляли современных знаков препинания. В действительности надо после "Русь" поставить не запятую, а двоеточие, так как идет перечисление племен, подчиненных Руси. Что это так, видно из того, что болгары сообщали именно об этом походе грекам: "идуть Русь, и наяли суть к собе печенеги". Собирательное значение слова "Русь" в этом тексте не вызывает сомнений.

Различали варягов и до самого конца пребывания их на Руси при Ярославе.

"Ярослав же совокупив Русь, и варягы, и словене". И здесь противопоставление варягам Руси, т. е. Киевской земле, и словенам, т. е.

новгородцам, совершенно отчетливо. Варяги уже не на первом месте, а новгородцы особо выделены, ибо они оказали особенно важные услуги Ярославу (и были за это награждены впоследствии).

Под 1043 годом находим: "Рекоша Русь Володимеру (сыну Ярослава. - С. Л.): "станем зле, на поле", а Варязи рекоша: "пойдем под град". И послуша Володимер варяг".

И отсюда вытекает, что Русь и варяги - совершенно различны. И это различие осуществлялось, начиная с Олега, который впервые столкнулся с Киевской Русью, и кончая Ярославом Мудрым (ум. в 1054 г.), когда самое имя варягов вовсе сходит со страниц русских летописей.

Норманисты склонны считать, что все эти приведенные упоминания о варягах касаются иностранцев- правителей, завоевателей или во всяком случае руководителей Руси, что исчезновение их с русского горизонта объясняется слиянием их со славянским населением страны. На деле же это не так: варяги существовали на Руси до тех пор, пока была нужда в наемных войсках. Как только она исчезла, варягов перестали нанимать и имя их вышло из обихода на Руси.

Из отрывков видно, что: 1) варяги не были Русью, 2) организационной роли они не играли, а исключительно военную, 3) все время они были элементом отдельным, особым и 4) даже в военном отношении были не руководителями, а соучастниками.

Без сомнения, часть варягов (в особенности славянская) оседала на Руси и ассимилировалась, но это происходило в небольших размерах и заметного влияния не оказывало. Во всяком случае, оно совершенно несравнимо с тем, что произошло через 400-500 лет при московских князьях и царях, когда татарские, литовские и др. бояре и князьки переходили на службу Москве (в результате остались сотни чужих, неславянских фамилий). Варяги же не оставили никаких следов в этом отношении: в подавляющем числе случаев они по окончании контракта возвращались на родину. Итак, варяги - не Русь, прямые указания летописи были поняты неверно.

8. "И идоша за море к Варягом, к Руси. Сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзии звутся Свие (шведы), друзии же Урмане (норвежцы), Англяне (англы), друзии Готе (готландцы), тако и си".

Разве отсюда не видно, что варягами назывался не отдельный народ, а группа северных народов, включая и англоv? Понятие "варяг" носило сборный характер, означая не нацию, а профессию Молодежь этих бедных природой народов продавала свою кровь за деньги, за профессию варяга, т. е. наемного воина. Из отрывка следует бесспорно, что посланцы

северных племен отправились во всяком случае не к шведам, не к норвежцам, не к англам и не к готам, а именно к Руси. А нас уже несколько столетий уверяют, что посланцы направились в Скандинавию. Между тем никакого племени Русь в Скандинавии ни одним источником не отмечено. Летописец сказал: "за море", но это не означало - в Скандинавию. Поехать в Данию или западную Германию означало то же - "за море". И действительно, в Эрмитажном и др. списках новгородского происхождения сказано: "И избрашася от Немець 3 браты с роды своими". Никогда жителей Скандинавского полуострова немцами славяне не называли. Это название применялось лишь к германцам материка. Да ведь и сказано "от Немець", а это значит всего-навсего "из Немецкой земли", но не "три брата немцы" (к этому мы еще вернемся). Таким образом, данные летописи показывают, что племя Русь надо искать где-то на материке, однако определенно не в Скандинавии. Увы, и этого не поняли историки и филологи. 9. "Реша Русь, Чюдь, Словени и Кривичи и вся: "земля наша велика" и т. д.

В других списках сказано (и правильно): "Реша Руси..." Ведь посланцы направились к Руси и сказали ей (Руси) - далее следует перечисление племен пославших и то" что говорили посланцы.

Следует также исправить слово "все". На первый взгляд кажется, что под этим летописец понимает "и все другие племена". Словно не желает затягивать перечисление племен. На самом же деле, как это видно из сравнения со многими списками, здесь упоминалось племя "весь". Наконец, нужно помнить, что в призвании князей Киевская Русь участия совершенно не принимала. Пример показывает, что даже, казалось бы, совершенно ясный смысл отрывка все же требует сличения всех списков. Этого не делали и не понимали верно то, что было сказано.

10. "И избрашася 3 браться с роды своими, пояша по себе всю Русь, и придоша".

Некоторые понимали дословно, что "Рюриковичи" переехали в Восточную Европу со всем племенем. Но нелепость переезда за море целого племени, переезда, технически в те времена не осуществимого, к тому же бесследного, никем не отмеченного, была настолько очевидной, что в конце концов от этого толкования отказались и сами норманисты.

К тому же в других списках тут стоит гораздо более понятное и естественное: "и пояша с собою дружину многу и предивну". Или похожие варианты.

Однако не следует забывать, что и выражение "пояша по себе всю Русь" может иметь совершенно иное понимание. "Пояша по себе" вовсе не

означает "взяли с собой". Истинное значение угадывается из сравнения. Существует старинное выражение: "по мне - хоть трава не расти". Тут "по мне" и "для меня" в смысловом отношении почти равнозначны. В тексте "попяша по себе" можно прочесть как "взяли для себя" всю Русь, т. е. разделили между собой области княжения на Руси (что и было). Напомним, что выражение "избрашася 3 браты" еще не означает непременно "собрались", а "избрались", т. е. были избраны посланцами, распределили между собой границы правления и отправились в дорогу.

Мы привели 10 примеров (их можно привести больше) и считаем, что показали достаточно, что наши летописи и не понимались, с одной стороны, из-за недостаточного знания древнего русского языка, с другой - из-за отсутствия сличения с более хорошо переписанными списками, наконец - из-за непонимания вследствие предубеждений. Русская общественная мысль слишком уж поверила в непогрешимость историков, теперь приходится расплачиваться.

Глава 2

Учтены ли в проблеме о варягах все данные летописей!

На этот вопрос можно ответить совершенно точно и определенно: нет, не учтены. Вне поля зрения историков оказались два ряда источников, дающих часто весьма важные данные, дополняющие сведения "Повести временных лет": 1) Воскресенская, Никоновская и др., 2) Иоакимовская и ряд других новгородских летописей, сообщающих не только то, как произошло призвание варягов, но и почему это случилось.

Просто загадочно, почему сведения, сообщаемые первой группой источников, не включены в историю. Они игнорируются без малейших объяснений. В комментариях к этим местам мы находим лишь трафаретное: "происхождение источника этого сведения неизвестно". История в этом случае расписалась в своей несостоятельности.

Сведения, сообщаемые второй группой источников, объявлены "апокрифическими", но здесь, по крайней мере, дано, хоть и ложное, но все же объяснение. Причина игнорирования обоих рядов источников проста:

приняв их во внимание, необходимо совершенно изменить наш взгляд не только на призвание варягов, но и на все начало Руси в эту эпоху. Смелости разрушить старые представления не хватило, ограничились повторением заученного.

Между тем большинство сведений, сообщаемых в первой группе источников, не подлежит ни малейшему сомнению (и по различным другим поводам они используются историками).

Если мы сравним "Повесть временных лет", т. е. Лаврентьевскую летопись, с Никоновской, Воскресенской и др., бросается в глаза, что в последних оказываются довольно мелкие подробности, например, что в Киеве в таком-то году был очень сильный дождь, что прилетела саранча и т. д., но в "Повести" они выпущены. Совершенно очевидно, что эти мелкие, почти ничего не значащие факты не явились позднейшими выдумками, вставками переписчиков, а выписаны из протографа или более полной основной летописи, которые были полнее "Повести временных лет". Составитель "Повести" пренебрег такими мелочами. Ну, в самом деле, зачем переписывать, что 300 лет тому назад в Киеве был очень сильный дождь, кому это нужно? Или что в таком-то году был убит болгарами сын Аскольда, о котором больше не упомянуто ни слова?

Сжатость изложения была, несомненно, некоторым плюсом, обеспечивавшим успех "Повести", но, с нашей точки зрения, многое, что казалось составителю "Повести" не заслуживающим внимания, имеет, оказывается, большой интерес. У современных энтомологов, скажем, такой для историка пустяк, как налет саранчи. И смерть сына Аскольда говорит о многом: 1) о возрасте Аскольда (значит, в данном году он не был юношей), 2) о том, что намечалась целая династия Аскольда, 3) что последний воевал с болгарами.

В Никоновской летописи мы находим о призвании варягов следующее: "И по сем собравшися реша о себе: "поищем межь себе, да кто бы в нас князь был и владел нами; поищем и уставим такового или от нас, или от Казар, или от Полян, или от Дунайчев, или от Воряг". И бысть о сем молва велиа: озем сего, озем другого хотящем; таже совещавшися послаша в варяги". Это место чрезвычайно ценно: оно показывает тип работы составителя "Повести временных лет": он не писал самостоятельную историю - он сокращал протограф. Поэтому теперь становятся понятными некоторые перескоки и шероховатости в изложении. Сокращая, он выбрасывал не только мелкие подробности, но и лишал изложение необходимой связи и полноты. Ему, читавшему оригинал, казалось все понятным в его изложении, а на деле оказывалось не то. Кое-что он, по видимому, выбрасывал, и не только то, что считал неважным, но и то, что для него было неудобным: он производил цензуру протографа.

Приведенный отрывок дает чрезвычайно важные сведения. Прежде всего, управление посредством князя отнюдь не являлось какой-то новинкой. Это была давно известная институция. Затруднение было в том, что князя не было.

Историки представляют дело так, будто до появления Рюрика с братьями в Древней Руси была аморфная масса людей, вообще без государственного строя. Шл-цер видел в наших предках полудикарей, живших наподобие зверей и птиц. Все это, оказывается выдумкой: в середине IX века новгородцы, не только имели давний опыт княжеского управления, но и знали, что делается на Дону (Хазария), на Днепре (у полян), на Дунае (у тамошних славян) и даже в Западной Европе (у варягов). Стадия культуры у новгородцев была совсем иная, чем это представляли себе немцы, основоположники нашей историографии.

Дело с призванием князя обстояло гораздо сложнее, чем думали. Новгородцы не только послали к варягам, а сначала обсуждали, откуда им лучше всего раздобыть князя. Было предложение, прежде всего, избрать князя из своей среды. Это, очевидно, наткнулось на соперничество между местными группами и не решало междоусобного спора. Удовлетворяло всех лишь нейтральное решение - выбор чужого, который не имел никаких предубеждений, а мог судить справедливо.

Если бы речь шла о том, чтобы получить вообще вы-сокоавторитетного князя, то проще всего было бы обратиться к Византии или Риму, но этого не сделали и об этом даже не думали, ибо нуждались не в чужестранце, который ничего не понимал в местных условиях, а в славянине, который знал веру, язык, право и обычаи, мог "судить их по праву". Нужно помнить, что функция князя состояла отнюдь не в руководстве войском (для этого существовали воеводы), а, главное, в управлении и судопроизводстве. Нуждались в умелом, разумном управителе и справедливом, знающем законы судье. Этим требованиям мог соответствовать только славянин.

Действительно, один из предлагаемых кандидатов был "от полян", т. е. из Киева. Были ли поляне в то время независимы или подчинялись хазарам, мы не ведаем, но совершенно ясно, что представляли для новгородцев некоторый интерес, ибо к племени, стоявшему ниже, новгородцы не обращались бы. Очевидно, Киевская Русь была уже тогда чем-то заметным, а может быть, и значительным.

В славянстве другого кандидата - "от дунайчев" вряд ли можно сомневаться, так как на нижнем течении Дуная, о котором только и могла быть речь, сидели лишь славяне. Очевидно, они были достаточно известны и импонировали Новгороду.

Третий кандидат был "от хозар". Хорошо известно, что на Дону и на нижней Волге (Итиль) было много славян и они играли видную роль в жизни Хазарии. Очевидно, торговые сношения давали возможность

новгородцам знать, что делается и в этом уголке Европы. Что речь и не могла здесь идти о чужом, т. е. настоящем хазаре, видно из того, что поляне того времени были под игом хазар. Но трудно представить себе, что новгородцы искали себе ярма. А ведь, избравши хазарина, они просто вкладывали свою голову в петлю. Ясное дело, что они выбирали себе князя, а не угнетателя. В Хазарии, где сходились различные торговые пути, они могли найти славянина, достаточно культурного, осведомленного и уже чем-то проявившего себя на поле общественной деятельности (скажем, судью в славянской части города Итиля и т. д.), но брать оттуда человека иного языка, иной веры и обычаев было нелепо.

Наконец, четвертый кандидат был "от варяг". Вряд ли приходится сомневаться, что и здесь речь шла о славянине (это будет в дальнейшем документально доказано). Вспомним, что понятие "варяг" очень обширное и ни с какой определенной нацией не связанное. Саксон Грамматик прямо говорит, что шайки, нападавшие на Англию, т. е. варягов, состояли из данов и славян. В западном углу Балтики в то время существовали еще видные славянские государства, и нет ничего удивительного в том, что новгородцы, тяготевшие к Балтийскому морю, знали их отлично.

Может, однако, появиться сомнение: зачем, после того как новгородцы только что избавились от ига варягов, они снова их призывают. Все объясняется просто: варяги, как это мы выяснили, были разные, в состав их входили скандинавы, германцы материка, славяне Прибалтики, финны и др. Прогнавши одних варягов, несомненно, чужих по крови, новгородцы могли искать князя и среди славян-варягов. Оказалось, что именно этот кандидат был избран. Как и почему это случилось, становится ясным из ряда Новгородских летописей, в первую очередь - Иоакимовской.

Иоакимовская летопись до нас не дошла. Но самая существенная часть ее, попавши в руки Татищева, была перепечатана в его "Истории" и тем вошла в обиход. Признание ее апокрифической совершенно неосновательно. Во-первых, кроме нее существуют еще Новгородские летописи с тем же самым в основном содержанием. А во-вторых, в ее содержании нет ничего легендарного и невероятного. Как и во всех летописях, во вступительной части содержатся сведения, почерпнутые из легенд. Но это участь всех летописей. Интересующие же нас сведения относятся ко времени деда Рюрика. Ко времени, от которого мы можем ожидать совершенно точных сведений. И действительно, сведения эти ничего фантастического в себе не заключают, вполне логичны и косвенно подтверждаются дальнейшими событиями.

Небезынтересно будет отметить, что самая полная Новгородская летопись, по содержанию в основном совпадающая с Иоакимовской, до сих пор не опубликована. Объясняется это тем, что Новгородские летописи намеренно отодвигались на задний план, содержание их подвергалось сомнению, ибо оно противоречило "Повести временных лет", которая стала как бы каноном историков.

Что составитель "Повести" игнорировал Новгородские летописи, вполне понятно: он писал историю Киевской земли, южной Руси и, естественно, не имел желания и даже возможности уделять внимания и Руси северной. Он совершенно недвусмысленно Рюрика, первого князя-варяга, за русского князя не считает. Его Новгород почти совершенно как таковой не интересовал, а лишь во взаимоотношениях с Киевской Русью. Поэтому он ничего не сказал, что было до Рюрика. Да и о самом Рюрике сказал меньше, чем знал. Это понятно. Но как историки Руси, которых интересует уже вся Русь, а не только ее южное ядро, оставили без внимания историю северной Руси, - это уже дело их совести. Мы же считаем, что тенденциозность их и несостоятельность их метода доказана этим бесспорно. Право же, как можно игнорировать Новгородские летописи, когда речь идет именно о событиях в Новгороде и излагаются они с детальным описанием времени, места, лиц и обстоятельств? Если эти события (допустим) неверны, это нужно доказать и отбросить их, дав этому обоснование. На деле же сведениями Новгородских летописей пользуются частично: берут, что нравится, а остальное отбрасывают, как негодное. Такой "научный" метод можно назвать только методом произвола.

Обратимся теперь к данным Новгородских летописей, которых насчитывается вместе с Иоакимовской 14. Оказывается, в Новгороде существовала династия князей, насчитывавшая ко времени призвания варягов 9 поколений. Прадед Рюрика, Буривой, вел долгую борьбу с варягами. В конце концов он был разбит на реке Кюмени, которая дальше веками служила границей с Финляндией, и вынужден был бежать в свои окраинные владения, а новгородцы подпали под иго варягов. Вот этот-то момент истории и был причиной того, что новгородцы платили варягам дань. И все же новгородцы недолго терпели иго варягов. Они выпросили у Буривоя его сына Гостомысла, т. е. деда Рюрика, и, когда тот явился, подняли восстание и варягов прогнали (но не этот момент был выдворением варягов, упомянутый в "Повести временных лет"). Началось долгое и славное княжение Гостомысла, о котором в "Повести" по причинам, о коих мы скажем впоследствии, не сказано ни слова.

У Гостомысла было четверо сыновей и три дочери. Все сыновья погибли: одни умерли от болезней, другие были убиты на войне, не оставив наследников мужского пола. Дочерей Гостомысл, согласно законам того

времени, выдал замуж за разных заморских князей: К концу жизни Гостомысл оказался без наследника, что его очень тревожило. Он обращался к разным кудесникам, те успокаивали его, говоря, что у него будет наследник от его корня. Гостомысл недоумевал, ибо настолько был стар, что жены его уже детей не рожали. Здесь в изложении летописи вступает элемент чудесного: Гостомыслу, мол, приснилось, что из чрева его средней дочери Умилы выросло большое дерево, плодами которого питаются люди его страны. Об этом сне- предсказании было сообщено народу, который остался этим доволен, ибо сын старшей дочери Гостомысла почему-то не был угоден народу (далее мы догадаемся - почему).

Татищев еще в первой половине XVIII века высказал дельную мысль, что вся эта история со сном была выдумана самим Гостомыслом. В древности, как известно, сновидениям придавали огромное значение. В снах видели веления богов. Существовала даже особая, высокочтимая профессия толкователей снов.

В положении Гостомысла решение о престолонаследии являлось само собой: если мужская линия угасла, можно было восстановить династию по женской линии, взявши внука от дочери. Такая операция совершается по сей день. Затруднение, однако, было в том, что правом наследования обладал внук от старшей дочери, не любимый народом. Гостомысл обошел это затруднение, сославшись на вещий сон. Но намерение Гостомысла при его жизни не было осуществлено. Поэтому после его смерти начались неурядицы из-за отсутствия князя (этот-то момент и отмечает "Повесть временных лет" как начальную точку русской истории; на деле же это было далеко не начало).

Теперь становится понятным, почему выбор пал на "варягов" и выбранными оказались Рюрик, Синеус и Трувор: решение склонилось в пользу исполнения совета покойного, любимого и уважаемого всеми Гостомысла. Таким образом мы избавляемся от нелепости, что посылали к чужим, за чужестранцами. Посылали за внуками своего умершего князя, к тому же (увидим ниже) за славянами и по отцу. Старшая дочь Гостомысла была уже замужем; вероятно, за князем неславянином, поэтому старший внук и не нравился народу.

В свете сказанного становится понятным, почему посланцы говорили варягам-братьям "да пойдете", т. е. обращались во множественном числе: все трое были законными наследниками старого, умершего князя; однако Рюрик как старший брат главенствовал. Проясняется, почему братья "попяша по себе всю Русь", т. е. разделили между собой всю Русь, - потому что они имели на то право, а государство настолько велико, что требовало при тогдашних путях сообщения нескольких князей. Трое братьев-князей

были особо удачным решением посланцев: каждая значительная часть Руси получала по князю.

Ипатьевская летопись говорит, что по смерти братьев Рюрик "прия власть всю един". Отсюда следует, что братья были не его ставленниками, как это случилось далее с его воеводами, а равноправными князьями.

Итак, мы видим, что Новгородские летописи исчерпывающим образом разъясняют все недоумения в связи с призывом варягов-князей. Спрашивается: почему же "Повесть временных лет" об этом умолчала и, добавим, злонамеренно? Понять очень легко: южный летописец не только мало интересовался тем, что было на севере, но и отражал интересы правящей династии в Киеве. Если рассказать все о Новгороде - это значит показать, что Новгород древнее Киева на века. Что династия пришла оттуда. Что династия была там тоже веками. Иначе говоря, показать, что столице надо быть в Новгороде, а не в Киеве. Новгород всегда настаивал на своей самостоятельности и имел ее не только в продолжение Киевского, но и значительной части Московского периода. Лишь Иван Грозный окончательно сломил самостоятельность Новгорода и превратил его в обычный областной город.

Чтобы устранить опасность соперничества между Новгородом и Киевом, разделения государства надвое, необходимо было устранить базу для такого соперничества. Это было достигнуто тем, что южный летописец отбросил историю Новгорода, а Новгородские летописи были отодвинуты в тень. Каноном были признаны южные летописи.

Замечательно, однако, то, что протограф русской летописи был, вероятно, написан в Новгороде, вполне возможно, самим епископом Иоакимом, просветителем новгородцев и человеком, несомненно, очень образованным. Составитель "Повести временных лет" сокращал летопись Иоакима. Отсюда пошли перескоки и шероховатости летописи, о чем уже мы говорили. "Повесть" начинается внезапно, совершенно необоснованно. Вдруг появляются князья, варяги, дань и т. д. Рюрик как будто падает с неба на поле истории. Об отце его или деде ни слова - это понятно: сказать о них что-то означало выпустить кота из мешка. Составитель "Летописи" скомкал, испортил связный рассказ летописи, выбросил совершенно Гостомысла и т. д. Он дал понять, что, мол, все предыдущее покрыто туманом неизвестности. А между тем туман-то был выпущен им самим.

Но в дальнейшем он проговаривается, и его можно поймать на том, что ему было известно гораздо больше, чем он сказал (об этом мы пока умалчиваем, ибо это отвлекло бы нас слишком в сторону). Истинное значение Иоакимовской летописи было показано пишущим эти строки еще в 1955 году, но советские историки до сих пор склонны рассматривать

"призвание варягов" как "ходячий сюжет", как легенду, не имеющую исторических оснований. Вследствие этого не только Рюрик, но даже отчасти Олег и Игорь признаются почти легендарными. Здесь советская историческая наука совершила огромную и непростительную ошибку: у северной Руси отнято ею несколько веков действительного, исторического существования, которое подтверждено блестящими археологическими находками. Более того, советская историческая наука дала себя провести не слишком-то ух и ловкому монаху, сделавшему свое дело достаточно белыми нитками.

Все вышеизложенное показывает, что летописи не только недостаточно точно понимались, но и не все они изучались и сравнивались. Неудивительно, что не были приняты во внимание и другие очень важные дополнительные источники, с содержанием которых мы познакомимся ниже. Эти источники были оглашены давным-давно, но содержание их игнорировалось, ибо все считалось решенным окончательно и безапелляционно, хотя нелепости нашей истории криком кричали.

Если в прошлом все объяснялось косностью мысли, административным давлением, не позволявшим отходить от канона, то после 1917 года, когда норманская теория была объявлена "ненаучной", казалось бы, все пути были открыты для восстановления истины. А прогресса не последовало. И можно догадаться - почему. Об истории Древней Руси кое-что писали "классики марксизма". Следовательно, здесь поставлена граница знанию советскому историку: коль скоро его выводы основаны на фактах, не известных классикам марксизма, они не будут признаны, а объявлены "ревизионизмом". Кому охота носить этот ярлык? Поэтому советские историки тщательно обходят все вопросы, которые могут поставить их в конфликт с "классиками".

В советской исторической литературе, на исторических съездах, совещаниях и конференциях не раз уже поднимался вопрос о мелочности задач, разрешаемых советскими историками, в постановлениях прямо указывалось на крохоборчество, на отсутствие даже попыток решать крупные исторические проблемы. Даже само ниспровержение норманизма произошло не так, как это следовало бы сделать, т. е. после солидного разбора всех деталей, выяснений всех этапов борьбы и формальных пунктов постановлений. Сделали все по формуле: "слушали - постановили". Постановление есть, а самого разбирательства не было. Хотя советские ученые, в особенности археологи, сделали очень много в борьбе с норманизмом, борьба эта осталась как бы повисшей в воздухе: нет ни одной солидной работы советского историка, где теория норманизма была бы проанализирована по всем пунктам и опровергнута. Равным образом совершенно не освещена вековая борьба антинорманизма и норманизма.

В результате всего этого западная историческая наука совершенно игнорирует выводы советской науки, ибо наука движется не декларациями, а тщательным взвешиванием всех "за" и "против". Это не сделано. И главным образом по вине советской исторической науки, естественным долгом которой является вынесение спора на международную арену.

Глава 3

Существовало ли германское племя Русь?

Если на западе когда-либо существовало германское племя Русь, то мы, естественно, должны найти данные о нем в западноевропейских источниках. Ни Плиний, ни Тацит, ни Птолемей не упоминают никакого племени Русь на материке Европы. Историк середины VI века Иордан, перечисляя племена, живущие в его время в Скандинавии (их насчитывалось там 27), племени Русь среди них не называет. Древненемецкие хроники, захватывающие по крайней мере 100 лет до времени "призвания варягов", т. е. до второй половины IX века, и несколько дальнейших веков, также ничего не говорят о германском племени Русь. А между тем оно должно было где-то жить, занимать определенную область, с кем-то воевать, входить в самые разнообразные политические, торговые, религиозные и иные отношения, оставить след в истории. Если о Руси на востоке во второй половине IX века мы знаем очень мало, то о Руси этого времени на западе не могли не сохраниться сведения, ибо речь не о чем-то малом, незначительном, а о целом племени, которое создается веками и состоит из многих тысяч людей. Племя, сыгравшее такую огромную роль в судьбах всей Европы, не могло оказаться без истории. Забыться могло лишь племя, стертое в исторической борьбе, но не возглавившее в IX веке одно из самых крупных государств Европы. Ведь речь идет не о коротком эпизоде в несколько лет, а об эпохе в сотни лет, если верить норманистам.

Странное дело: о германской Руси ни до Рюрика, ни в его эпоху, ни, наконец, вплоть до смерти (1054 г.) Ярослава Мудрого во всей западноевропейской литературе нет ни одного упоминания. Ни единого. Все, что известно там, основано на данных, взятых из русских источников. После же Ярослава Мудрого варяги совершенно сходят с поля зрения истории. Это - факт крупнейшего значения, на который до сих пор не обратили должного внимания. Не могло же быть, что в вековых сношениях Востока с Западом, Восток, менее культурно развитый, кое-что сохранил в памяти, а Запад, с его многовековой культурой, - решительно ничего. Не следует упускать из виду, что потеря хроник, исторических актов и т. д. еще не означает потери прошлого: существуют еще родовая

память, народная память, наконец, исторические легенды. Если на востоке Европы вокняжилась династия Рюрика, то этот факт касается не только его, но и всего его рода. Род это помнит, им гордится и, при случае, этим пользуется, т. е. предъявляет свои права на престолонаследие и т. д. В смутные времена (а их на Руси было немало) всегда имеется борьба партий, выдвигающих разных кандидатов. В этих случаях всякие младшие и боковые линии династии выдвигают своих представителей. Всякие восстания, смуты и прочее обычно связаны с такими претендентами. Но вот замечательный факт: за всю историю Руси ни разу ни один кандидат боковой линии германской Руси не предъявлял своих прав на власть в Руси. Обычно такие претенденты появляются на сцену при поддержке государств, подданными которых они являются. Ни прогнанные варяги, ни родственники Рюрика на западе ни разу не выступали со своими правами во время войн Новгорода со шведами и вообще "варягами". И в дальнейшем Русь при заключении различных договоров, когда всплывают вековые претензии и контрпретензии, с подобными заявлениями прав не встречалась. Это показывает, что на Западе не было никого, кто мог бы подобные права предъявить, у династии Рюрика связи с Западом не было. Единственным источником Запада, сохранившим память о древних сношениях с Русью, являются скандинавские саги, но в них нет ни малейшего упоминания о германской Руси. Более того: в них нет ни слова о руководящей роли варягов на Руси. Всюду они выставлены как простые наемники, живущие на жалованье по контракту и совершенно изолированные от населения. В этих сагах, заключающих в себе много элементов настоящей сказочности, можно было ожидать возвеличения варягов, этого же нет. Об Эймунде, добившемся, согласно саге, княжения в Полоцке, сказано, что он получил это место с "соизволения Ярослава и Ингигерды". Иначе говоря, он был простым ставленником Ярослава, который сегодня княжит, а завтра его нет.

В общем сказать, западный мир о германской Руси не имеет никаких данных. То же самое относится и к восточному миру, т. е. к арабским и персидским писателям. Если мы проанализируем их данные, то увидим, что арабский мир никаких норманнов или германцев на востоке Европы не знал. И это понятно: Скандинавия была для арабов "terra incognita", отделенная тысячами километров малоизвестных и труднопроходимых дорог. Арабский мир не мог не знать о существовании на востоке Европы норманнов - действительно, а не мнимом, сейчас предполагаемом. Ведь хазары были соседями руссов и вообще славян восточной Европы. Причем в самой Хазарии жило очень много руссов. Не могли восточные писатели не знать и торговцев- норманнов, существующих в действительности. Но о них нет решительно никаких упоминаний. Наоборот, Хордадбег (заметьте, в 40-х годах IX века, т. е. до Рюрика) говорит: "Что же касается пути купцов Руси, а они принадлежат к славянам" и т. д. Иначе выражаясь,

имя "Русь" для купцов Восточной Европы было известно еще до Рюрика, и эти русские купцы были славянами. Надо иметь в виду, что представления историков о торговле в Древней Руси совершенно не соответствуют действительности. Вся внутренняя торговля в Восточной Европе осуществлялась самими восточнославянскими племенами. И лишь на рубежах купцы славян сталкивались с иностранными. Те иностранные купцы транзитной торговлей не занимались и не могли заниматься в силу состояния тогдашних путей (подробнее об этом - ниже). Древняя Русь была непроницаема для торговли иностранных купцов. Арабы знали и различали только "руссов" и "славян", представителей двух крупных восточнославянских государств. Вместе с тем им было ведомо, что эти народы - одного корня. Хордадбег прямо и недвусмысленно говорит, что "царь славян называется княдз или канназ" и что "купцы руссов принадлежат к славянам". Аль-Джай-гани подмечает, что "руссы состоят из трех родов: 1) из руссов (...), 2) из славян (...) и 3) артанцев". То же повторяют Ибн-Хаукаль и Идриси. Под "руссами" они разумели граждан Киевской Руси, где имя Русь употреблялось задолго до появления Рюрика, а под "славянами" - граждан Новгородской Руси, которые называли себя "словенами". Государство "словен", или Новгород, арабы именовали "Славония". Если взять это за основание, все высказывания восточных писателей оказываются ясными и точными, не вызывающими никаких недоумений. Никаких германцев-норманнов арабы не знали. Они знали только представителей двух славянских государств. Если путаница и была, то она и понятна, и легко объяснима: у одних писателей руссы включают себя в славян, у других славяне себя - в руссов. Это объясняется тем, что политически то "славяне" (Новгород) верховодили над "Русью", то "руссы" - над "Славонией". Этнически это был один народ, а политически - два. Ознакомимся с описанием одежды, обычаев, образа жизни у руссов и славян - и мы увидим, что они были почти одинаковы. А главное - совершенно отличны от обычаев германских племен.

Вся ошибка прежних комментаторов заключалась в том, что они приняли как символ веры, что руссы - это германцы. Между тем религия, обычаи, весь уклад жизни восточных славян были совершенно иными, чем у германцев. Наконец, не поняли, что физически германцы не могли торговать, идучи из Скандинавии в Каспийское море: не существовало такого товара, который мог окупиться на тысячеверстном пути. Что касается Византии, то и она познакомилась с настоящими варягами-германцами значительно позже, через посредство Руси, пропускавшей в Византию отряды варягов, которые ехали наниматься на службу в Царьград.

Из всего вышесказанного вытекает, что ни один западный источник не знает германской Руси. Не имея исторических данных, норманисты

старались найти подтверждение своим идеям в... филологии. Указывали, например, на существование области Рослаген в Швеции и видели в этом имени намек на существование там германской Руси. Как оказалось же, имя это вошло в употребление в Швеции лишь с XIV века, не говоря уже о том, что корень искомого слова не "рос", а "рус", ибо "Россия" - это грецизированная форма исходного корня "рус". Далее. В том, что финны называли шведов "руотси", узрели доказательство того, что германское племя Русь передало свое название северным славянам, - предположение, поражающее своей нелогичностью. Во-первых, "Русь" и "руотси" не одно и то же. Тождественность их надо еще доказать. Во-вторых, похожие названия - еще не доказательство их тождественности. Существовало, например, государство франков, но это не значит, что это были французы. В-третьих, шведы сами себя "руотси" не называли и не могли передать своего прозвища, ибо его не употребляли. В-четвертых, финны отлично знали разницу между шведами и славянами. И называли последних и называют доныне "венаа". Как могут существовать подобные "аргументы" в XX веке в научном обиходе, понять невозможно. Все эти и подобные им филологические "доказательства" - плод нелепейших фантазий, позорящих и филологическую, и историческую науку. Поэтому от рассмотрения их мы отказываемся. Подобные попытки не могут скрыть главного: источники Запада не знают германской Руси совершенно, и это понятно, ибо германская Русь никогда не существовала. Зато западноевропейские источники сохранили множество сведений о существовании на Западе славянского племени Русь. Это племя располагалось там до 1168 года, когда оно окончательно было покорено германцами, исчезло с поля истории и было забыто. Вместе с тем русская летопись в 1113 году знала о существовании в юго-западном углу Прибалтики среди других варягов и племени Русь. И, чтобы не дать подумать, что речь идет о варягах- германцах, добавила: "к Руси". Что именно эта Русь была славянами, мы узнаем из "Жития" епископа Отгона Бамбергского, первокрестителя поморских славян. Два обстоятельства позволили имени западной Руси скоро там утратиться: 1) уничтожение самостоятельности племени, подчинение его германцам и 2) существование других названий, употребляемых в отношении их. Особенно важную роль играло имя "руги". Это очень древнее имя: уже Тацит в 98 году нашей эры упоминает его, и именно в этом углу Прибалтики. Современный остров Рюген на самом деле называется "Рутин", ибо был населен ругами. Жили руги также на материке поблизости. Что руги и русины одно и то же, показано не только в "Житии" Отгона Бамбергского, но и косвенно очень древними немецкими хрониками. Они, например, называют княгиню Ольгу не "регина руссорум", а "регина ругорум". В славянстве же княгини Ольги сомневаться не приходится, принимая во внимание в особенности недавно найденный отчет легата, присутствовавшего в 957 году в Царьграде на приеме княгини византийским императором. Там прямо сказано, что она

"из славянского племени кривичей". Другим синонимом древних руссов был "русины". Русские летописи, говоря о людях, называли их "русин", "русины", а землю их - "земля Руська". В латинской транскрипции писалось это - "рутены", что удержалось в немецком языке до настоящего времени. На этом языке жители Карпат - славяне - называются "рутены". А язык их - "рутениш". Славянство ругов не подвергается никакому сомнению, если принять во внимание Адама Бременского, Титмара, Гельмольда, Саксона Грамматика и др. В древних немецких хрониках, актах, письмах мы нередко встречаемся с именами "руззи", "руци", "рустици" и т. д. Все они касаются славянского племени руссов, ибо свидетельство этого (прямое или косвенное) всегда имеется рядом - в текстах. Мы не останавливаемся на этом подробно, ибо тема эта будет нами разработана особо в другом месте. Таким образом, вековая загадка разъясняется просто и исчерпывающе: посланцы новгородских и других северных племен были направлены к варяжскому племени Русь, жившему в западном углу Прибалтики. Эти варяги были славянами. За князем этих славян была замужем дочь новгородского князя Гостомысла - Умила. За ее сыновьями, чтобы возобновить угасшую по мужской линии династию Гостомысла, и явились посланцы. Это племя Русь иначе называлось еще ругами. В конце XII века руги были покорены германцами, и имя "руги" (а равно и "рутены" или "русины") совершенно исчезло с поля истории и было забыто. Столетиями позже придумали германское племя Русь, чтобы как-то понять слова летописца и удовлетворить шовинистические чувства немецких ученых, призванных создавать русскую науку.

Однако ж истину не спрячешь: на Западе остались следы "призвания варягов", но они были потеряны. В 1956 году пишущий эти строки обратил внимание в газетной статье, а затем, в 1957 году, в 6-м выпуске "Истории руссов" на неопубликованную находку Ю. П. Миролубова. Оказывается, имеется книга француза Мармье (X. Marmier) "Письма о севере", изданная им в 1840 году в Париже, а затем в 1841-м в Брюсселе. Этот французский исследователь, не имеющий, к слову сказать, никакого отношения к спору антинорманистов с норманистами, во время посещения им Мекленбурга, т. е. как раз той области, откуда был призван Рюрик, записал среди песен, легенд, обычаев местного населения также и легенду о призвании на Русь трех сыновей князя славян - ободричей Годлава. Таким образом, еще в 1840 году среди онемеченного населения Мекленбурга легенда о призвании бытовала. Призвание варягов запомнили не только на востоке. Помнили и на западе, откуда вышли.

Конечно, призванные варяги ничего общего со скандинавами не имели. Не были они и германцами. Иначе память о происшествии давно уже была бы официально закреплена. Сохранилась она в завуалированной форме, потому что касалась не победителей, а побежденных.

Существует еще один глухой источник об этом же событии. К сожалению, этой редкой книги автору еще не удалось найти. Но нет сомнения, что она не в единственном экземпляре. Книг должно быть больше. Не находили, потому что не искали.

Из всего вышесказанного вытекает, что роль варягов в истории Руси была совсем другая, чем до сих пор думают. Прежде всего призванные варяги были славянами, явились только три брата со своей дружиной и не могли оказать никакого особого влияния в силу своей малочисленности и национальности: они немедленно растворились в местном восточнославянском море. Варяги же неславяне принимались время от времени на военную службу и также не оказали никакого влияния из-за своей малочисленности, подчиненности и изолированности от населения (им не доверяли и их сторонились).

Чтобы разъяснить все возможные недоумения, остановимся еще на отрывке в "Повести временных лет":

"В лето 6367. Имаху дань варязи из заморья на чюди, и на словенех, на мери и на всех (следует читать "и на веси". - С. Л.), кривичех. А козари имаху на поленех, и на северах, и на вятичех, имаху по беле и веверице от дыма". Так как писали сплошняком, а буквы "и" не употребляли, то сплошняк был разбит неверно - следовало бы: по белей веверице". "Белая веверица", как мы выяснили (см. стр. 1141 нашей "Истории руссов"), - это не белка, как думали раньше, а горноста́й. Цена белки в качестве дани смехотворно низка, соболя же или горноста́я - нечто весьма существенное. Из отрывка видно, что составитель "Повести" слил в одно совершенно разные действия: выплату дани чужеземцам как на севере, в Новгороде, так и на юге, в Киеве. Нет ни малейшего сомнения, что уплата дани началась не с 6367 года (в переводе на наше исчисление с болгарского - 867 года), а раньше. И не одновременно и на севере, и на юге. Тем более что платили дань совершенно разным народам. Наверное, можно сказать, что и величина дани была неодинакова. Составитель вынужден был начать историю с изгнания варягов, чтобы начать хоть как-то. Поэтому он начал с уплаты дани, чтобы оправдать изгнание варягов. Нет ни малейшего сомнения, что в источнике, которым он пользовался, было сказано о начале Руси гораздо больше. Но это начало не касалось Киевской Руси. А поэтому он его отбросил, скомкавши изложение. Так как несколько ниже в летописи находили: "В лето 6370. Изгнаша варязи за море, и не даша им дани, и почаша сами в собѣ володети", - то делали вполне логический вывод, что варяги жили, господствовали на Руси и брали дань, а в 870 году их прогнали и дани больше не дали. Однако это противоречит данным Новгородских летописей, согласно которым дань варяги брали еще до Гостомысла и были они в Новгороде короткое время, пока Гостомысл их не выдворил. Историки решили вопрос просто: отбросили данные

Новгородских летописей, а между тем и в южных летописях существуют списки, в которых говорится иное. Карамзин (I, прим. 114) приводит такой вариант летописи: "В лето 6368, 6369, 6370, быша Варязи из заморья, и не даша им дани, и почаша сами себе володети". Следовательно, варяги из заморья только приезжали за данью, но дани им не дали и прогнали. Заморские варяги, узнав, что Гостомысл умер, что власти нет, что происходят неурядицы, решили воспользоваться удобным случаем и возобновить получку дани. Но посланцев прогнали. Теперь понятно, почему нет ни слова об изгнании варягов из Руси. Если они были здесь, надо было изгнать их силой из их опорных пунктов. Необходимо было вооруженное восстание, кровопролитие (и. т. д.), о котором летопись не могла умолчать. Кто-то руководил восстанием. Варяги как-то сопротивлялись и проч. На деле же в летописи - ни слова об этом. Почему? Да потому, что ничего этого не было. Не было кого прогонять из Руси. Варягов прогнал еще Гостомысл. А теперь, после его смерти, выдворили сборщиков дани, явившихся из-за моря погреть руки.

Таким образом, данные и северных, и южных летописей совершенно сходятся и истина восстанавливается.

Слова "и почаша сами в себе володети" вовсе не относятся к варягам (мол, сбросивши их иго, северные руссы стали сами управляться), а к тому, что Гостомысл умер и северные руссы, оставшись без князя, вынуждены были управляться сами. Но так как составитель "Повести" по высказанным выше соображениям Гостомысла выбросил, то слова эти отнесли к варягам, которых уже на Руси давно не было.

На этом мы изложение прямых данных истории закончим. Все они приведены в строгую логическую связь и доказывают, что германская Русь никогда не существовала. А те руссы, которые пришли, были славяне. Так как сторонники норманской теории видят отражение влияния норманнов-варягов на Руси буквально во всех областях ее жизни, то мы займемся далее и рассмотрением всех косвенных доказательств норманистов и покажем, что все они - сплошное недоразумение.

Глава 4

О косвенных доказательствах норманистов

Какую роль ни присваивали бы норманнам - завоевателей или организаторов и культуртрегеров, мирных поселенцев либо торговцев, - все равно за несколько веков (как принимают норманисты) они не могли оказать существенного влияния на религию руссов. Во всяком случае, должны были остаться какие-то письменные, вещественные или бытовые следы. К этому мы и переходим.

Религия. В истории не известно ни одного факта, чтобы кто-то среди руссов исповедовал бы религию Оди-на. Тора, Фрейи и т. д. Нет ни одного известия, что кто-то из норманнов пытался (что так естественно) перевести руссов в свою веру. Нам не известно ни одного столкновения между норманнами и руссами на религиозной почве. Нет никаких вещественных следов культа скандинавских богов (надписей, предметов религиозного культа, писем и т. д.), что при вековом (якобы) пребывании норманнов на Руси является совершенно не объяснимым.

Мы знаем, что при заключении договоров с греками руссы клялись славянскими богами - Перуном и Веле-сом, варяги-христиане в церкви - св. Илией, но ни один не присягал перед ликом скандинавских богов. А между тем ясно, что греки, заключая договор, не могли связать клятвой скандинавов, когда те играли, как принято считать, видную, если даже не руководящую роль в войске руссов. Даже норвежец Олег, первый русский князь в Киеве, прозванный "вещим Олегом", клялся славянскими богами. Значит, он плыл в фарватере славянской стихии. Далее отметим характерную черту клятвенного обряда. Олег и его воины клялись на славянский лад, кладя обнаженный меч на землю. Германские же народы при клятве вонзали меч в землю.

Владимир Великий пришел к власти в Киеве, опираясь главным образом на вывезенное из заморья войско варягов. Под влиянием этого войска богам стали приносить человеческие жертвы, воздвигать кумиры. Но первый кумир, возведенный Владимиром, был не Тор или Один, а Перун, который назывался западными славянами Перкуном. Следовательно, варяги Владимира поклонялись славянским богам.

Могут возразить, что скандинавы не распространяли религии Одина потому, что были христианами. Если мы обратимся к источникам совершенно нейтральным, увидим, что христианство в Скандинавии укрепились почти на 100 лет позже, чем в Киеве, хотя некоторые скандинавы и были уже христианами. Кроме того, христианство пришло на Русь с юга, православное, а не с севера - католическое. Тенденциозные попытки убедить, что Владимир Великий был католиком, абсолютно лишены каких бы то ни было оснований. Это доказывается и тем, что Владимир причислен к лику святых в православной, а не в католической церкви. Равным образом нельзя видеть в Олафе Тригвиссоне лицо, убедившее Владимира креститься, и уже потому, что сам Тригвиссон крестился на 5 лет позже Владимира, как это видно из англосаксонских хроник.

Довольно многочисленные посольства римских пап на Русь в течение значительного отрезка времени показывают, что папы все время

стремились отколоть Русь в сторону Рима. Следовательно, христианство пришло на Русь не через северных варягов-католиков.

Из всего сказанного видно, что норманны-германцы не оказали ни малейшего влияния на религию Руси и нет никаких данных, что они пытались это сделать, - обстоятельство, совершенно не объяснимое норманской теорией.

Обряд погребения. Не менее показателен также обряд погребения у древних руссов, хотя в деталях он у разных славянских племен и в разные эпохи отличался, все же основная суть его всюду сохранилась - это трупосожжение. Лишь с введением христианства он постепенно прекратился. Арабские писатели оставили нам немало описаний этого обычая. Особенно в связи с тем, что у славян существовал обычай добровольной смерти жены после смерти мужа. Ибн-Даста, писавший между 903 и 912 гг., говорит, что жена кончала с собой петлей. Существовал и другой вариант смерти: в могилу клали живой жену и тела обоих сжигали. Упоминание об этом обычае мы находим и в русских былинах. По Ибн-Фодлану, который был свидетелем этого обычая, убитой и сожженной могла быть и любая женщина, добровольно согласившаяся уйти вместе с покойником в другую жизнь.

Масуди, писавший между 920 и 950 гг., сообщает также о добровольной смерти вдов у славян и руссов, т. е. у новгородцев и киевлян. О том же самом сказал и Миска-вейки (ок. 980 г.), описывая события в связи с захватом руссами г. Бердаа в Закавказье. Обычай этот, кстати, засвидетельствован на протяжении многих столетий: для славян Мавриkiem (VI век), Бонифацием (VIII век), анонимом - персидским географом (982 г.), Дитмаром (XI век) и др. Этот обычай сжигания трупов, а особенно добровольной смерти жены, у германцев совершенно отсутствовал. Во избежание недоразумения здесь уместно сказать, что в так называемой "Германии" не все племена были германцами. Были и славяне, и кельты, и финны, и другие племена. Поэтому обычаи славян нельзя распространять на всех "германцев".

Новейшие исследования (Соловьев, 1956) показали, что у кривичей были "длинные курганы, содержащие останки многих трупосожжений". У вятичей - "курганы с деревянными камерами внутри ограды, также с сожжением умершего, представляющие собой миниатюрные домики мертвых, заключенные в курганный насыпь". У северян были "поля погребальных урн" с прахом от сожжения покойных". "Поля погребений несколько иного типа на Днепре и Припяти принадлежат, вероятно, дреговичам".

Таким образом, в особом типе погребений у восточных славян, совершенно отличном от скандинавского, мы находим свидетельства, не вписывающиеся в нор-манскую теорию. А то обстоятельство, что скандинавского типа погребений на территории Древней Руси вообще не найдено, совершенно не объяснимо этой теорией.

Законодательство. В Древней Руси оно было оригинальным. И весьма древним. Попытки найти в "Русской Правде" отголоски скандинавских законов бесплодны и необоснованны. Норманист Соловьев, автор многотомной истории России, вынужден был признать, что в законодательстве Древней Руси нет ни малейших следов влияния скандинавов. И это вполне понятно, ибо свод русских законов, "Русская Правда", был написан по крайней мере на 100 лет раньше, чем какой-нибудь скандинавский. А в написанной форме существовал еще в IX веке - на него ссылается в договоре с греками Олег в самом начале X века. Если в каких-то местах "Русской Правды" и можно усмотреть некоторые аналогии с законами, существовавшими в Западной Европе, то это вполне понятно: сходные условия существования порождали и сходное законодательство.

Кроме того, не следует забывать, что в DC веке славянство еще прочно сидело на Эльбе и что вся центральная часть Европы была тогда в славянских руках. Есть основания предполагать, что "Салический закон", распространенный на Западе, в значительной мере отражал обычное право славян. В нем даже попадаются славянские слова, взятые из обихода. Следовательно, Русь могла испытывать влияние и других славянских народов, с которыми граничила и находилась в династических, торговых и культурных связях. Скандинавия же оставалась совершенно в стороне.

Надо помнить, что новейшие исследования и данные показывают, что Киевская Русь была только восточной частью племени Русь, сидевшего издревле в Западной Европе, и, естественно, должна была иметь законы и обычаи, общие для всего племени.

Некоторые исследователи до сих пор пытаются увидеть в одном из постановлений "Русской Правды", предоставляющем варягам возможность обходиться в суде меньшим количеством свидетелей, чем руссы, - признак привилегированного положения варягов. Вывод этот совершенно ложен: русский закон вовсе не давал варягам преимущества, он только справедливо сравнивал шансы спорящих сторон. Как мог закон требовать от чужестранца 7 или 12 свидетелей, когда всех-то иноземцев в момент совершения несправедливости было меньше этого числа? Нельзя было ставить на одну доску русина, рожденного здесь и имеющего толпу родных, друзей и знакомых, и чужестранца, которого, конечно, знали

меньше и который мог знать весьма ограниченное число людей. Русский закон предоставлял иностранцу в судебном споре равные возможности, и это было справедливо. Ни о каких привилегиях варягам здесь не может быть и речи. Все это касалось всех иностранцев, и если были упомянуты варяги, то только потому, что они были гораздо чаще на Руси, чем другие. Если бы варяги имели какое-то преимущество перед лицом закона, то это было бы непременно отражено и в других статьях, а не только в количестве свидетелей. Предпочтения не могло быть уже и потому, что это было бы против духа самого закона. Будь оно - оно было бы отражено в первую очередь в размере наказания или увечья, причиненного варягу, а этого нет.

Далее. В "Русской Правде" имеются основные черты законодательства, совершенно чуждые скандинавскому. Смертная казнь, как правило, заменялась высоким денежным штрафом. пытки вообще не применялись.

Береговое право, господствовавшее во всей Западной Европе, согласно которому потерпевшие крушение становились со всем своим имуществом собственностью владельца берега (старавшегося, к слову сказать, подчас ложными сигналами вызвать кораблекрушение), заменялось противоположным: потерпевшим должна была оказываться всякая помощь, имущество их не конфисковывалось и т. д.

Дух "Русской Правды" был совершенно иным. Существовали даже статьи о покровительстве в отношении домашних животных (лошадь, вол, собака), до чего законодательство Запада тогда еще не додумалось

Обнаруживаются подробности, говорящие о том, что "Русская Правда" создавалась на юге, а не на севере. Так, мы находим указания на пахоту волами, а не лошадьми; никогда волы в северных странах для пахоты не употреблялись.

Словом, в законодательстве Древней Руси следов скандинавского влияния не находим - обстоятельство, совершенно не объяснимое норманской теорией

Государственный строй. Согласно норманской теории, Древняя Русь обязана норманнам своим государственным строем. Это неверно: Русь еще задолго до появления норманнов имела веками установившийся государственный строй. Князь вовсе не был новинкой на Руси. Хордадбег, писавший в 40-х годах IX века, т. е. до Рюрика, сообщает, что "царь у славян и руссов называется княдз".

"И почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и воста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе:

"поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву". Так гласит летопись, и из нее видно, что новгородцы знали, что искали. Не варяги принесли с собой княжеское правление, оно было и до них, только оно из-за смерти Госто-мысла прервалось.

Формы общественного сожителства и порядка, методы управления, система народного хозяйства и т. д. - все это не носит никаких следов влияния скандинавов на Древнюю Русь. Веча, князья, бояре, тысяцкие, дружина, смерды, старосты, житии и т. д. - все это и по терминологии, и по своему содержанию и взаимоотношениям совершенно самобытно. Из всех званий имеется только слово "тиун", которое приписывается норманнам, однако есть ученые, которые не считают, что это слово германского происхождения (может быть, оно тюркское? - Ред.). Наконец, одно слово не означает еще завоевания Руси норманнами, возглавления ими государственности и т. д., и в скандинавских языках есть заимствования из славянских, что тоже вовсе не указывает на завоевание скандинавов славянами.

Система налогов (полюдье, погосты, уроки), таможенные сборы (мыто) и т. д. и терминологически, и по сути отличались от скандинавских. Да и не могли не отличаться, ибо весь строй жизни был иной. Характерной чертой быта Древней Руси было множество городов (их насчитывались сотни), что в первую очередь говорит об оседлости, развитии ремесел. Но эта черта была совершенно чужда Скандинавии, насчитывавший в те времена всего 7 городов. Кстати, это обстоятельство и давало повод скандинавам называть Русь - "Г'ардарики", т. е. "страний городов"

Если скандинавы были властителями и организаторами государственной жизни, то как объяснить отсутствие их влияния на государственный строй борьбы; "варяжской" и "антиваряжской" партиями? Образование таких групп было совершенно естественным явлением, ведь речь шла, как нас убеждают, о веках. Тем не менее за всю историю Древней Руси мы не знаем ни одной попытки свержения варяжской власти, ни одной неурядицы, связанной с тем, что чужие люди, пришельцы, сели на шею. Норманская теория не в состоянии объяснить эти обстоятельства

Военное дело. Норманцы полагают, что германское племя Русь завоевало славянскую страну, передало им свое славянское имя. Что скандинавы владычествовали несколько сот лет. Что в их руках была сеть крепостей, из которых они управляли страной. Что скандинавы-военачальники организовали русское войско. Что тысячные отряды скандинавов стерегли Русь. Что они были основой русской военной силы, было бы это так - мы непременно нашли бы след огромного влияния скандинавов на военное дело на Руси. Ознакомимся прежде всего с названиями разного рода оружия нападения и защиты. Лук, стрела, тула, палица, копьё, шлем,

меч, ножны, шишак, рогатина, секира, топор, туюфяк и т.д. -- все названия славянские. Скандинавского ни одного. А между тем было бы естественно организаторам военной силы ввести свое оружие, назвать его по скандинавски.

И еще Указанные роды оружия, если они имеют скандинавских аналогов, представлены в славянской форме. русские стрелы отличались с первого взгляда, то же можно сказать о форме шлемов, щитов и т. д,

Лишь меч был общеевропейского (но не специально скандинавского) типа. Как показали остатки мастерских, все оружие делалось на месте, русскими руками. Притом из местных железных руд, что доказано спектроскопическим анализом изделий. Кольчуги же появились на Руси под влиянием Востока. К тому же на 200 лет раньше, чем в Европе. Поэтому-то в XII веке во французской поэме "Рено де Монтобан" говорится о "кольчуге, сделанной в России". Сам тип русских кольчуг отличен от норманского. Даже слово "кольчуга", т. е. "сделанная из колец", славянское. Термин "броня" (от "боронити", т. е. защищать) также русский.

Обратимся теперь к названиям чинов военной иерархии: вой, воевода, старшина, тысяцкий, подвойский, мечник, лучник и т. д. - все славянское, ни одного скандинавского. А когда Русь действительно стала учиться у иностранцев военному искусству в конце XVII века, появились заимствованные: генералы, бригадиры, майоры, лейтенанты, капитаны, адмиралы и т. д.

Далее. Мы не знаем ни одного приема скандинавской стратегии или тактики, которые были бы переняты у скандинавов. Нам известно о строе "клином", "свиньей", но русское военное построение было "трия полками", с "большим полком" посередине, но это не скандинавский военный строй. Одним словом, какую бы сторону военного дела мы ни взяли, следов, оставленных скандинавами, мы не находим. Объясняется это очень просто: скандинавы бывали на Руси лишь в форме дополнительной военной силы - временной, а не постоянной.

Мореплавание. Скандинавы известны нам как смелые и искусные мореплаватели, открывшие Исландию, Гренландию и северную Америку (еще до Колумба), совершавшие свои набеги даже на Средиземное море и ставшие грозой средней и отчасти южной Европы. Естественно, что, явившись на Русь и овладев ею, они не могли не передать руссам своего искусства мореплавания, ведь с ними они, как думают, нападали на Царьград, Каспийское море и т. д.

Исследование показывает, что термины мореплавания являются исключительно славянскими: лодья, челн, струг, насад, паузок, ключ (уключина), пря (парус), весло, корма, нос, палуба и т. д. Либо греческими: корабль, якорь, шаланда и т. д. Ни одного скандинавского термина мореплавания Древней Руси не усвоило. Единственное слово "шнека", ставшее интернациональным, употребляется еще и до сих пор только в области северных морей. На внутренних же водных путях оно совершенно неизвестно. Как и на Черном, Каспийском морях. Шнека представляет собой особый тип рыболовного морского судна и, благодаря своей специфичности, называется так почти всеми народами, которые со шнеками сталкивались. На Руси такой тип судна не применялся. И сейчас не употребляется. В летописях он упоминается только в рассказах о нападении скандинавов: обычно сообщается, на скольких шнеках скандинавы явились.

Из византийских источников нам ведомо, что руссы плавали в Черном море издревле и что лишь греки и руссы были здесь народами-мореходами. Все остальные избегали моря, будучи преимущественно кочевниками. О хазарах прямо сказано, что плавать по морю они не умеют. Мореходные же таланты руссов были замечены уже давно, и они часто служили в византийском флоте, занимая подчас даже очень высокие должности. Тесная связь руссов с греками на почве мореплавания отражена несколькими греческими словами, перешедшими в русскую мореплавательную терминологию (см. выше).

Замечательно также то, что до сих пор не найдено остатков ни одного норманского корабля на Руси. Нет в мореплавании руссов отзвуков типичных скандинавских украшений кораблей - драконов, голов чудовищ, дев и т. д., без которых не обходилось ни одно судно викингов (их искусство заставляет до сих пор изумляться - см., например, остатки кораблей в музее в Осло).

Итак, в мореплавании руссы ничего не взяли от скандинавов, и это совершенно не объяснимо норманской теорией.

Торговля. Скандинавы рисовались норманской теорией как предприимчивые торговцы, пересекавшие Русь из Балтики в Черное или Каспийское море, широко используя все внутренние водные пути Руси. Увы, во всех исторических документах (ни на Западе, ни на Руси) нет ни слова о скандинавских купцах в глубине Руси. Если бы все было так, как представлено в норманской версии, то история должна была сохранить случаи убийства, ранения купцов или их ограбления, наложения на них штрафов, кражи у них товаров, хлопот об их освобождении, споров о пошлинах, конкуренции с русскими купцами, о несчастиях с их судами, о

волоках их судов по суше и т. д. Обо всем этом решительно ничего не находим.

Допустим, однако, что они торговали. Но не могли они торговать без денег или без товаров. Обязательно остались бы какие-то вещественные следы - деньги или предметы западноевропейского изготовления, подлежащие обмену. Недавняя (1956) работа Янина показывает (она подводит итоги всему, что нам известно о древних русских кладах и находках), что:

а) с наступления IX века и до начала XI (1014 г.) денежной единицей на Руси был арабский дирхэм, т. е. именно в ту пору, когда принято считать, что скандинавы играли на Руси особенно выдающуюся роль. За все "норманское" время, когда на Руси якобы были скандинавы, в Киеве не найдено ни одного западноевропейского динария. Факт, совершенно не совместимый с норманской теорией;

б) к началу XI века разразился кризис серебра на Востоке, и арабский дирхэм почти исчез из Древней Руси. Весь XI век господствовал западноевропейский динарий, т. е. в эпоху, когда влияние норманнов, по утверждению даже самих норманистов, было уже незначительным. После Ярослава Мудрого (ум. в 1054 г.) имя варягов почти исчезает из летописей. Иначе говоря, норманская, вернее европейская, монета появилась на Руси, когда норманнов уже не было;

в) дальше (XII век) начался период безмонетного обращения, длившийся несколько столетий.

Могут возразить, что торговля осуществлялась не деньгами, а мехами, которые и были средством обмена. Однако если с арабами торговали на деньги, то почему со скандинавами на меха? И в этом случае факт полного-умолчания скандинавских купцов остается необъясненным.

Наконец, и это самое главное, в Древней Руси не найдено предметов западноевропейского происхождения. Напомним, что единичные находки, если изделия действительно западноевропейского происхождения, еще ничего не говорят в пользу норманской теории. Такие предметы могли быть завезены через Галицию или Польшу, куплены русскими купцами за границей - они торговали с Западом: бывали и в Любеке, и в Швеции, и на Готланде. Могли они появиться и как подарки из-за границы, ничего общего со скандинавскими не имеющие.

Подытоживая, следует сказать: ни денег, ни товаров скандинавов не найдено.

Норманисты совершенно не поняли, что скандинавы торговали только с окраинами Руси - Псковом, Новгородом, внутрь же ее они вовсе не проникали. Все соображения норманистов - лишь плод их беспочвенных кабинетных измышлений. Никто из них не подумал, что действительно торговцам-грекам было куда короче, сподручнее, принимая во внимание связи Византии с Русью, торговать хотя бы с Киевом. Даже о них никаких сведений нет: ездили в Византию русские купцы, была торговля и с Херсоном (сухопутная), но ее размеры были невелики, и касалась она главным образом предметов роскоши. Но, повторяем, делали все русские купцы.

Что же касается скандинавов, то прежде всего нечем было торговать в глубине Руси. Скандинавия была издревле бедной страной. И если и могла что-то выбросить на рынок, то именно те товары, которые Русь сама имела в достаточном количестве (меха). Лучшее доказательство бедности страны - то, что скандинавы вынуждены были продавать свою кровь службой у иностранцев в качестве воинов. Не могли скандинавы торговать и чужим товаром, перекупая его или получая в кредит, - для этого надо было быть платежеспособным. Наконец, нужно помнить об опасностях торговли в те времена. Главное же то, что огромные расстояния съедали все выгоды транзитной торговли, даже если бы она была физически осуществимой.

Товаровместимость ладей была ничтожна: дикость путей, огромные расстояния требовали перевозки больших количеств пищи, платья, оружия, инструментов и т. д. Длинные волоки посуху ставили торговцев в полную зависимость от окружающего населения, которое, конечно, всегда было готово погреть руки. Если в древности так сильно грабили своих, то что говорить о чужих?

Можно утверждать с полной ответственностью, что никакой транзитной торговли с Востоком не было.

Торговый путь распадался на участки, где происходила продажа и покупка прибывших товаров. Достоверно известно, что скандинавские купцы до устья Волги не доходили. Да и не могли доходить. Торговля на Руси осуществлялась самими руссами. Сторонникам транзитной норманской торговли стоит лишь взять карандаш в руки и подсчитать, сколько тысяч километров пути и месяцев необходимо для доставки одного килограмма из Швеции хотя бы до средней Волги, чтобы понять, что не существовало в то время товара, который мог бы оправдать свою перевозку экономически.

Иностранные товары (в очень незначительном количестве) непременно проходили через руки русских купцов. Надо помнить к тому же, что

правитель каждого государства, через границы которого проходили чужие товары, брал 1/10-1/8 часть их. Границ было множество. В этих условиях из Скандинавии до устья Волги могли доходить лишь жалкие остатки первоначального товара. К тому же водная дорога открывалась лишь в апреле, а в октябре на севере речки уже замерзали.

Неудивительно поэтому, что в первые века истории мы не находим на Руси ни западноевропейских товаров, ни денег, ни, наконец, упоминаний о скандинавских купцах. Нет ни единого отчета хотя бы об одной поездке скандинавского купца на Черное или Каспийское море. Торговлю с заграницей северная Русь осуществляла сама, ездя в Данию, ганзейские города, Готланд и т. д. Южная же Русь торговала с Византией и Востоком через Дон и Волгу.

Ремесла. Замечательные находки археологов в последние десятилетия показали полную ошибочность прежних представлений о слабом развитии ремесел в Древней Руси. Наоборот, все данные говорят о противном: ремесла были высокоразвиты. Недаром старинный византийский трактат о ремеслах отмечает, что Русь в этом отношении занимает одно из первых мест.

Русские металлические изделия благодаря высокому качеству (например, особый тип замка - "русский замок" или русские брони и т. д.) проникали даже в Западную Европу (например, в Чехию, Францию и т. д.), доказывая тем высокое состояние ремесла.

Весьма показательно, что в IX-X веках все глиняные сосуды в Киеве, Смоленске, Новгороде изготовлялись уже на гончарном круге, что доказывает, с одной стороны, высокую технику гончарного производства, а с другой - существование специализировавшихся ремесленников, т. е. усложнение общественного строя.

В Скандинавии же в это время керамика изготовлялась еще от руки, и гончарный круг распространился там лишь в X-XI веках. Причем даже шведские археологи говорят в отношении отдельных находок о славянском влиянии. О влиянии же скандинавской керамики на русскую никто не сообщает. Вообще скандинавское ремесло ограничивалось лишь местным обслуживанием. И следов его влияния на Русь не имеется. В резьбе по дереву, в особенности в черни на серебре, Древняя Русь стояла чрезвычайно высоко.

Строительство. Особенно заслуживающим внимания обстоятельством является отсутствие в Древней Руси каких бы то ни было построек скандинавского типа: нет ни крепостей, ни укреплений, ни храмов, ни вообще сооружений их типа, а между тем тип жилища - одна из самых

крепких черт в быте народа. За примерами далеко не ходить: в Венесуэле или Бразилии можно видеть недавно построенные украинские хаты (среди пальм!). Привычка к типу жилья - очень постоянная и характерная черта жизни всех народов. В Древней же Руси нет не только домов или поселений скандинавского типа, нет даже кладбищ или погребений!

Если скандинавы были на Руси и играли видную роль, должны быть остатки их сооружений, храмов и т. п. В действительности ничего нет! И это понятно: скандинавы бывали липа в качестве временной наемной военной силы, без женщин, стариков и детей. Как следует из саг, они заключали с русскими князьями годовые контракты. И если помощь их оказывалась ненужной, они уезжали в другую страну. Отсюда и отсутствие их вещественных следов.

Замечательно также, что нигде нет ни малейших упоминаний о смешанных браках скандинавов со славянками. Обстоятельство для веков совершенно не объяснимое. Только русские князья, в силу установленного обычая среди монархов всех народов, сочетались браком с иностранками, в том числе и со скандинавками, поддерживая свой династический престиж и международные связи.

Быт. Если мы обратимся к названиям различных орудий в хозяйстве, увидим, что все они (рало, соха, лопата, заступ, вилы, борона, грабли и десятки других) - славянские, а не скандинавские. И не только по названиям, но и по форме.

Далее. Ни в одежде, ни в пище или напитках, ни в утвари, ни в чем ином, что составляет материальную жизнь народа, мы не находим на Руси ничего скандинавского. Если бы скандинавы были и влияли, остался бы какой-нибудь сосуд для еды, особый род одежды или обуви, сорт топора, тип рыболовной сети и т. д., связанные со скандинавами. Ничего этого нет.

Свидетельства арабов вместе с тем говорят, что руссы носили совершенно особую, отличную от западноевропейских народов одежду. Ибн-Даста писал: "... шальвары (т. е. штаны) носят они широкие; сто локтей идет на каждые. Надевая такие шальвары, собирают они их в сборку у колен, к которым затем и привязывают". Напомним, что широкие штаны были у казаков в северном Причерноморье национальной одеждой еще в конце XIX века.

Денежная система. Многие характерные черты общественной жизни Древней Руси говорят о долгом и самостоятельном развитии. Возьмем систему торговли мехами. Все в этой системе, начиная с названия единиц, величины их и пропорций между ними, - нескандинавское. Названия: куна, резана, ногата, долгея, векша, ушка, мордка, обеушная мордка и т. д.

- все без исключения славянские и являются отражением известной части меха и его качества (например, ногата - с ногами и т. д.).

Эта система была основной русской системой торговли. Но выходила и далеко за пределы Руси: на "куны" торговали и в далекой Фрисландии, и в ганзейских городах, и в Бирке в Швеции, и на острове Готланде. В торговых сношениях Русь навязывала свою систему Западу, а не наоборот.

Существовала еще на Руси весовая система ценных металлов в слитках. Названия ее единиц свои, а не скандинавские: гривна, полтина, рубль и т. д. Что же касается величины гривны, то Русь заимствовала ее из Византии, с востока и запада (в разных формах гривны и ее фракций), но не из Скандинавии. Бедной, отсталой, малокультурной страной была Скандинавия VIII-XII веков.

Когда Русь (с Владимира Великого) стала чеканить свою монету, она подражала византийским образцам. Чеканка монеты в Скандинавии началась на 100 лет позже, чем на Руси. Кроме того, по признанию авторитетов, именно скандинавы подражали (и довольно неумело) русским образцам. Не без значения и то, что первые русские монеты не носят чужих названий, на них было написано: "Владимир, а се его серебро".

Независимость Руси от Скандинавии доказывается также собственными единицами длины, веса, емкости и т. д. Верста, сажень, косая сажень, вершок, локоть были своими мерами и по величине, и по названию. И еще: пуд, фунт, золотник (заимствовано с юга), ведро, четверик, осьмушка, оков (око) и пр. - все это свои названия, хотя материальное значение их не всегда было самостоятельным. Четверик, например, перенят у римлян, золотник - у греков, кое-что - у арабов, но решительно ничего - у скандинавов, ибо тесной связи Руси со Скандинавией не было. А сама Скандинавия много времени представляла собой страну, у которой вообще заимствовать было нечего.

Язык. Вековое владычество скандинавов (по предположениям, конечно) не могло не отразиться на языке руссов. Норманисты сначала утверждали, что влияние это было огромным. Вскоре, однако, выяснилось трудами самих норманистов, что в русский язык вошло всего 16 скандинавских слов. Это количество мизерно по сравнению с несколькими десятками тысяч слов, составляющих русский язык. Казалось бы, одного этого факта было достаточно, чтобы серьезно задуматься над проблемой норманнов, но шовинистическое ослепление было настолько велико, что прошли мимо этого основного факта.

Далее. В число этих 16, якобы скандинавских, слов вошли, совершенно очевидно, слова, ничего общего со скандинавскими не имеющие. Например, греческое слово "якорь". Достаточно взглянуть в любой справочник или словарь - и каждый может в этом убедиться. Томсен, в свое время читавший лекции в Лондоне, опускался просто до шарлатанства, утверждая, что слово "стул" взято русскими у скандинавов. И это он говорил в стране, которая тоже имеет слово "стул", не говоря уже о немецком "штуль" и т. д. Очевидно, и эти народы заимствовали упомянутые слова у скандинавов. То же самое касается слова "кнут". Вспомним немецкое "ди кнуте" и т. д. Если эти слова и вошли в русский язык, то заимствованы они не от скандинавов, а от англичан, голландцев, немцев, которые тысячами служили на Руси, и не во времена Рюрика, а много сот лет спустя. Пусть Томсен попробует найти в летописях слово "стул"!

К решению вопроса подходили с беспардонным легкомыслием. Да, в русский язык вошли сотни немецких, французских, английских (и т. д.) слов, не говоря уже о греческом и латинском, но они пришли к нам со времени Петра I. В Древней же Руси они отсутствовали. Более объективный анализ указанных 16 слов показывает, что по крайней мере 13 должны быть решительно отброшены. Что же касается остальных 3 слов, то происхождение их неясно и спорно. А главное - не доказано, что эти слова вошли в русский язык в древности.

Диву даешься, читая, что коренные всеславянские слова - наследие общих с большинством европейцев, предков-арийцев, - объявляются заимствованными, и не от ближайших соседей, а от скандинавов, с которыми никогда не было близких и дружеских отношений.

Подводя итоги, мы должны сказать, что в отношении языка влияние скандинавов равнялось почти нулю.

Письменность. Не менее важное значение имеет тот факт, что в Древней Руси не найдено никаких следов скандинавской письменности: нет ни одного надгробного памятника, мемориального камня, стен замка или церкви, нет ни одного пограничного столба, ни одного сосуда, оружия или металлического изделия с рунической надписью. Все, что мы имеем, - это: 1) руническая надпись на острове Березани около Очакова, написанная в память проезжавшего, заболевшего и умершего варяга, и 2) копьё с именем владельца, найденное под Ковелем. В обоих этих случаях надписи найдены только поблизости Древней Руси. В самой же Руси не найдено ни одной рунической надписи. Наконец, ничего не обнаружено латинским или иным алфавитом, но на скандинавских языках, хотя невозможность обойтись без письменности руководящему слою населения совершенно ясна, если в особенности принять во внимание столетия. Однако нет ни

строчки и ни слова. Когда эта работа была уже в типографии, нам стало известно, что в 1957 г. была сделана первая попытка расшифровать руническую надпись на палочке, найденной в 1950 г. в Старой Ладоге (см. "Сообщения Гос. Эрмитажа", т. 11, статья В. Адони и Т. Сильман). В 1959 г. была опубликована статья В. И. Равдоникаса и К. Д. Лаушкина "Об открытии в Старой Ладоге рунической надписи на дереве в 1950 г." (см. "Скандинавский сборник", т. 4, Таллинн). Публикация же рун была сделана лишь в 1963 г. (см. Б. А Рыбаков, "Русская эпиграфика X-XIV вв." в сборнике "История, фольклор, искусство славянских народов", М. (доклады советских славистов на 5-м международном слете их).

Эта единичная и единственная находка (опять-таки не в центре Руси, т. е. Киеве или Новгороде) только подтверждает, что рунами на Руси почти не пользовались.

Отметим, с другой стороны, что с 1951 года в Новгороде за время систематических раскопок найдено уже несколько сот грамот, написанных на бересте, и количество их все растет, отысканы грамоты и в Смоленске.

Некоторые грамоты датируются XI веком. Содержание грамот самое житейское: муж, уезжая из дому, забыл взять рубашку, просит жену прислать ему ее; люди кончили пахать, извещают об этом и просят прислать семена; двое спорят о корове; жена осведомляет родных о смерти мужа и т. д.

Берестяные грамоты показывают, что грамотность в Древней Руси была широко распространена, ее знали и мужчины, и женщины, она была обычным явлением тогдашней жизни. А не следует забывать, что в Европе, даже несколько веков спустя, нередко и короли были неграмотны. Лишь наше незнание и предубежденность сделали из наших предков каких-то дикарей. Но самое замечательное - среди сотен этих отрывков обыденной жизни нет ни одной рунической или не на славянском языке. Все надписи по-славянски и славянскими буквами. Где же скандинавские?

Имена древних руссов. Некоторые исследователи пытались найти поддержку норманской теории в том, что имена первых русских князей, как то: Рюрик, Олег, Игорь и т. д., - скандинавские. Здесь они совершили двойную ошибку: во-первых, употребление иностранных имен не доказывает, что они не славяне; во-вторых, есть серьезные основания видеть в указанных именах славянские имена.

В самом деле, большинство из нас носит христианские имена, т. е. по происхождению еврейские, греческие или латинские, но это вовсе не значит, что носители их - евреи, греки или римляне!

До принятия Русью христианства имена не были регламентированы. Называли детей не согласно церковным святцам, а так, как хотели, тем именем, которое почему-то больше нравилось, чаще всего в честь своих наиболее любимых родственников - деда, отца, брата, дяди и т. д. Этот обычай еще долго держался после введения христианства, сотни лет спустя. А языческие имена были в большем употреблении, чем христианские. Даже Владимир Мономах (ум. в 1125 г.) говорил: "Я, при рождении названный Василием, но известный всем под именем Владимира". Даже княгиня Ольга, получившая при крещении имя Елены, вошла в святцы со своим языческим именем.

Так как история сохранила нам имена главным образом князей и их жен, нет ничего удивительного, что среди них могут встречаться и иностранные имена. Мы знаем, что жениться на иностранных княжнах было правилом. Поэтому нередко иностранная княжка входила на Русь со своим иностранным именем, например Ингигерда. Вполне естественно, что она могла назвать своих детей в честь своих иностранных родственников.

Был и другой обычай - переименования жен при женитьбе. Известно, что Олег, женивши Игоря, переименовал ее в Ольгу, а настоящее ее имя было Пребрана.

История отметила случай, когда внука Владимира Мономаха Ингигерда, имевшая, несомненно, и христианское имя, выйдя замуж за датского короля, назвала своего сына в честь деда Владимиром, в датском произношении - Вольдемаром. С этого времени в Дании на троне появляется имя Вольдемар. Но совершенно ясно, что носили его датчане. Такая перекочевка имен от народа к народу была отмечена еще историком VI века Иорданом.

Норманисты забыли также, что у князей на Руси национальность их жен была разная: были гречанки, польки, венгерки, немки, половчанки, даже англичанки (напр., жена Владимира Мономаха Гита Гаральдовна). И бывало их по несколько одновременно. Ясно, что дети их хоть и вырастали отчасти под материнским влиянием, но на деле уже были русскими. Такие дети могли, конечно, носить нерусские имена, но были русскими.

Поэтому если русский князь и носил неславянское имя, то это еще не значило, что он не славянин. В каждом отдельном случае надо разобраться обстоятельнее. Однако (и это самое главное) количество неславянских имен на троне на Руси совершенно ничтожно. Олег был единственным иностранцем на троне с неславянским именем. Но имя его "Хельги" давно

уже имело славянский вариант - Олег. На трон же он попал совершенно случайно - по праву родства из-за малолетства Игоря.

Имя Рюрик не может считаться скандинавским, так как оно встречается в чрезвычайно близких вариантах и у других славянских народов: Рюрик - у поляков, Ререк - у чехов, Ререг - у западных славян, где было целое племя ререгов. Наконец, и самое имя Рюрик и в летописях наших имеет варианты: Рурик и даже наш исторический Древний Рюрик назван Ререком. Так как мы знаем, что он был сыном славянского князя, к тому же и мать его была славянкой, мы имеем все основания считать его и его имя славянским. Что же касается скандинавского происхождения, то мы знаем, что оно было там очень редко. Известны всего 2-3 Рюрика, вернее Хререка, из чего видно, что славянские варианты ближе, чем скандинавские.

Имя брата Рюрика Синеус - чисто славянское имя, являясь аналогом Белоуса, Черноуса, Мокроуса, Стри-жиуса и т. д. И мы знаем отлично, что в древности клички служили именами. Что же касается имени Трувор, то и оно могло быть славянским - Трубор от "трубы", т. е. трубач. Мы, однако, не настаиваем на таком объяснении, ибо одно слово дела не решает. Но мы считаем нужным отметить, что имя Трувор встречается у Саксона Грамматика и что те, кто переводит это имя (коверкая, конечно, слово), совершают грубую ошибку.

Что же касается имени Игорь, то русские источники ясно показывают, что были два похожих имени в употреблении: Ингвар (по-видимому, скандинавское) и Игорь (неизвестного происхождения). Из византийских источников мы знаем, что Игорь по-гречески передавалось как "Ингер", а имя Ингер было хазарским. Мы знаем даже одного знатного Ингера при византийском дворе. Так как Русь была соседкой Хазарии и одно время даже платила ей дань, вполне возможно, что одно из хазарских имен перекочевало и на Русь.

Мы не будем останавливаться на анализе прочих имен русских князей, так как мы это сделали в другом месте, отметим лишь, что все они славянские и были в широком употреблении и у других славян. До нас дошли также имена некоторых послов и торговцев, представлявших Русь в переговорах с Византией. Анализ имен этих представителей норманистами просто недобросовестен. Уж кажется, чего проще: речь идет о людях, которые говорили о себе: "мы от рода русского", - значит, надо поискать корней и в русском языке (т. е. славянских корней), этого даже и не пытались сделать люди, вовсе не знающие русского языка; до сих пор коверкают имена, приводимые в летописи, так, чтобы получилось что-то похожее на скандинавское. Такие совершенно ясные и несомненные славянские имена, как Бойко, Синко, Борич (сын Бориса), Гудый

(музыкант), Куцый и т. д., зачислены в скандинавские. Другие имена, как, например, Ятвяг, Искуси и др., не принадлежат ни к скандинавам, ни к славянам, а к тем неславянским племенам, которые были представлены в посольстве Руси (ятвяг, эстонец и т. д.). Даже они сочтены за скандинавские. Более того, о некоторых прямо сказано, что происхождение их неизвестно, однако при подсчете они отнесены к скандинавским. Такие подсчеты можно назвать только шарлатанскими.

Мы не останавливаемся здесь подробно на этом вопросе, потому что говорили в нашей большой работе об этом достаточно. Скажем лишь, что среди послов Руси были и скандинавские (отражающие воевод, бывших на службе у Руси), но число их значительно меньше, чем это принимается норманистами.

Вообще же скандинавские имена в Древней Руси были элементом случайным и совершенно второстепенного характера. Славянские имена подавляли.

Географические названия. Желая доказать владычество норманнов в прошлом, некоторые указывают, что в северной России имеется много скандинавских географических названий. К сожалению, нет ни одного, которое было бы мало-мальски приемлемым. Все названия толкуются из скандинавских корней после того, как слово подверглось настоящей вивисекции, т. е. изменено до неузнаваемости.

На деле же все эти названия легко и без всяких изменений объясняются из угро-финских корней, т. е. из корней тех народов, которые издревле жили в этих местах. Норманисты не задают себе самого естественного и элементарного вопроса: если данные географические названия скандинавские, почему в этих местах не найдено ни одного скандинавского поселения, ни одной скандинавской могилы или вообще чего-то скандинавского происхождения?

Куда делся (и бесследно) этот скандинавский народ, давший географические названия, и как на его месте мог появиться чрезвычайно низкий в культурном отношении народ (вось, ижора, весь, корела и т. д.), дотянувший до конца XIX века, по крайней мере, а сильный и культурный скандинавский народ исчез?

Далее. Упускают из виду, что в древности "рубилось" немало новых городов. Были Владимиры, Изяславы, Ярославли, Юрьевы и т. д. Но ни одного Олафова или Бьернова. А ведь новые города, по убеждению норманистов, создавали скандинавские князья!

Наконец, почему ни в средней, ни в южной Руси нет совершенно "скандинавских" названий? Мы объясняем легко: не было утро-финнов.

Названия днепровских порогов. Единственные (якобы) скандинавские названия видят в названиях днепровских порогов. Бросается в глаза странность: почему скалы на Днестре получили скандинавские названия, а земля вокруг на сотни километров - нет? Такой естественный вопрос даже в голову не приходил норманистам. Естественный вывод один: потому что скандинавы не жили на ней. Значит, скалам могли дать названия лишь приезжие скандинавы. Но и здесь мы наталкиваемся на непреодолимые затруднения: во-первых, по мнению всех авторитетов, в том числе и норманистов, днепровский путь был открыт очень поздно, именно в IX веке, но до пришествия в Киев Олега; во-вторых, как мы уже указывали в пункте о торговле, этот путь использовался только русскими, а не иностранными купцами. Представление, что чужеземцы разгуливали по Древней Руси вдоль и поперек, относится к самым блестящим образцам развесистой клюквы.

Наконец, мы совершенно достоверно знаем, что несколько тысяч варягов, при помощи которых Владимир Великий захватил Киев, вынуждены были выехать из Киева в Царьград, но дороги туда не знали. Они просили Владимира показать им дорогу, т. е. дать проводника. Это было в 980 году, а норманисты утверждают, что варяги так хорошо знали Днепр, что даже дали свои собственные названия порогам! У норманистов с логикой что-то не в порядке.

Вся история со скандинавскими названиями - плод печального недоразумения - удовлетворительного объяснения с точки зрения норманизма до сих пор не получила. Что это так, показывает совершенно объективный факт: до самого последнего времени норманисты продолжают печатать новые и новые работы о названиях днепровских порогов. Это значит, что старые работы их самих не удовлетворяют.

В нашей большой работе мы указали, что все объясняется легко и просто. Днепровские пороги имели двойную систему названий: 1) славянскую (новгородскую) и 2) русскую (киевскую). Никакого национального противопоставления руссов славянам у Константина Багрянородного нет. Есть упоминание двух систем названий, употребляемых теми, кто этим путем пользовался. Что обе системы названий были славянскими, видно из прямого и ясного указания Багрянородного, что 1-й днепровский порог и "по-русски", и "по-славянски" назывался "Не спи". Не может быть, чтобы целая, хотя и короткая, фраза в двух разных языках звучала и значила одинаково. Это может быть только у двух очень близких языков. Далее оказалось, что название 7-го днепровского порога при всем

старании из германских корней объяснению не поддается, а из славянских не представляет затруднений (подробности см. в нашей большой работе).

Что же касается пяти остальных названий "по-русски", то исследователи не заметили следующего: 1) все приведенные названия могут быть истолкованы из германских корней лишь с большими натяжками и смысл названия порога часто стоит в противоречии, что говорится далее о свойствах порога; 2) эти трудно понимаемые названия на самом деле являются не славянскими и не скандинавскими, а греческими. Информатор Багрянородного забыл, как они звучат "по-русски" (т. е. по-киевски), но помнил, что они значат по-гречески.

Никакой путаницы не было: и арабы, и греки отлично различали Русь (Киев) и Славонию (Новгород). Путаницу создали норманисты, когда они решили, что Русь - это германцы или, еще точнее, скандинавы. Достаточно понять это - и не нужно портить бумаги новыми работами о днепровских порогах. Пороги были на Руси, путь использовался русскими купцами из Новгорода и Киева (о чем Багрянородный говорит совершенно определенно), и, естественно, они носили и славянские названия. Было лишь две системы названий.

Итак, скандинавских географических названий ни на юге, ни на севере Руси не найдено.

Народный эпос. Одно время среди норманистов господствовало мнение, что Скандинавия повлияла на русский народный эпос. Даже Илью Муромца склонны были рассматривать как славянскую копию скандинавского героя. Упустили самое главное: характер, внутреннее содержание героев русских былин, их нравственный тип. Это не искатели приключений или наживы, как герои саг. Это землепашцы, посвятившие все силы защите родины от внешних врагов и разбойников. Совершенной самобытностью богатырей цикла Владимир Красное Солнышко никто из норманистов не заметил, а в этом и была вся суть.

В настоящее время сами норманисты уж не исповедуют этого тезиса. Наоборот, работы Стендер-Петерсена (1934, 1953) убеждают, что источник саг - южного происхождения. Многие сюжеты юга и востока были заимствованы скандинавами во время их службы в Византии и на Руси (отсюда даже упоминание об Илье Муромце) и перелицованы на скандинавский лад (главным образом заменой имен), ставши основой для различных саг. Стендер-Петерсен прямо называет XII век веком обогащения скандинавской культуры сокровищами юга и востока через Русь. Это говорит, напомним, ярый норманист. Таким образом, новейший норманизм видит в Древней Руси передатчика культуры с юга на север и о

влиянии скандинавов на русский народный эпос либо молчит, либо ограничивается слабыми, туманными намеками.

Если же мы внимательно изучим русские былины, сказания, песни, сказки, поговорки, прибаутки и т. д., увидим совершенно ясно одно - полную независимость Древней Руси в культуре от Скандинавии. И это понятно: во-первых, между этими народами никогда не было тесного контакта, а во-вторых, культура распространяется сверху вниз, а не снизу вверх. Древняя же Скандинавия была менее культурной, чем Древняя Русь, имевшая связи на протяжении многих веков с Византией и Востоком. Мы рассмотрели достаточно полно все прямые и косвенные доказательства норманизма. Нигде мы не нашли следов пребывания германской Руси в восточной Европе, все объясняется просто и логически существованием славянской Руси на западе, которая, будучи покорена германцами, была забыта всеми. Поэтому-то и изобрели впоследствии германскую Русь. Однако в недрах истории, как мы видели, имеется много доказательств того, что норманизм - это лишь плод трагического и весьма печального недоразумения.

Глава 5

Заключительные замечания

После всего вышесказанного необоснованность норманской теории ясна всякому, кто дал себе труд познакомиться с фактами истории, а не выдумками историков. Невольно является мысль:

как могла веками существовать и почему еще теперь существует эта нелепая теория, почему еще до сих пор западная наука находится в полном ее плену, совершенно не давая себе отчета, насколько необоснованна и вредна она. Рассмотрим причины, ее создавшие, и основания, позволившие ей существовать так долго. Познание причин даст нам возможность понять всесторонне.

1. Основоположниками русской исторической науки были немцы, которые со времен Петра I поставили себе задачей создать историю Руси. Они не знали и сотой доли того, что знаем мы теперь. Да и не могли знать уже потому, что некоторые из них, пишущие историю Руси, не владели даже русским языком! (Байер, например). Столкнувшись с дикой, неграмотной Россией, они приняли, что это было так и прежде, выпустив из виду, что представляла собой Киевская Русь и в какую бездну невежества и бедности она свалилась из-за нашествия и векового владычества татар. Достаточно напомнить, что храм св. Софии в Киеве, это удивительное произведение по архитектуре и отделке, служил после разгрома татар много лет... конюшней. Открытие в 1800 году такого гениального

произведения XII века, как "Слово о полку Игореве", было похоже на гром среди ясного неба: никто не мог сначала даже подумать, что русская культура того времени поднималась до высот, с которыми не могла сравниться вся западноевропейская литература соответствующего времени.

Естественно, что при такой бедности знаний о Древней Руси представления Шл-цера, что наши предки были настоящими дикарями, были до известной степени обоснованны: судили по настоящему, забывая о блестящем прошлом. Выводы, к которым пришли ученые немцы, стали своего рода канонем, в достоверности которого сомневаться считалось чем-то вроде святотатства. Напрасно гениальный Ломоносов протестовал против норманской теории - голос его был "гласом вопиющего в пустыне".

2. Основные выводы были сделаны без сличения всех летописей и проверки их по многим спискам. В основу была положена Лаврентьевская летопись, кстати сказать, пестрящая пропусками, ошибками и описками. Крупная, отдельная и оригинальная ветвь русского летописания - новгородская - была оставлена без должного внимания. Когда за дело взялись более серьезно, теория уже была создана, а поэтому все новое, становившееся известным, подгоняли под уже принятую схему, а явно несогласное отбрасывали, считая за ошибку, фальшивку, а то и просто замалчивая. Естественно, что при таком положении дела прогресса знания не могло быть: мысль застыла и дальше не развивалась.

3. Многие в летописях, как мы видели выше, было понято неверно из-за того, что понимали текст, исходя из норм современного языка, а старых норм просто не знали. Ведь культурные люди того времени часто изъяснялись по-французски лучше, чем по-русски. Учебников древнерусского или славянского языка не было. Каждый судил так, "как Бог на душу положит". Так что смысл летописей изменялся до неузнаваемости.

4. Нельзя было ограничиваться толкованием неясных, темных мест, исходя только из рассматриваемого отрывка. Надо было понимать его в свете предыдущего и последующего. Необходимо было логическое понимание времени, места, условий, событий. Словом, надо было быть русским историком. А их, таких историков, не было. Ученый немец представлялся прямо-таки олимпийцем, и на него смотрели чуть ли не с благоговением. О серьезной критике их не могло быть и речи: и некому было критиковать, и небезопасно было критиковать особ, находившихся под самым высоким покровительством, критика могла быть сочтена только "продер-зостью".

5. Иностранные источники, содержавшие ценнейшие сведения о Руси, не были вовсе известны. А во многих из них находились как раз прямые указания на ложность норманской теории. Все это пришло после, когда теория была санкционирована и вошла в плоть и кровь всех культурных русских людей.

6. И это, может быть, главное: на историю давила политика - германскому влиянию в России было выгодно поддерживать в русских убеждение, что без варягов им не обойтись. Норманская теория считалась "благонамеренной", и всякий, выступавший против нее, подвергался сомнению в "благонадежности" и т. д. Защищать диссертацию на антинорманскую тему не было возможности: она непременно была бы провалена в совете профессоров. Чтобы нас не упрекали в пристрастности, приведем цитату из книги проф. Н. П. Загоскина "История права русского народа", (1899, 1, 336-338):

"Вплоть до второй половины текущего столетия учение норманской школы было господствующим и авторитет корифеев ее Шл-цера - со стороны немецких ученых, Карамзина - со стороны русских писателей представлялся настолько подавляющим, что поднимать голос против этого учения считалось дерзостью, признаком невежественности и отсутствия эрудиции, объявлялось почти святотатством. Насмешки и упреки в вандализме устремлялись на головы лиц, которые позволяли себе протестовать против учения норманизма. Это был какой-то научный террор, с которым было очень трудно бороться".

Не забудьте, что это было сказано в 1899 году, но оставалось в силе до 1917 года по крайней мере. И остается до сих пор в русском Зарубежье: во всяком случае, работы Вернадского, Ковалевского, Пушкарева, Сергеевского и т. д., которыми питаются зарубежные русские, не говоря уже о трудах Карамзина, Погодина, Соловьева, Платонова, Шахматова и др., но все они пропитаны насквозь норманским духом, т. е. пренебрежением к нашим предкам. Более того, весь Запад целиком стоит на норманской позиции и не может выставить ни одного имени антинорманиста, для Запада эта проблема не существует.

Правда, работы В. А. Рязановского, Н. Ильиной, Сергея Лесного и др. стали поперек течения этого потока мутной воды, но окончательного перелома еще нет: норманизм всосался в наших "патриотов", которые никак не могут расстаться с дорогим для них представлением, что предки наши были в IX веке дикарями и холуями германцев. Да не подумают, что мало было антинорманистов (о них можно и должно написать целую книгу), что они руководствовались шовинистическими побуждениями, а научных оснований у них не было. Это не так, что доказывается примером небезызвестного историка Иловайского, по учебникам которого училась

вся Россия. В учебниках он был норманистом. И доход от учебников ежегодно доставлял ему новый дом в Белокаменной. Но в ученых диспутах, в научных журналах как ученый он был ярким антинорманистом. В многочисленных научных статьях он опровергал совершенно норманскую теорию, ожесточенно боролся сам с собой, ибо выступал с пеной у рта против того, что он официально проповедовал.

Таковы были условия жизни, что антинорманизм никак не мог пробить себе пути вверх. Гедеонов, автор двухтомного исследования "Варяги и Русь", писал в 1876 году: "Неумолимое норманское вето тяготеет над разъяснением какого бы то ни было остатка нашей родной старины". И он добавляет: "Но кто же, какой Дарвин вдохнет жизнь в этого истукана с норманской головой и славянским туловищем?" Гедеонову была ясна вся нелепость Руси с норманской головой и славянским туловищем. Действительно, такое творение иначе, как истуканом, назвать нельзя. Однако шли годы, десятилетия, "а только воз и ныне там".

Многие культурные люди, конечно, понимали, что с норманской теорией что-то неладно. Тургенев это отразил в своем романе "Дым", написанном в 1857 году. Он вкладывает в уста своего героя Потугина следующее:

"Немцы правильно развивались, - кричат славянофилы, - подавайте и нам правильное развитие! Да где же его взять, когда самый первый исторический поступок нашего племени - призвание к себе князей из-за моря - есть уже неправильность, ненормальность, которая повторяется на каждом из нас до сих пор. Каждый из нас, хоть раз в жизни, непременно чему-нибудь чужому, нерусскому сказал: иди владеть и княжить надо мною! Я, пожалуй, готов согласиться, что, вкладывая иностранную суть в собственное тело, мы никак не можем наверное знать наперед, что такое мы вкладываем: кусок хлеба или кусок яда?"

Мы видим, что еще в 1857 году даже самые образованные люди того времени совершенно "плавали" в варяжском вопросе. Нутром они понимали, что здесь что-то не то, но преклонение перед авторитетами было столь велико, а привычка критической мысли не существовала, и поэтому мирились с нелепостью, даже чувствуя, что это нелепость. Многие, однако, понимали, в чем дело. Чернышевский видел в норманской теории "хлам, ничего не стоящий, ни к чему не годный". Добролюбов отзывался о главном защитнике норманизма Погодине как о человеке, который "победоносно почил на норманском вопросе", мешая "со вздором небылицы", и т. д.

Мало было, однако, высказывать критические мысли. Надо было доказать ложь норманской теории. А для этого не было сил. Сколько ни

кричали антинорманисты, а учили-то норманскую теорию. И даже не заикались о существовании других теорий.

В справедливости норманской теории сомневались не только антинорманисты, но и сами норманисты все время искали каких-то подтверждений. М. П. Погодин, столп норманизма, приводил следующую цитату из Гель-мольда: "Маркомашинами называются обыкновенно люди, отовсюду собранные, которые населяют марку. В Славянской земле много марок, из которых не последняя наша Вагирская провинция, имеющая мужей сильных и опытных в битвах, как из Датчан, так и из Славян". Добавим, кстати, что эти объединенные шайки из датчан и славян, шайки варягов, нападали на Англию и требовали буквально "дани" (слово русское). Приведя цитату из Гельмольда, Погодин добавляет: "Чуть ли не в этом месте Гельмольда, сказал я еще в 1846 году, и чуть ли не в этом углу Варяжского моря заключается ключ к тайне происхождения варягов и Руси. Здесь соединяются вместе и Славяне, и Норманны, и Вагры, и Датчане, и Варяги, и Риустри, и Россенгау. Если бы, кажется, одно слово сорвалось еще с языка у Гельмольда, то все бы нам стало ясно, но, вероятно, этого слова он не знал". Из сказанного видно, как близко, на волосок, стоял Погодин от настоящего решения и как он понимал, что нор-манская теория - это еще не решение всей проблемы. Сомнение все время грызло его, и он искал какого-то ключа от тайны. Он лишь временно удовлетворялся норманской теорией. Но в то же время искал и другие решения. Приходится удивляться, как тонко он угадал "верхним чутьем" место, где завязалась загадка Руси. Он знал, где заключается разгадка, но не имел документа, который это доказал бы. Будь у него в руках "Житие" Отгона Бамбергского, мы уже 100 лет назад отбросили бы нор-манскую теорию.

Не без значения и то, что некоторые западные писатели еще столетия тому назад были антинорманистами. В 1613 году некто Клод Дюре издал в Кельне книгу об истории языков. В настоящий момент у нас нет под руками этой книги. Но есть выписка из нее, сделанная Штраленбергом в 1736 году: "Клод Дюре говорит не без основания, что варяги, от которых происходил Рюрик, были вандалы, называемые другими "венцами". Таким образом, еще в 1613 году для некоторых иностранцев нелепость норманской теории была ясна, и они считали, что призванные варяги были славянами. Герберштейн после подробного рассмотрения вопроса о призвании варягов приходит к такому заключению: "На основании всего этого, мне кажется, руссы скорее всего призвали к себе князей из варягов или вагров, чем бы передали власть чужестранцам, которые были чужды и их религии, и обычаям, и языку".

Итак, мысль, что Рюрик был славянином, была высказана еще в 1549 году Герберштейном, иностранцем, которого ух никак нельзя заподозрить в

славянском шовинизме. Просто каждому здравомыслящему человеку суть дела была ясна. А вот мы никак не можем избавиться от дыма, который застилает истину уже несколько сот лет.

II раздел

Проблема начала Руси

Глава 6.

Известия о руссах до IX век

Из предыдущего раздела видно, что варяги, в частности Олег, явившись на Русь, застали здесь уже давно сформировавшееся государство с довольно высокой культурой и значительными связями со всеми соседями. Объединение Олегом Новгородского и Киевского государств под именем Руси явилось завершением долгого и естественного развития славянских племен на востоке Европы. Этот момент вовсе не означал начала истории Руси: обе составные части ее уже имели очень долгую историю, которую мы назовем "доолеговской". Этот период и царские, и советские историки оставили совсем без внимания. Он" конечно, и для них существовал, но совершенно в неопределенной, аморфной форме. Они его игнорировали и не пытались исследовать: разве могло быть начало до того начала, которое им известно? Ведь Русь началась, как они думали, с Олега. Какого же начала можно искать до Олега? С их точки зрения, доолеговская история просто нонсенс.

На деле это не так: до нас дошло немало исторических данных о доолеговской Руси. Их, конечно, на самом деле больше, но надо их поискать. Наша попытка дать очерк доолеговской Руси является первой. И, естественно, ей присущи типичные черты: фрагментарность и сравнительная бедность. Однако, коль скоро будет создан некий костяк, вокруг него будут нарастать все новые и новые сведения, пропуски, провалы будут заполняться, и наша история будет превращаться в связную историю без больших пропусков в хронологии. Вместе с тем и ранее найденное будет подтверждаться и укрепляться.

Сейчас это лишь ряд отрывков, отдельные, разрозненные звенья единой цепи. Но они скоро свяжутся вместе. Нужна только работа. Упорная и целенаправленная. Да не взывает читатель за отрывочность сведений, они естественны, а с чего-то начинать надо.

1. Древнейшее упоминание истории о ругах. Как мы показали в нашей работе, "Житие" Отгона Бамбергского, крестителя приморских славян, устанавливает с несомненностью, что племя ругов носило также название "русинов" (рутенев) и страна их называлась "Русиния" (Рутения), или Русь. Этим устанавливается и местоположение Древней Руси, и другое имя, которое она носила.

Первое упоминание в истории о ругах, по-видимому, принадлежит Тациту. Он упомянул это племя в своем сочинении "Германия" в 98 году нашей эры и поместил его как раз в том месте, где его помещают и другие писатели древности, именно - в западном углу южного побережья Прибалтики.

Таким образом, начало племени ругов уходит в глубь времен до нашей эры. Мы не будем здесь останавливаться на данных, имеющихся в истории о ругах (этому мы собираемся посвятить особую работу, материалы к которой пока лишь собираются и приводятся в порядок). Отметим только, что германские хроники называли княгиню Ольгу постоянно "регина ругорум", а не "регина руссорум", показывая тем, бесспорно, что отождествление ругов и руссов существовало еще в X веке.

2. Первое упоминание вождя Русса в истории (282 год). Первое упоминание в истории вождя Русса мы находим в довольно легендарном источнике. Но, поскольку упомянуты время, место и обстоятельства действия, мы имеем все основания с ним считаться. Наконец, все истории начинаются с легенд. Но это не значит, что они - выдумка. Просто это было так давно, что подробности утеряны. Мы находим следующее в книге Прокопа Слободы (*Sloboda Prokop, franceskan. Preporodjeni ceh, aliti svetosti svetosti sv. Prokopa vu domovini Ceha, Krapine... V Zagrebu pri Fr. X. Zeran. Seki 1767*): "Хорошо знаю, что известно многим, но не всем, как некогда из этой крапинской местности, по исчислению Петра Кодицилюса и многих других, в 278 году, ушел очень знатный вельможа Чех с братьями своими Лехом и Руссом, а равно со всеми своими приятелями и родом, из-за того, что они не могли уже переносить те великие нападки и притеснения, которые делали им римляне, а особенно начальник римских войск Аврелий, который охранял Иллирию вооруженной рукой и настолько притеснял его род, что Чех со своими поднял против него восстание и вывел его из числа живых. И вследствие этого, боясь могучей руки римлян, покинул Крапину, свое отечество. Целых 14 лет служил он с Салманином, с сыном Цирципана, в то время правителя и будущего вождя богемского народа... И лишь по смерти Салманарова сына, называемого Турко, который после отца своего вступил в управление народом и погиб в бою против имп. Константина, Чех принял на себя царствование".

Так начинается легенда о начале чешского народа и государства. Как назывались чехи до начала царствования Чеха, мы не знаем. Вероятно, "богеми". Ничего удивительного нет, что народ и государство стали называться по вождю своему Чеху. Примеров этого в древности множество (Италия, Эллада и т. д.). И даже до сих пор обычай этот еще не вышел из употребления. Напр., "Сауди Арабия", т. е. Арабия Сауда.

Согласно приведенной легенде, братья Чеха также возглавляли два государства - Лехию, т. е. Польшу, и Русию, дав им свои имена. К данным этим не следует относиться сверхкритически, ибо понимать надо вовсе не то, что разумеют теперь под именем Польша или Россия. Речь идет о небольшой территории на стыке Чехии, Польши и Закарпатской Руси, где первоначально осели указанные братья. Историчность легенды вовсе не опровергается теми соображениями, которые обычно приводят. Легенда вовсе не видит в Чехе, Лехе и Русе родоначальников племен - это уже домысел сверхкритиков. Названные лица лишь возглавили племена, которые до сих пор существовали уже века. Как до Олега была "доолеговская" Русь, так и до Чеха существовала уже Чехия.

Чтобы испытать достоверность легенды, обратимся к истории. Мы находим (см. *The Historian's History of the World*, т. 6-й, 1998, стр. 431: "...в 279 году большое число бастарнов германского племени (безусловная ошибка, см. следующий раздел, где показано, что есть все основания считать бастарнов славянским племенем. - С. Л.) было переселено в Мезию и Фракию с целью романизации этих провинций. Однако постепенно недовольство солдат работой, к которой они были приставлены, т. е. к земледелию, осушению болот, закладке виноградников, (...) возросло до угрозы его личной (имп. Аврелия Пробуса. - С. Л.) безопасности. Ранним летом 282 года восставшие войска в Рэтии и Норике заставили М. Aurelius'a Сагус'a, далматинского генерала, уроженца Нароны, который был в хороших отношениях с Пробусом, выступить как соперника императора. В октябре того же года Пробус был убит своими собственными солдатами во время неожиданно вспыхнувшей революции среди людей, занятых рытьем канала у Сирмиума".

Таким образом, чешская легенда оказывается основанной на совершенно точных исторических данных:

1) время в легенде и истории почти точно совпадают (первая говорит о 278 годе, а вторая приводит 282 год - разница незначительна: даже строго исторические документы часто расходятся на сроки более чем в 4 года);

2) место действия в легенде и истории совпадают (по легенде Чех ушел из области Крапины в районе Дравы, а Сирмиум лежит в области Саяы, но обе эти реки расположены рядом, и, естественно, дом Чеха не находился

точно там, где произошло убийство Пробуса, до что речь идет об одной и той же местности - несомненно); обстоятельства также совпадают: легенда говорит - "начальник римских войск Аврелий", история - "римский император Аврелий"; легенда сообщает: "убили жители, не выдержав притеснений", история: "убит своими собственными солдатами во время неожиданно вспыхнувшей революции, среди людей, занятых рытьем канала".

Совпадение получается лепное. Разница лишь та, что легенда освещает вопрос со стороны местного населения., поэтому сохранила имена тех, кто руководил восстанием, и рассказывает о дальнейшей судьбе восставших. История же интересуется тем, кто руководил злоумышленниками и что с ними стало, она передает самый факт убийства императора. История и легенда лишь дополняют и поддерживают друг друга.

Начавши с совершенно точного, исторически установленного факта, легенда и в дальнейшем: все время остается на почве реальности. Главари убийства императора, конечно, скоро поняли, что им придется^ ответить перед римлянами за совершенное. Поэтому они, "боясь могучей руки римлян", покинули свое отечество и ушли на север, в земли родственных им славян, и, весьма вероятно, неподалеку от тех, мест, из которых они: в свое время были выселены римлянами. Так, как это был не дворцовый переворот, а большое солдатское восстание" то, очевидно, в нем было замешано немало народу. С другой стороны, и жители были вообще недовольны римлянами, и, несомненно, воспользовались случаем уйти из-под ига римлян.

Переселилась на север не семья, не кучка людей, а значительное количество их. Будучи близко знакомы с римлянами, зная их, язык и, без сомнения, стоя на более высоком уровне, переселенцы, надо думать, были весьма ценным приобретением для славян, куда они прибыли, ибо славяне имели все основания опасаться римлян. А в этом случае они приобретали весьма ценных информаторов, на которых вдобавок целиком могли положиться.

И в дальнейшем элемент фантастики отсутствует. Легенда точно указывает, что Чех 14 лет служил в "чешском" государстве, будучи там военачальником, пока смерть княживших там не открыла ему путь к власти. Нет ничего удивительного, что и Лех, и Рус могли сделать такую же карьеру, но у других славянских племен. В ту эпоху даже в Риме императорами становились про-стые солдаты (Максимиан в начале карьеры даже не говорил по- латински), поэтому славянские вельможи, явившиеся, конечно, со всем добром и попавшие в менее культурную среду, имели все возможности выдвинуться. Мы, разумеется, не настаиваем на совершенной, точности легенды, но должны отметить, что

канва ее исторически верна, а детали также ничего фантастического не заключают.

Поэтому мы можем сказать, что в конце III века в Придунавье среди славянского племени уже отмечено имя Рус в приложении к какому-то вождю, несомненно, "русского" племени. Дальше мы увидим, что это косвенно подтверждается и другими данными.

3. Русский князь-стольник при дворе Константина Великого (306-337). Карамзин (изд. 1892 г.), стр. 45 примечаний, прим. 112, пишет: "Никифор Григора, писатель XIV века, уверяет, что еще при дворе Константина Великого один русский князь был стольником". Карамзин этому сообщению не верит. Однако добавляет: "Другой город во Фракии назывался Руссион", - значит, корень "рус" уже существовал во Фракии. От себя скажем, что среди многочисленных географических названий на северном берегу Дуная в первые века нашей эры, которые имели окончание на "дава" (что, должно быть, означало "поселение"), существовало и поселение Русидава.

В примечании 113 Карамзин пишет: "Некоторые византийские писатели также производили Россов от Росса, какого-то знаменитого мужа, будто бы избавившего сограждан от ига тараннов (см. Штритгер, Memorial rorologum, 2, стр. 939)". Это замечание показывает, что и византийские писатели знали легенду о трех братьях, ушедших со своим народом от ига тараннов. Один из этих братьев назывался Рус. К сожалению, ни Никифор Григора, ни Штритгер нам в настоящий момент недоступны, и мы не можем разобраться в этой детали с полной ясностью.

Сомнение Карамзина, что "никто из древнейших византийских летописцев не говорит до IX века о Россах", неосновательно, ибо, как мы увидим ниже, данные о россах есть, но они остались Карамзину неизвестными, а те, которые были в его руках, не убедили в своей достоверности. Для своего времени он, может быть, и прав в своем скептицизме. Но для нас, имеющих много дополнительных данных и соображений, этот скептицизм неприемлем: россов знали в Византии и до IX века, и нет ничего удивительного, что один из "россов" был стольником у Константина Великого, тем более что время, когда упоминается этот стольник, совершенно совпадает с временем, указанным в чешской легенде. Вероятно, будут найдены и другие византийские источники, подтверждающие указанную легенду.

4. Первое косвенное указание о народе "рос". Патриарх Прокл (434-447) в своей речи по поводу нашествия гуннов упомянул библейский народ "рош" (Иезекииль, 38, 2), усматривая, очевидно, в нападении осуществление библейского пророчества. В отношении цитированного

Проклом отрывка из пророка Иезекииля в науке существует разногласие: одни принимают, что в пророчестве упоминается народ "рош", другие считают, что здесь произошло неверное чтение и понимание текста. Мы не будем входить в рассмотрение филологических тонкостей, ибо в данном случае они совершенно не важны: дело состоит в том, что разумел Прокл в своей речи. Нас лишь интересует, какой смысл он применял в данном отрывке. Ошибался он или нет в своем толковании, а упомянул народ "рош" неспроста. Нашествие гуннов потрясло глубоко Византию. Прокл усмотрел в нем кару Господню за беззакония византийцев (то же самое сделал в 860 году и патриарх Фотий). Прокл увидел в нашествии гуннов осуществление пророчества.

Его аргументация могла иметь особую убедительность лишь тогда, когда среди нападавших было племя "рос", иначе связь события с пророчеством утрачивалась. Могут спросить: почему Прокл не назвал прямо народ "рос"? По двум причинам: во-первых, это было общеизвестно, а во-вторых, главарями нападавших "россов" были гунны - руссы только принимали участие и, возможно, были главными, но все же подчиненными исполнителями нападения. Что это было так, видно из слов Рубруквиса, который писал в 1253 году: "Язык русинов, поляков, богемов (т. е. чехов. - С. Л.) и славян тот же, что и у вандалов. Множество всех их было вместе гуннами". Это попутное замечание Рубруквиса, хоть и написанное гораздо позже, несколько не теряет в своей достоверности, ибо совершенно ясно, что он пользовался древними источниками, до нас не дошедшими. Это косвенное указание на существование на юге народа "рос" в первой половине V века подтверждается тем, что о том же мы находим для второй половины V века уже совершенно точное и ясное историческое указание.

5. Вождь русинов и других племен Одоакр захватывает г. Юваву и убивает св. Максима с учениками (477 г.). В Австрии, в г. Зальцбурге (в древности Ювава), в катакомбах при церкви св. Петра находятся останки св. Максима и его учеников, которые были убиты вождем русинов Одоакром в 477 году. Это засвидетельствовано плитой, на которой написано латынью: "Лета Господня 477. Одоакр, вождь русинов (рутенев), геппиды, готы, унгары и герулы, свирепствуя против Церкви Божией, блаженного Максима с его 50 товарищами, спасавшихся в этой пещере, из-за исповедания веры, сбросили со скалы, а провинцию Нориков опустошили мечом и огнем". Фото этой плиты помещено на стр. 337 нашей большой работы (вып. 4, стр. 336-352). Плита эта сравнительно позднего происхождения (первая четверть XVI века), но аутентичность надписи не подлежит сомнению. Кости мучеников неоднократно переносились из нижних пещер в верхние, почти наверное можно сказать, что тяжелая каменная плита при этом переносилась (легче, очевидно, было сделать новую, переписав содержание старой).

За это говорит прежде всего сам текст, перечисляющий племена, более 100 лет назад существовавшие и давно уже сошедшие с поля истории, и, наконец, точно и деловито излагающий несомненные факты. Ни о какой подделке не может быть и речи, ибо предмет этот религиозный, а главное - является свидетельством о славянах на немецкой земле. Нападение Одоакра на Юваву было одним из серии походов во главе целой коалиции племен, когда могущество Рима было поколеблено и когда он пал под ударами "варваров".

Национальность Одоакра точно не установлена. Разные источники называют его по-разному. Очевидно, потому, что он был вождем группы племен. А поэтому в зависимости от роли того или иного племени в исторических событиях их вождь относился то к одному, то к другому племени. Эти указания имеют отношение не столько к национальности, к которой Одоакр принадлежал, сколько к его роли в истории данного племени. Однако у Иордана в его "Романа", з 344, попутно сказано, что Одоакр был ругом (genere Rogus). Кстати сказать, еще лишнее доказательство отождествления русинов и ругов.

Ничего не дает, к сожалению, и анализ его имени. Во-первых, оно фигурирует в самых разных вариантах (Одонацер, Одоахар, Одовахар, Одоахрос и т. д.). И мы не знаем, какой из вариантов более верен. А во-вторых, в отношении отца Одоакра в истории существует неясность, и мы не имеем достаточно солидных данных, чтобы окончательно установить его национальность. Интересно, однако, отметить, что в 1648 году гетман Богдан Хмельницкий обратился по случаю войны с Польшей к казакам с воззванием, в котором он призывал следовать примеру их славных и воинствующих предков, владевших под руководством Одоакра (Одоакра) 14 лет Римом. Таким образом, еще в 1648 году украинские казаки официально считали Одоакра и его русинов своими предками. И это, конечно, стало им известно не благодаря каменной плите в Зальцбурге. Эта традиция была настолько сильна, что, когда Богдан Хмельницкий умер в 1657 году, Самийло Зорка, генеральный писарь Запорожского войска, стоя у гроба, говорил: "Милый вождю! Древний русский Одоацер!" Иначе выражаясь, он сравнивал по значению Хмельницкого со значением в древности Одоакра. С годами эта традиция (верна ли она или нет - неважно), связывавшая украинских казаков с русинами Одоакра, исчезла ввиду утраты ими государственности, а москвиты того времени ее вовсе не имели, однако документы уцелели и историческая нить восстанавливается.

Русские историки в глубь веков дальше Рюрика и Олега не заглядывали. А между тем "русины" Олега имели гораздо более древнюю историю,

уводившую их на запад вне пределов того, что называлось Россией. Истинный ход событий, однако, будет рано или поздно восстановлен.

Таким образом, уже во второй половине V века племя русинов, или ругов, играло в средней Европе настолько крупную роль, что возглавляло союз племен, опрокинуло Рим и 14 лет им владело. Казалось бы, столь важное событие должно было обратить внимание советских историков. Между тем нам неизвестны не только статьи по этому поводу, но хотя бы упоминания о нем. Советская наука хранит гробовое молчание о плите в Зальцбурге. Писать о каком-нибудь крестьянском восстании в Византии в V веке они могут, а что делали русины в средней Европе в это время, они просто не знают. И не интересуются этим.

Давно уже надо было послать на место в Зальцбург квалифицированного историка для собрания полного материала, связанного с этой плитой. В катакомбах производились интереснейшие раскопки. О плите и проч. опубликованы брошюры (одной из них мы пользовались). О ходе раскопок и результатах их много данных имеется в местной прессе. Наконец, давно уже следовало перевести Эвгиппиуса ("Житие св. Северина"), в котором очень много данных о событиях того времени. Как-никак, а плита - настоящий исторический документ, касающийся руссов, но совершенно выпал из внимания русских историков. Не немецким же историкам заниматься исследованиями прошлого унтерменшей?

Добавим, что наша официальная переписка с монастырем в Зальцбурге подтвердила, что плита с упоминанием "рутенев" существует до сих пор.

6. Сирийская хроника о народе "хрос" (555 г.). Известие о народе "хрос" имеется в продолжении истории Захария Митиленского, написанном в 555 году неизвестным сирийцем (Псевдо-Захарий). Это всего несколько строк. После описания амазонок, помещаемых около Азовского моря, мы находим: "Соседний с ними народ "хрос" (hros), мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей". Из этого довольно фантастического сообщения, однако, явствует, что в 555 году в Сирии знали о существовании к северу от Азовского моря народа очень крупного роста и который назывался "рус" или "рос". Написание "хрос" показывает, что произношение прошло через армянскую традицию, ибо в чисто сирийском было бы "rhus" или "rhos". Эти фонетические особенности объясняются способом придыхания при некоторых звуках.

Как бы там ни было, а к середине VI века в далекой Сирии все же знали о существовании к северу от Черного моря какого-то народа "рус" или "рос", отличающегося крупным ростом.

7. Руссы берут в плен 12 000 византийских воинов и требуют по драхме выкупа за человека (времена имп. Маврикия, 582-602). В 1901 г. И. Джанашвили в газете "Кавказ" опубликовал статью о поступлении в церковный музей грузинского экзархата 16 манускриптов из Тифлисского Сионского собора. Сообщение его было перепечатано в "Вестнике Всемирной Истории" (1901, | 1, стр. 230-233), а затем в "Византийском Временнике" (1901, | 8, стр. 348-351). Недавно (1960) мы перепечатали его в нашей большой работе (вып. 10, стр. 1056- 1062). Среди вышеупомянутых 16 рукописей оказался

"грузинский пергаментный манускрипт 1042 г. об осаде Царь-града русскими в 626 г."

Манускрипт этот представляет собой очень значительный сборник из 322 листов (начало и конец книги утеряны). В последней части этого сборника (стр. 284- 322) помещено: "Осада и штурм великого и святого града Константинополя скифами, которые суть русские".

При описании истории этой осады упоминается, что в борьбе имп. Ираклия с персидским царем Хозроем последний был разбит в 625 г., но не пал духом, а стал собирать крупнейшее войско. "Его главнокомандующий Сарварон склонил "русского Хагана" сделать общее нападение на Константинополь. Последний принял это предложение. Как известно, этот Хаган еще при Маврикии напал на империю, пленил однажды 12 000 греков и затем потребовал по 1 драхме за человека".

Таким образом, действие русского Хагана устанавливается для времени имп. Маврикия (582-602).

Указанный манускрипт, по-видимому, существует до сих пор. По крайней мере, нам удалось найти в работе М. В. Левченко "Очерки по истории русско-византийских отношений" (1956, стр. 142) следующее: "Имеются грузинские ценные указания об участии восточных славян в осаде Константинополя в 626 году". К сожалению, с 1901 года прошло уже 60 лет, а историческая наука так и не удосужилась перевести грузинский оригинал и сделать содержание рукописи достоянием всемирной науки. Хотя (см. также ниже) в рукописи ясно сказано о руссах, Левченко заменяет это название туманным "восточные славяне". Почему - неизвестно.

8. Имп. Ираклий откупается от руссов (622 г.). В той же тифлисской рукописи мы находим: "В 622 г. Ираклий за большую сумму денег уговорил "скифов, которые суть русские, не тревожить империю, и потом отправился отомстить Хосрою".

Через 4 года, однако, руссы в союзе с персами напали на Царьград. Из этих беглых попутных сведений следует, что в первой четверти VII века руссы уже играли важную роль в политике Византии.

Тифлисская рукопись обрывается как раз на моменте после нападения руссов. К сожалению, о первых веках нашей эры, т. е. об эпохе, о которой мы почти ничего не знаем, перевод грузинской рукописи не опубликован. Можно, однако, ожидать, что она содержит еще некоторые сведения о руссах. Когда советские ученые удосужатся обратить внимание на этот исключительно интересный источник, одному Всевышнему ведомо.

Следует также отметить, что тифлисская рукопись написана в 1042 году, т. е. она на 70 лет старше нашей "Повести временных лет", а поэтому ее данные особенно ценны, ибо они ближе к первоисточникам.

9. Руссы нападают на Царьград (626 г.). В тифлисской рукописи мы находим: "Хаган (из предыдущего изложения видно, что русский. - С. Л.) посадил своих воинов на лодки, которые выдолблены из цельных деревьев и которые на их "варварском" языке назывались "моно-ксвило" (Здесь в рукописи недоразумение: из греческих источников совершенно бесспорно видно, что однодревки руссов назывались "момокси-ло", т. е. по-гречески - "одно-деревка". Назывались они так не русскими, а греками. Очевидно, составитель тифлисской рукописи, пользуясь греческим источником, неверно понял, к кому относится название "однодревка", к тому же он греческое слово искажил.). Хаган причалил к Царьграду и осадил его с суши и моря. Воины его были мошны и весьма искусны. Их было столь много, что на одного царьградца приходилось 10 русских. Тараны и осадные машины стали действовать. Хаган требовал сдаться, оставить ложную веру во Христа. Однако угрозы его не подействовали, а только подняли дух горожан. У стен города произошла страшная свалка. Свобода Царьграда уже висела на волоске. Между тем патриарх Сергий (действительно был такой, с 610 и по 639 г. - С. Л.) послал хагану огромную сумму денег. Подарок был принят, но свобода обещана была лишь тому, кто в одежде нищего оставит город и уберется куда хочет.

Но опять появилась помощь Влахернской Богородицы. Ираклий прислал с востока 12 000 воинов, которые, будучи вспомоществуемы матерью Иисуса, не допустили город до падения.

Хаган осаждал город "с предшествующей субботы дня Благовещения (т. е., очевидно, с 24 марта 626 г. - С. Л.), делал ожесточенные приступы, бил стены города таранами, но напрасно: Влахернская Богородица оказалась непоколебимой; и воины ее сломили мужество хагана и его ратников.

Наконец, русские, потеряв надежду взять город, сели в свои "моноксвилы" и вернулись восвояси. Ираклий, который в это время оборонялся от персов на р. Фазисе, был обрадован уходом русских".

В примечании на стр. 350 сказано, что "этот день назначен праздником в память избавления от нашествия варваров".

Итак, в тифлисской рукописи мы находим совершенно точное указание, что в нападении на Царьград в 626 г. главное участие принимали русские. Рассказ о нападении чрезвычайно реалистичен и точен. И хотя в нем есть элементы церковной риторики, картина событий описана правдиво. Нападение было совершено с моря. Именно в ладьях было доставлено войско русских. А затем началась осада города с моря и суши. Количество войска было значительно, если оно намного превышало силы царьградского гарнизона.

Никаких чудес, в сущности, не произошло, повторяем. Случилось то, что должно было случиться: подмога в 12 000 человек, гарнизон да мощные стены города были настолько сильны, что сломили упорство русских. К тому же огромная сумма денег, полученная от патриарха Сергия, тоже, очевидно, сыграла свою роль (деньги были уже получены, а далее рисковать своей головой не очень-то улыбалось).

Любопытно, что о буре, разметавшей ладьи руссов, не сказано ни слова.

Обычно это нападение приписывается аварскому кагану. Сути дела это не меняет, ибо мы знаем, что авары того времени господствовали над славянами. В случае войн авары пользовались их вооруженными силами. Вместе с тем славяне имели и значительную самостоятельность. Это видно из того, что греки, заключая договор с аварами, оговаривали право, в случае нападения на них славян, разделаться с ними, и это не считалось бы нарушением мира в отношении аварского кагана. Был ли действительным руководителем нападения "русский каган" или аварский, роли не играет. Бесспорно то, что самый поход был морским и опирался на славян, ибо лишь они владели искусством мореплавания. У Феофи-лакты Симокатты мы находим, что при необходимости переброски войск через Дунай и другие реки аварский каган отдавал приказ организовать это дело славянам, которые славились своим искусством ладить плоты (в греческом тексте даже приведено русское слово "плот"). Не вызывает сомнения и то, что они представляли собой главную силу нападавших, иначе грузинский летописец не имел бы оснований приписать все это русским. Наконец, несколько раз летописец прямо называет нападавших "русскими".

Таким образом, совершенно очевидно, что руссы уже в начале VII века представляли собой весьма существенную силу, принимавшую участие в международных событиях. Однако не следует забывать, что речь может идти здесь не о Киевской Руси, а о Прикарпатской. Только впоследствии, когда кочевники оттерли Русь от Черного моря. Киевская Русь стала приобретать первенствующее значение.

10. Руссы на Каспии (644 г.) Арабский писатель Ат-Табари писал о правителе Дербента Шахриаре, что тот в 644 году заявлял следующее: "Я нахожусь между двумя врагами: один - хазары, а другой - руссы, которые суть враги целому миру, в особенности же арабам, а воевать с ними, кроме здешних людей, никто не умеет. Вместо того, чтобы мы платили дань, будем воевать с ру-сами сами и собственным оружием. И будем удерживать их, чтобы они не вышли из своей страны".

Это свидетельство в корне подсекает теорию, что руссы были скандинавами. Первое историческое упоминание о нападении викингов на Англию относится к 787 году. Это дата их первого появления на страницах истории в роли грабителей чужих стран, в первую очередь - своих ближайших соседей, конечно. А свидетельство Шахриара относится к 644 году, т. е. за 143 года до появления викингов в Европе. И относится к Северному, а не Каспийскому морю. В связи с тем, что уже было сказано о руссах на Черном море в начале VII века, ясно, что Шахриар говорил о руссах-славянах. Уже в 644 году они благодаря своим набегам на Каспий считались "врагами всему миру, а в особенности арабам". Чтобы создать о себе такую славу, нужно множество нападений и, естественно, десятки лет истории.

Интересно, что Шахриар призывает арабов вооружаться и не дать руссам выйти из их страны. Это свидетельствует, что руссы были совсем недалеко от Дербента. И о побережье Балтийского моря не может быть и речи. Упоминание о дани, платящейся руссам, устанавливает, что дело идет не о каких-то скандинавских руссах, а о местных. Представление, что руссы-скандинавы еще в начале VII века имели собственное государство в районе Черного и Каспийского морей, является одним из самых нелепых у современных историков. Как скандинавы могли проникнуть на Черное море, когда их первое выступление в Европе отмечено более чем на 100 лет позже?

Типично для метода норманистов отношение их к известию Табари: они совершенно отрицают его достоверность в силу следующего. Оно дано в персидской редакции Балами, относящейся ко 2-й половине X века. У Табари же сказано только, что Шахриар имеет дело с упорным врагом и разными народами, и дальше названы аланы и турки. Такое объяснение

чисто формально в отношении Табари. Скептицизм необоснован. Надо смотреть на вещи глубже.

Во-первых, рукопись Табари есть не оригинал, а копия. И мы совершенно не знаем, какой копией пользовался Балами. Возможно, что она просто была полнее, чем та, которой пользовался Дорн. Нельзя рассматривать каждого продолжателя непременно как фальсификатора. Добавление или исправление не является фальсификацией.

Во-вторых, у Табари упоминаются аланы и турки, а у Бал'ами - хазары и руссы. Речь же идет об одном и том же. Балами фактов не изменил, а названия городов: вместо старых, вышедших из употребления, он вставил те, которые бытовали в его время; но сути это не меняет.

В-третьих, Балами во второй половине X века имел возможность пользоваться и другими источниками. И, беря Табари за основу, дополнить его имеющимися у него данными.

Наконец, если бы даже было доказано, что у Табари решительно ничего нет, что есть у Балами, то это не значит, что он сказал неправду. Нас интересует не то, кто сказал, а верно ли то, что сказано Балами. А мы видим, что он подтверждает то, что известно нам из тифлисской рукописи, что руссы еще за 18 лет до этого уже нападали на Царьград.

А главное - нужно вникать в смысл: ни хазары, ни турки мореходами не были. Мы знаем это совершенно точно. Мореходами были только руссы, грабившие побережье Черного и Каспийского морей, т. е. вредившие и арабам.

Поэтому Шахриар, признавая верховенство арабов и заключая с ними договор, говорит, что вместо уплаты дани арабам он берет на себя защиту их от нападений руссов. Все логично и ясно.

11. Нападение русского князя Бравлина на южный берег Крыма (около 775 г.). В "Житии" св. Стефана Сурожского имеются весьма интересные данные о нападении русского князя Бравлина на южный берег Крыма. Время рождения св. Стефана неизвестно. Мы знаем лишь, что он был рукоположен во епископа патриархом Германом (713- 730). Если мы даже предположим, что св. Стефан был рукоположен в 730 году (что очень маловероятно) и что в это время ему было минимум 25 лет (что тоже сомнительно), то мученическая смерть его в 767 году (как предполагают) никак не оправдывает его идентификацию со Стефаном, епископом сугдейским, подписавшим в 787 году постановления 7-го вселенского собора, как это некоторые полагают. Совершенно ясно, что если бы даже дата смерти св. Стефана (767 г.) была совершенно неверна, то не мог он к

878 году быть уже по крайней мере 57 лет епископом. Таким образом, Стефана, епископа сугдейского (787 г.), нельзя идентифицировать ее св. Стефаном.

В "Житии" говорится: "По смерти святого мало лет мину, прииде рать великая русская из Новагорода, князь Бравлин, силен зело". Он захватил, говорится дальше, всю прибрежную полосу Крыма между Корсунем (Херсон несом) и Керчью и взял приступом Судак (Сурож, или Сушею древности). Из слов "мало лет мину" ясно, что нападение совершилось еще в VIII веке, ибо 33 года до конца столетия от смерти святого уж никак нельзя считать за "мало лет". "Мало лет" - это несколько лет. Не более 10, во всяком случае. Поэтому мы можем считать условно, что 775 год - весьма близкая дата к моменту нападения.

Норманистов смущало имя князя: и не славянское, и, очевидно, не германское. Правда, в этом имени усматривали даже связь с битвой при Бравалле. Но натяжка столь очевидна, что о ней просто не стоит говорить. Предвзятость доходила до того, что из-за того, что в одном списке жития вместо "Бравлин" стоит "Бранлив", житие казалось... малодостоверным. Хотя известно, что самые достоверные рукописи пестрят описками и пропусками. Все эти возражения не имеют никакого значения, ибо сказано: "рать русская" - значит, дело, во всяком случае, касалось руссов. А кто был их князем - это уже второстепенная подробность.

Далее. Вызывало сомнение (впрочем, справедливое), что -такой длинный поход в Крым мог совершить новгородский князь. Это место объясняется очень просто: речь идет здесь вовсе не о Новгороде на Волхове (откуда совершить поход - "овчинка выделки не стоит"), а о Неаполисе греков в районе нынешнего Симферополя, который, несомненно, назывался славянами Новгородом. Переводы названий городов у разных народов - обычная вещь. У греков, например, город называется Кефалоница, у славян он - Главиница, у полабских славян - Старгород, у завоевателей-германцев - Мекленбург и т. д. Что такое объяснение верно, косвенно дока-зывается тем, что по крайней мере четыре лица, совершенно различные по взглядам на историю, пришли к одинаковому заключению: автор этих строк, Вернадский, Карташев и Кур.

В те времена "Новгородов" всюду было множество. Поэтому нельзя все данные относить лишь к Новгороду на Волхове. Нападение совершилось .овсе не за тысячи верст, а было только моментом вековой борьбы "варваров" с севера с греками южного берега Крыма. Эта борьба прекрасно отражена во "Влесовой книге" (см. ниже) еще до Олега. Нападение на Корсунь Владимира Великого было лишь продолжением цепи войн между этими народами. Наконец, из договора греков со Святославом видно, что еще приблизительно в 972 году руссы сидели

далеко на юге, закрывая доступ в Крым. Греки, желая обеспечить себя от нападений "черных угров", обязывали Святослава не пропускать через свои земли последних и тем прекратить им доступ в Крым.

Наконец, руссы того времени официально назывались "тавроскифами". Причем добавлено, что сами себя они именуют "руссами". Следовательно, "таврические скифы" установлены в Крыму, безусловно. И эти "скифы" были руссами.

Сомневались в том, что Бравлин покорил всю южную полосу Крыма от Корсуни до Керчи. "Житие" вовсе не говорит, что Бравлин взял и Корсунь, и Керчь. Сказано описательно: "земли от Херсона до Керчи". Штурм же берега Крыма не является чем-то невероятным (см. ниже). Наконец, добавлено, что Бравлин был "силен зело". Происходила обычная, тянувшаяся веками война греков с наступающими с севера "варварами". В этих войнах наступавшие подчас захватывали и крупные опорные пункты греков - Корсунь, Сурож, Кафу (Феодосия), Керчь и т. д. Выдвигали также внутренние несообразности "Жития" и тем набрасывали тень и на все достоверное в нем. Конечно, хвалебная литература должна приниматься "cum grano salis". Однако жития невольно отражают исторические события. Говоря о лицах, месте действия, обстоятельствах, отличить истину от выдумки нетрудно. Данное "Житие" имеется в двух вариантах - греческом и русском. Вариант русский написан, по-видимому, русским не ранее первой половины XV века и не позже 1475 г. В нем имеются детали, выгодно отличающие его от греческого. Об Ирине, супруге имп. Константина Копрони-ма, сказано, что она "дочь керченского царя". В действительности же она была дочерью хазарского кагана, а хазары были тогда в Крыму.

В рассказе о чудесах упоминается князь Юрий Тархан. Это весьма правдиво для истории Суροжа VIII века. В это время в степной части Крыма господствовали хазары, а при них существовали свободные от дани лица, называвшиеся "тарханами". Далее. Храм в Суροже действительно был храмом, посвященным св. Софии. Это подтверждается древней греческой припиской на полях синаксаря, принадлежавшего греку-суροжанину. В ней сказано, что в 793 году храм св. Софии в Сугдее, т. е. в Суροже, обновился. Далее в "Житии" сказано, что крестил Бравлина и его вельмож "архиепископ Филарет". Твердых исторических данных о нем не сохранилось. Но в письме Феодора Студита (ум. в 826 г.) к архимандриту соседней с Суροжем Готии упоминается какой-то епископ Филарет.

Таким образом, канва "Жития", несомненно, несет весьма древние и точные черты. И в нем нет ничего противоречащего тому, что в конце VIII века руссы нападали на Крым. Некоторым образом это подтверждается

местом из так называемой "итальянской" легенды о перенесении мощей св. Климента. Когда св. Кирилл в 861 году расспрашивал жителей Корсуни, они рассказали ему, что "вследствие частых набегов варваров в свое время Корсунь был оставлен, храмы брошены, и страна опустошена, даже сделана необитаемой". По времени это как раз подходит к нападению князя Бравлина. Дело в том, что к концу VIII века сила Херсонеса и других греческих городов Крыма пришла в упадок, и они легко становились добычей нападавших с севера.

Глава 7.

Известия о руссах IX века

12. Нападение руссов на Амастриду (около 820 г.) "Житие" св. Георгия Амстердамского сохранило нам следующие сведения о Руси: "Было нашествие варваров Руси, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность, уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они - этот губительный и на деле, и по имени народ, - начав разорение от Пропондиты и посетив прочее побережье, достиг наконец и до отечества святого (т. е. Амастриды на южном берегу Черного моря. - С. Л.), посекая нещадно всякий пол и возраст". Оставив на совести автора риторичку о бесчеловечности руссов, которая, наверное, имела иную подоплеку, отметим, что народ "рос" был известен в то время, т. е. за несколько десятков лет до призвания варягов. Всем и под его собственным именем. Это не был, как стараются изобразить, даже для событий 860 года, какой-то неведомый, откуда-то взявшийся народ, а общеизвестный, располагавший военной силой, достаточной для грабежа целого побережья Черного моря, принадлежавшего одному из самых могущественных государств Европы того времени.

Время смерти Георгия Амстердамского точно не установлено. Последним императором, упомянутым в "Житии", является имп. Никифор (802-811). Ни имп. Ставракий (811), ни имп. Михаил 1-й (813-820) в "Житии" не встречаются. Стало быть, нападение руссов было, во всяком случае, не ранее 802 г., ибо св. Георгий скончался, очевидно, в промежутке между 802 и 811 годами.

А нападение было после его смерти. Некоторым указанием служит время написания самого "Жития". Хотя я оно с точностью не известно, но имеется подробность, позволяющая приблизительно установить время написания. Дело в том, что в "Житии" нет решительно ни одного слова об иконах, предмете, которого в религиозном произведении можно избежать

лишь намеренно. И действительно, в истории Византии было время, когда упоминание икон было совершенно запрещено после тяжелых времен иконоборчества, принесших огромное зло империи, в 820 году, после того, как Лев 5-й был убит, на престол вступил Михаил 2-й Травл (Косноязычный). Он издал указ, чтобы "никто не смел приводить в движение свой язык ни против икон, ни за иконы; но пусть пропадет и сгинет собор Тарасия (787 г.), так же как и собор Константина (734 г.) или недавно вновь собранный при Льве (813 г.), и пусть глубокое молчание будет правилом во всем, что напоминает об иконах". Это постановление имело силу до смерти имп. Феофила, последовавшей 20 января 842 года. Следовательно, "Житие" написано в промежутке между 820 и 842 годами.

Так как в 838 году мы застаем послов народа "рос" в Царьграде для заключения "договора о любви" при том же имп. Феофиле, а в мае 839 года они с рекомендательным письмом Феофила попадают к германскому имп. в Ингельгейм, то естественно, что нападение руссов состоялось до 838 года. "Договор любви", конечно, был не торговым соглашением, как это явствует из смысла слов, а о мире после военных действий. Такими действиями как раз могло быть нападение на Амастриду. В этом случае становится понятной и чрезвычайная любезность имп. Феофила в отношении к послам: он хотел показать действительно дружеское отношение к руссам. Такое заманчивое предположение наталкивается, однако, на серьезное возражение: из текста "Жития" видно, что оно произнесено в виде речи на церковном торжестве в честь святого. В этой речи говорится и о чуде у гробницы святого во время нападения варваров. Если бы время в момент совершения чуда (и произнесения речи) было бы близким к 838 году, то проповедник, несомненно, изложил бы событие иначе, ибо подавляющее число присутствовавших были современниками их (проповедник просто напомнил бы им, что все они видели это). Но проповедник излагает это так, что события уже успели покрыться паутиной времени. Нападение, вероятно, было ближе к 802 году, чем к 838-му. Мы примем условно дату - около 820 года.

13. Послы народа "рос" в Царьграде и Ингельгейме (838- 839). В западных хрониках, в частности в Вертинской, под 839 г. мы находим первое ясное указание на существование народа "рос". В мае 839 г. в город Ингельгейм на Рейне, где находился тогда император франков Людовик Благочестивый, прибыло посольство от византийского имп. Феофила. Вместе с посольством находились и люди, говорившие" что они "от племени рос", и имевшие с собой рекомендательное письмо от византийского императора. В письме было сказано, что эти люди явились к имп. Феофилу от имени своего предводителя, который именовался "хаканом", с предложением дружбы. Феофил просил Людовика пропустить этих людей через его владения ввиду того, что они не могут безопасно вернуться к себе домой (очевидно, путь был перехвачен

врагами). Людовик произвел дознание и выяснил, что эти люди не руссы, а шведы, и задержал он их, подозревая в них скандинавских лазутчиков. Людовик добавил, что из любви к нему, т. е. Феофилу, он охотно согласится отправить на родину упомянутых людей и поможет им, если они не окажутся обманщиками. В противном случае он отправит их с послами назад к Феофилу, чтобы он сам решил, что с ними сделать. Дальнейшая судьба послов неизвестна, хроники об этом не говорят ни слова.

Некоторые исследователи удивлялись тому, что ничего далее о послых не сказано. Но и без того ясно, что подозрения не оправдались и что происшедшее, грозившее стать предметом международного обсуждения, свелось на обычное, ничего не значащее событие: чужестранных послов пропустили на их родину. Будь эти послы действительно лазутчики, вышел бы международный конфликт: имп. Феофил подсылает шведских шпионов с рекомендательным письмом! Стало бы известно, далее, о казни шпионов или ином наказании их. Либо об отправке их назад к Феофилу. Ничего этого нет, потому что подозрения не оправдались. Приходится удивляться логике комментаторов: там, где дело совершенно ясно, они ломают голову.

Весь вопрос а том" были ли эти "руссы" шведами. Да, почти .наверное. Ибо расследование Людовика, несомненно, было основательным. Но это не значит, что племя Русь было шведское. Как раз наоборот! Именно потому, что шведы выдавали себя не за тех, кем они были, они и навлекли на себя подозрение. Руссы скандинавами не были. Приходится и здесь удивляться примитивности мышления "норманистов". Ведь это место хроники является блестящим доказательством того, против чего выступают норманисты. Если шведы носила также прозвище "руссы", то, значит, не было никаких оснований для подозрений в шпионаже. А так как они не руссы, а выдавали себя за руссов, то подозрение и возникло. И почему это было - тоже ясно.

Из договоров Руси с греками, которые до нас дошли, видно, что в числе лиц, которым было поручено заключать договор, были и скандинавы. Нет ничего удивительного, что и за несколько десятков лет до этого скандинавы тоже принимали участие в договоре, содержание которого, к сожалению, до нас не дошло. Речь шла, конечно, о норманнах-воеводах, которых руссы приглашали для совместных военных операций против греков. Воеводы эти, конечно, знали и языки, и всю необходимую процедуру заключения мира. Это была их область, их специальность. За это они и получали деньга. Будучи официально уполномоченными Руси, они действительно были от народа "рос". Но по национальности были шведы. Мало разве было в царское время Остен-Сакенов на русской службе за границей. Однако это не значило, что русские были немцами.

Послам- шведам было даже выгодно называть себя "росами", так как они в этом случае являлись официальными лицами и, естественно, пользовались всеми преимуществами такого положения. А в положении шведов они были лишь частными лицами без всяких привилегий. Кажется, вселено.

Что послы Руси были действительно послами Руси, а не Скандинавии, говорит то обстоятельство, что повелитель их назывался "хаканом". А мы знаем, что еще Владимир Великий назывался "каганом земли Русской". Скандинавские же князья никогда "каганами" или "хаканами" не именовались,

Некоторые полагали, что речь идет о каком-то скандинавском князе Гаконе, но в ту эпоху такого не существовало.

Наконец, имп. Феофил заключил мирный договор не со скандинавами, отделенными тысячами километров пути, а с государством-соседом. У Византии того времени ничего общего со Скандинавией не было.

Была высказана также мысль, что послы Руси были послами Тьмутороканской, а не Киевской Руси. Но зачем было послам делать объезд в тысячи километров, когда они могли сесть на свои ладьи и направиться напрямик домой. Если они, допустим, боялись пиратов" имп. Феофил мог дать им военный корабль для эскорта? Трудно понять, как могут люди высказывать подобные предположения.

Таким образом, мы застаем еще в 838 году Киевскую Русь как вполне сформированное государство, заключающее мирный договор с Византией и притом в условиях большого внимания со стороны последней. Очевидно, с Русью приходилось считаться: послам ее оказывалось самое предупредительное внимание.

14. Убийство "тавроскифами" Феоктиста, министра имп. Феодоры (856 г.). В IX и X веках греки называли руссов также "тавроскифами", т. е. "скифами из Тавриды". А. А. Васильев (1946) в своей английской работе о нападении руссов на Царьград в 860 году признает это безоговорочно (стр. 187), хотя и является заядлым норманистом. Опираясь на свидетельство Генесия (4,89), он считает, что руссы, служившие в императорской гвардии, играли решающую роль в убийстве Феоктиста, любимца и могущественного министра императрицы Феодоры, матери Михаила 3-го. Вскоре после убийства Михаил сверг опекунство своей матери.

Согласно Васильеву, оригинальное имя Русь (Рос) впервые появилось в греческой литературе в 860 году, когда этот термин был официально введен в употребление патриархом Фотием в двух его больших

проповедях. Но это неверно: оно изредка упоминалось и в официальных документах и до того, но в обыденной речи оно было достаточно широко распространено, иначе патриарх не употребил бы его в проповедях всему народу. Очевидно, после той кровавой бани, которую устроили руссы в 860 году (см. ниже), гордые греки вынуждены были называть руссов не кличками, а их собственным именем. С этого года они и всплыли на арену греческой истории, что и было отмечено русским летописцем. Однако ему оставалось неизвестным, что греки употребляли имя "рос", как мы уже видели, еще задолго до этого.

15. Нападение руссов на Царьград (860 г.). Одной из самых важных дат истории доолеговской Руси, позволившей твердо установить хронологические вехи, а также доказать, что термин "Русь" пришел не с севера, а с юга, является 860-й - год похода руссов на Царьград. Много нелепостей было написано по этому поводу из-за двух причин.

1. Не было обращено внимание на то, что даты в византийских и русских источниках не сходились потому, что были даны в разных летосчислениях. Византийцы при переходе с исчисления "от сотворения мира" отнимали от числа лет 5508, а болгары лишь 5500. Получалась разница в 8 лет. Но никто из летописцев не отмечал, каким исчислением он пользовался. Часто, пользуясь чужими источниками, летописцы вносили даты из этих источников, даже не подозревая о разнице в летоисчислениях. Отсюда и огромная путаница. В 1894 году (см. F. Cumont, *Chroniques byzantines du manuscrit 11. 376. Anecdota Bruxellensia*, p. 33, note 9; также: K. de Boor, *Der Angriff der Rhos an Byzanz. Byzantinische Zeitschrift*) была опубликована греческая хроника, в которой точно указано, что руссы явились под стены Царьграда 18 июня 860 года. В связи с опубликованием этой точной даты и другие источники, дававшие прямо или косвенно эту же дату, получили подтверждение, и появилась возможность распутать клубок недоразумений. Путаница продолжалась еще долго. И лишь теперь дата эта общепринята.

2. Были слиты воедино два похода руссов на Царьград, чему способствовали сходство обстоятельств, близость по времени и отсутствие точной даты у русского летописца. В летописи мы находим: "В лето 6374. Иде Аскольд и Дир на греки, и прииде в 14 лето Михаила цесаря. Цесарю же отошедшу на агаряны". Переводя это на византийское исчисление, получали совершенно ошибочную дату - 866 год, вошедшую во все учебники и справочники. На самом же деле следовало отнимать не 5508 лет, а лишь 5500. И выходило 874, что является действительно 14-м годом Михаила 3-го (как это принимается некоторыми греческими источниками).

Однако этот совершенно неудачный поход Аскольда и Дира в 874 году был не первым, а вторым, последовавшим за удачным походом 860 года. Так как перволетописец не имел своих данных о времени 1-го похода (о чем он сам говорит), то он взял данные из греческой хроники, но вставил в изложение событий имена Аскольда и Дира. А если иметь в виду (согласно греческой хронике), что поход руссов в 860 году был неудачным, а русский летописец знал о неудаче похода 874 года, то он счел последний за тот, о котором шла речь в греческой хронике, слив таким образом два похода в один.

* * *

Перейдем к изложению того, каким был поход 860 года, опираясь на первоклассный источник - свидетельство патриарха Фотия, участника событий в Царьграде и к тому же первоиерарха греков, которого никак нельзя заподозрить в искажении событий в пользу руссов. Это свидетельство оставалось неизвестным ни греческим хронистам, ни русскому летописцу. Мы узнаем следующее: поход руссов был совершен не с целью грабежа, а прежде всего как акт мести за убийство и обращение в рабство за долги нескольких руссов, живших и работавших в Царьграде. А. А. Васильев (1946) пытается опровергнуть это свидетельство (и это находит поддержку у советского историка М. В. Левченко, 1956), указывая, что переводчик речей Фотия П. Успенский (1864) сделал ошибку в переводе, переведя слово "другие" словом "молотильщики". На это можно возразить, что еще в 1829 году, т. е. задолго до Успенского, Вилькен совершенно так же перевел отрывок, как и Успенский (и это известно Васильеву, см. стр. 184 его работы), но главное не в том. Замена слова "молотильщики" словом "другие" не только не разъясняет текста, но и не отводит основного: упрек Фотия грекам остается упреком. И уж если грек Фотий находил основание упрекать соотечественников, то тем более его имели руссы.

В двух речах, произнесенных Фотием (одна в момент осады Царьграда, другая непосредственно после ухода руссов), он резко укорял греков в безнравственности вообще и в необоснованно плохом отношении их к руссам. Местами в его речах чувствуются совершенно определенные намеки на неизвестные нам обстоятельства, но отлично понимаемые современниками. Сколько можно догадываться, намеки касаются самого имп. Михаила, имя которого Фотий не осмеливается, однако, назвать прямо. Очевидно, в обиде, причиненной руссам, принимал участие и сам император.

Нападение руссов было совершенно неожиданным и повергло Царьград в состояние полной паники, так как император, войско и флот были далеко, в походе, а город оставался, в сущности, беззащитным. Фотий говорил:

"Помните тот час, несносный и горький, когда в виду нашем плыли варварские корабли, навевавшие что-то свирепое и убийственное? Когда это море, утихнув, трепетно расстилало хребет свой, соделывая плавание их приятным, и тихим, а нас воздымали шумящие волны брани? Когда они проходили перед городом и угрожали ему, простерши свои мечи? Когда мрак объял трепетные умы и слух отверзался лишь для одной вести: "варвары уже перелезли через стены города, город уже взят неприятелем?" Из речи видно, что руссы явились не для грабежа, а для мести. Фотий говорил: "И как не терпеть нам страшных бед, когда мы убийственно рассчитывались с теми, которые должны были нам что-то малое, ничтожное". Упрек ясен.

Далее: "Не миловали ближних... многие и великие из нас получали свободу (из плена. - С. Л.) по человеколюбию; а мы немногих молотильщиков бесчеловечно сделали своими рабами". Очевидно, греки обратили нескольких руссов из-за долгов в рабство.

Несмотря на отсутствие войск и императора, Царьград все же не был взят. Главным образом - из-за высоких и мощных стен, спасших его. Начальник же гарнизона оказался не на высоте своего положения. Руссы, чтобы овладеть городом, рыли подкоп под стены, а с другой стороны насыпали вал, с которого они предполагали перейти на стены города.

Пока одни производили осаду города, другие предавали огню и мечу все в ближайших и дальних окрестностях Царьграда, имевшего к тому же множество богатейших дач недалеко от стен.

Фотий говорил: "Он (неприятель) разоряет и губит все: нивы, пажити, стада, женщин, детей, старцев, юношей, всех сражая мечом, никого не милуя, ничего не щадя... Лютость губила не одних людей, но и бессловесных животных - волов, коней, куриц и др., какие только попадались варварам. Лежал мертвый вол и подле него мужчина. У коня и у юноши было одно мертвенное ложе. Кровь женщин сливалась с кровью куриц".

А что делалось с мертвыми телами?

"...Речные струи превращались в кровь. Некоторых колодезей и водоемов нельзя было распознать, потому что они через верх наполнены были телами..." Из этих слов Фотия (см. также нашу большую работу, стр. 22-31) видно, что была какая-то вакханалия убийства и вообще уничтожения. Словом, был классический погром. Была страшная месть, страсть наделать как можно больше вреда, ибо наполнять колодцы до верха трупами могла только месть.

Отряд руссов не был особенно значительным. По самым максимальным сведениям, число ладей достигало 360, по минимальным - 200. Расхождение объясняется, вероятно, тем, что 360 - цифра всех ладей руссов, напавших не только на Царьград, но и на побережье и острова Мраморного моря, 200 - количество ладей, осаждавших лишь Царьград. Так как обычно в ладье помещалось 40 человек, то самое большое число воинов, включая и вспомогательную рабочую силу, которые осаждали Царьград, было тысяч 8. Естественно, что такой отряд ничего не мог сделать против мощных стен города: нужны были специальные машины, сооружения и т. д. Если руссы чуть-чуть не взяли город, то лишь потому, что там была невероятная паника. Византийские источники (не все, а лишь некоторые!) сообщают о совершенно невероятном факте - возвращении императора в столицу. Приходится удивляться, что находятся историки, которые могут поверить такой нелепице. На деле Михаил 3-й был далеко в Малой Азии. Конечно, он был немедленно извещен о случившемся (о чем хроники и пишут), но возвратиться он мог со значительной частью войска (и уже не менее 8000 человек). Босфор был занят руссами. Войти в город он мог, лишь разбив флот руссов. А греческий флот был в это время где-то около Крита, и только в этом случае он мог перебросить свои войска через пролив и отогнать руссов от стен города. Но об этом ни один исторический источник того времени не говорит ни слова. Наоборот, в своих речах Фотий подчеркивал трагизм положения: императора нет, некому руководить защитой, надежда была лишь на стены.

Чтобы поднять дух населения, Фотий устроил торжественное молебствие с ризой Богоматери, несомой на стенах города. Вскоре после этого руссы исчезли, сняв осаду. Их уход был объяснен заступничеством Богородицы. Однако ни о какой буре, разметавшей ладьи руссов, Фотий не упоминает вовсе. Так как он говорил о начавшихся болезнях, то внезапное исчезновение руссов может иметь и другое, более реальное объяснение. Руссы, досыта награвивши и удовлетворивши свою месть, удалились, ибо делать, в сущности, было нечего, начались болезни, а тем временем могли подойти войска императора или флот.

Результаты похода рассматривались и могут быть рассматриваемы по-разному. С формальной стороны, руссов постигла неудача: города они не взяли. Но в действительности они достигли всего, чего хотели. Отомстили во много раз больше и нагнали столько, что едва вмещалось в ладьи: богатейшие предместья города и дачи доставили огромную добычу. Венецианская хроника прямо говорит, что руссы вернулись "с триумфом".

Большинство историков совершенно не поняли, что поход 860 года был не войной, а карательным налетом, правильно рассчитанным по времени,

кратким, но сильным. После него греки стали считаться с Русью и договорами, с ней заключенными. Намек на это мы находим в речи Фотия: "Почему ты (подразумевается вообще грек. - С. Л.) острое копье друзей своих презирал, как малокрепкое, а на естественное средство плевал, и вспомогательные союзы расторгал, как озорник и бесчестный человек?"

Как долго продолжался поход, мы точно не знаем. Но можно сказать, наверное, что он был кратковременным. Во всяком случае, не больше нескольких недель. Некоторые историки принимают его длительность чуть ли не в целый год, доказывая просто отсутствие малейшего понимания действительности. Если руссы явились 18 июня, то уже через 5 месяцев Днепр должен был замерзнуть. Войска императора, насчитывавшие многие десятки тысяч воинов, а также флот греков вернулись бы - руссам грозило полное и немедленное уничтожение. Имеются и другие (подтверждаемые документами) доказательства, но мы на них не будем останавливаться за ненадобностью.

В Прологе сказано, что руссы оставили Царьград 7 июля. Так как они явились 18 июня, то за 18 дней они могли достаточно набрать и насытиться мезью. Поэтому можно принять с полной уверенностью, что набег продолжался около 3 недель. Мнение, например, Грушевского, что нападение не могло быть в сговоре с арабами, неубедительно. Мы совершенно точно знаем, что руссы в 626 году напали на Царьград, сговорись с арабами. Тем более это было вероятно для 860 года. Что об этом случае 860 года нет исторических данных, вовсе не доказывает, что самого факта не было. Мы отлично знаем, как мало писали в старину и как много из написанного утеряно. Необыкновенная своевременность нападения говорит также в пользу сговора: руссы знали, что в Царьграде войск нет, поэтому и решили посчитаться с греками.

Рассмотрим лучше вопрос: не была ли нападавшая Русь скандинавами-норманнами? Ведь до сих пор еще некоторые утверждают это. Вот что говорит о нападавших Фотий: "Народ, ничем не заявивший о себе {это о норманнах, о которых в Европе добавляли в молитвах: "Господи, избави нас от свирепости норманнов!" - С. Л.). Народ, считаеый наравне с арабами (это о норманнах? - С. Л.), неименитый, но приобретший славу со времени похода к нам (это о норманнах? - С. Л.), но достигший высоты блистательной и наживший богатство несметное (это про неудачу похода? - С. Л.), народ, где-то далеко от нас живущий, варварский, кочевой (это о норманнах? - С. Л.), гордый оружием, не имеющий стражи (внутренней), неукоризненный, без военного искусства (это о норманнах? - С. Л.), так грозно, так мгновенно, как морская волна, нахлынул на пределы наши и, как дикий вепрь, истребил живущих здесь, словно траву..." Эти слова Фотия доказывают, что напали все, кто угодно, но не норманны. Ибо

норманны вдобавок были за тысячи километров и неожиданно не могли напасть - проникнуть незамеченными из Эгейского моря в Мраморное невозможно. Все указывает на руссов. И это подтверждает документально сам Фотий несколько лет спустя.

Следует добавить, что Карамзин (1, примеч. 289) дает особую версию: "В Демидовском Хронографе, находящемся в университетской библиотеке, есть следующее место: "При царе Михаиле, в лето 6360, ходили Русь войною из Киева града, князь именем Бравлин, воевати на греки, на Царьград, и повоеваша Греческую землю, отХерсона и до Скуреева и до Суружа... о том писано в Чюдесех св. Стефана Суружского" (ни в Прологе, ни в Минее нет сего известия. - С. Л.). Из цитированного Карамзиным отрывка видно, что в хронографе произошла путаница: два разных похода, совершенные в разное время, слиты в хронографе в одно: именно поход Бравлина на Крым, конечно, задолго до 860 года, и морской поход на Царьград в 860 году. Второй пример слияния походов в один.

Мы намеренно остановились подробно на этом ярком моменте нашей истории, ибо о нем либо ничего не говорят, либо представляют поход совсем в другом свете, либо, наконец, совершенно устраняют руссов-славян от участия в нем и приписывают все скандинавам. Доходит до того, что присваивают нападение на Царьград скандинавам, якобы напавшим через Эгейское море! Ничего не поделаешь - бумага все терпит. Ужасающа примитивность мышления историков.

16. Св. Кирилл находит в Корсуне Псалтырь и Евангелие, написанные "роускыми письмены" (861 г.). Приводимые нами факты о существовании Руси до Олега подкрепляются еще тем, что имеются свидетельства не только влияния Руси и ее политической зрелости, но и о том, что Русь того времени поднялась до высокой ступени культуры: она уже имела свою письменность (до св. Кирилла!). Направляясь в хазарскую миссию, св. Кирилл приехал в Корсунь (Херсонес) в конце 860 года. Здесь он встретился с неким русином, имевшим Псалтырь и Евангелие, написанное "роускыми письмены". 3 "Житии" Кирилла мы находим: "...и дошед до Хорсуны... обрете же ту Евангелие и Псалтырь, роуськыми письмены писано, и человека обреть, глаголюща тою беседою, и беседовав с ним, и силу речи приемь, своей беседе прикладая различии письмень гласнаа и согласнаа и к Богу молитву творя, вскоре начать чести и сказать, и мнозися ему дивляху...".

Таким образом, Константин Философ (св. Кирилл) еще до поездки своей в Моравию в 863 году столкнулся с решением вопроса, который ему пришлось осуществлять через два года, именно о славянской письменности. Вопрос этот уже был решен до него неизвестным русином, имевшим даже две солидные церковные книги, написанные русскими

письменами. Мы не будем входить здесь в разбирательство, что это был за алфавит, употребленный русином. По этому поводу высказывались самые невероятные предположения. Доходили до того, что считали, будто здесь была пропущена буква "п": мол, надо читать "пруськими письмены"! Ужас перед мыслью, что руссы в древности могли быть грамотны, доводил людей до совершенного отупения.

В данном случае нечего что-то изобретать или выдумывать, а нужно принимать без вывертов то, что дает нам история. Это прямое понимание подтверждается старинной традицией (см. Истрин В. М. 1907. Редакции Толковой Палеи, стр. 61): "Се же буди ведомо всеми языки и всеми людьми, якоже русский язык ни откуду же приа святыа веры сиа и грамота рускаа никим же явлена, но токмо самим Богом Вседержителем Отцем, и Сыном, и Святым Духом. Володимеру же Святый Дух вдохнул веру прията и крещение от грек и проча наряд церковный, а грамота русская явилась Богом дана в Корсуне руску, от нея же научися Константин, отуду сложив, написав рускым гласом, и еврейстей грамоте тогда же извыче от самарянина в Корсуни. Тот же муж русин бысть благоверен помыслом и добродетелью, в чистый вере един уединився и той един от руска языка явился преже крестьянами и не ведом никимь же откуду есть бысть".

Стало быть, еще в древности существовало в русской церкви убеждение, что св. Кирилл был не изобретателем "кириллицы", а лишь ее усовершенствователем. Увидя в 860 году полную пригодность изобретенного каким-то русином славянского алфавита, он в 863 году применил его для перевода богослужебных книг, предназначавшихся моравам, включив в алфавит русина ряд чисто греческих звуков, без которых, как ему казалось, нельзя обойтись (фига, ижица, пси и т. д.). Дальнейшая практика показала, однако, их непригодность, и все они отмерли.

Совершенно очевидно, что русин в Херсонесе не был первым и единственным изобретателем славянского алфавита: и до него, и в других местах подобные попытки уже делались. Намеков в истории на это много. Важно то, что к 860 году культура руссов была столь высока, что существовали книги, писанные на собственном алфавите. В свете этих фактов дикими представляются мысли, что сама Русь появилась лишь в 860 году.

Нельзя не упомянуть, кстати, любопытного сообщения Карамзина (1, примеч. 532): "В одной рукописной новгородской летописи, наполненной многими баснями", сказано: "Ведати подобает, яко Славено-Российский народ в лето 790 от Р. Х. начат письмены имети; зане в том годе царь греческий брань с словяны имеа и мир с ними содела, посла им в знамение

приятства литеры, сиречь слова азбучные. Сия от греческого писания вновь составишася ради словян: и от того времени россы начата писания имети".

Как видим, указание точное, с хронологией, на басню не похожее. Да и зачем было Карамзину перепечатывать "басню"? По-видимому, он считал сведение заслуживающим внимания.

Судя по дате, упоминаемые события относятся к царствованию имп. Константина 6-го (780-797), когда Византия вела с болгарами войны уже с явно славянскими князьями во главе.

А. А. Васильев в своей "Истории Византийской империи" (1932, франц. изд., стр. 318) говорит, что в царствование Константина 6-го и его матери Ирины Византия вынуждена была после ряда поражений платить болгарам дань. В этих условиях нет ничего удивительного, что имп. Константин при заключении мира оказал любезность: дал возможность создаться славянской письменности.

Удивительно другое: как русские историки, имея подобные указания, пренебрежительно проходили мимо, не будучи в состоянии поверить, что предки их в древности могли быть и культурными людьми; очевидно, немецким сказкам они больше верили, чем славянским.

17. Извещение патриарха Фотия о крещении Руси (866-867). В 866-867 гг. (точная дата не установлена) патриарх Фотий разослал окружное послание всем восточным патриархам, в котором писал: "И не только этот народ (болгары. - С. Л.) применяли прежнее нечестие на веру во Христа, но даже и многими многократно прославленные (= пресловутые) и в жестокости, скверноубийстве всех за собой так называемые руссы, которые, поработив находящиеся около них и возомнив о себе высоко, подняли руки и против Ромейской державы.

А в настоящее время даже и они променяли эллинское (языческое) и нечестивое учение на чистую и неподдельную христианскую веру, с любовью поставив себя в чин подданных и друзей наших, вместо ограбления нас и великой дерзости против нас. И до такой степени разгорелись у них желание и ревность веры, что приняли епископа и пастыря и лобзают верования христиан с великим усердием и ревностью" (перевод А. В. Карташова, местами негладкий).

Это официальное послание говорит совершенно ясно, что руссы, незадолго до того поднявшие руку на Византию (860 г.), к моменту послания (866-867) уже приняли христианство.

Следует обратить внимание на следующие подробности:

1. Фотий говорит, что приняли христианство не только болгары, но и руссы. Так как крещение болгар состоялось в 865 году, а послание относится самое позднее к первой половине 867 года, то крещение болгар и руссов произошло почти одновременно. И даже из слов Фотия не ясно, кто из этих народов принял христианство первым.

Так как крещение государства не может быть актом одновременным, а растягивается на многие месяцы и даже годы просто в силу технических причин (недостаток священников и т. д.), то мы с полным правом можем принять, что Болгария и Русь приняли крещение почти одновременно. Но судьбы новопринятого христианства были разные. На Руси с появлением Олега, несомненно язычника, и последующих князей-язычников христианство было вскоре подавлено.

2. Фотий, называя в 866 году руссов "пресловутыми", тем самым совершенно устраняет мнение комментаторов, что в своих речах в 860 году он считал руссов "неизвестными". Знали Русь и до 869 года. Но ничем этот народ до того времени не отличился и не прославился. Поэтому Фотий и назвал его "безвестным", а не "неизвестным", т. е. незначительным по своему влиянию, недостойным внимания такого патриция, каким был Фотий. Нападение 860 года доказало, что руссы и сильны, и смелы. Нападение на Византию сделало их "пресловутыми".

3. Из послания Фотия, однако, не совсем ясно, о какой Руси идет речь. Можно думать и о Киевской, но могла быть и Прикарпатская или Придунайская Русь. Некоторым указанием служит то, что Фотий отмечает усиление Руси, подчинившей соседей. Однако этот процесс начался при Олеге. Впрочем, это общее указание не может иметь решающего значения, ибо усиление могло произойти и до Олега, а с Олегом оно увеличилось и было закреплено в истории. Возможность того, что организатором нападения в 860 году была Киевская Русь, очень велика. Ибо и в дальнейшем она нападала на Византию. Вместе с тем и морские походы до 860 года, наверное, не все были организованы лишь Киевской Русью. Какие славянские государства вдоль Дуная были в ту эпоху, мы не ведаем, но существование их (по летописям - "дунайчи") бесспорно.

Еще одно обстоятельство, заставляющее подозревать это. Существует легенда о крещении Руси, сохраненная и в западноевропейских источниках. Анализ этой легенды показывает, что дело идет скорее всего не о Киевской, а о какой-то средневропейской Руси. Согласно легенде, некий князь русский (местопребывание его и имя не указаны) решил поискать лучшей веры и с этой целью послал 4 послов. Те попали в Рим, ознакомились со всем ритуалом католической церкви и вернулись с

докладом к князю. Богослужение в Риме им понравилось. Вместе с тем было решено, что до окончательного выбора следует еще посетить Царьград. Послы направились туда. Весь церемониал их приема и богослужения описан с большими подробностями и весьма реалистически. Богослужение греков произвело на послов колоссальное впечатление: они "не знали, на небе ли они или на земле". Описание настолько конкретно, что не может быть ни малейшего сомнения, что в основу легенды взят настоящий отчет послов. Вернулись послы с докладом, что православная вера несравненно лучше католической, поэтому было решено принять ее. Однако, когда для крещения приехал епископ, руссы упали духом и потребовали показать реальную силу православной веры. Епископ положил евангелие в огонь, и оно не сгорело. Руссы крестились. Далее легенда рассказывает о посылке византийским императором Кирилла и Мефодия, об изобретении азбуки и т. д. Одним словом, описывается история крещения моравов, хотя и сказано, что руссов. Что речь идет не о Киевской Руси, видно из следующего, замеченного лишь нами, обстоятельства: послы попали прежде всего в Рим, а уж затем в Царьград.

Это показывает, что жили они ближе к Риму, чем к Царьграду. Если бы дело касалось Киевской Руси, то послы прежде всего попали бы в Царьград. Ибо в Рим при тогдашнем состоянии путей можно было попасть лишь через Царьград.

Упомянутая легенда, несомненно, принадлежит перу православного, а не католического автора. За это говорит и чрезмерное восхваление греческого богослужения. Однако легенда была воспринята и на Западе. Касается она общеизвестного крещения моравов и организации церкви там Кириллом и Мефодием. Упоминание руссов, приведшее многих в смущение, объясняется просто: деятельность Кирилла и Мефодия распространилась не только на моравов, но и на руссов, живших в районе среднего Дуная. Но эти руссы не были так хорошо известны и политически организованы, как киевские руссы, поэтому их многие приняли за последних.

Разъяснение этой легенды, впрочем, не является доказательством того, что киевские руссы того времени не были крещены: все славяне того времени уже приблизились к принятию христианства. Да и само крещение моравов происходило не совсем так, как рисует легенда. Дело шло не о переходе моравов и других соседних славянских племен, среди которых были и руссы, от язычества к христианству, а об упорядочении уже существовавшей там христианской церкви. Славян-христиан было уже много, но не было ни надлежащей церковной иерархии, ни строго установленного ритуала, ни определенной юрисдикции в отношении уже существующих христианских церквей, ни, наконец, признания церкви

государством. Момент "крещения- моравов и других был в сущности выбором между Царьградом и Римом.

4. Послание Фотия к восточным патриархам не имело своей главной целью извещение их о крещении Руси. Дело было в отчаянной полемике его с папой Николаем, упрекавшим его и византийцев за то, что невинные жертвы нападения руссов в 860 году так и остались не от-мщенными. Фотий на это с гордостью возражал: зато эти язычники теперь крещены и являются нашими подданными и друзьями. Прямо писать об этом пале он не мог ввиду разрыва сношений, но, рассылая патриархам окружное послание, он отлично знал, что содержание его немедленно станет известно и папе. А с другой стороны он оправдывается перед патриархами в отношении упреков папы.

5. Точная дата крещения Руси при патриархе Фотиинеизвестна. Хронограф Кедрина говорит только: "...прм-шло от руссов в царствующий град посольство, просившее сделать их участниками божественного крещения, что и было". Точной даты нет. Известно, что случилось это после 860 года и до 867-го. Вероятно, послы были крещены и посланы священники для крещения народа. Во всяком случае, к 867 году там был уже епископ.

6. Русская летопись ничего не говорит о первом крещении Руси. Но это не значит, что его не было. Дело в том, что сам летописец признается, что подробности похода 860 года он вынужден был взять из греческого источника. Собственных сведений у него не было. Само собою разумеется, что и сведение о первом крещении Руси (возможно, имевшее лишь прелиминарную форму), относившееся также к этому периоду, тоже отсутствовало.

Наконец, есть еще одно соображение: летописец мог намеренно умолчать о первых ростках христианства на Руси: ему было неудобно представлять первых родоначальников своей династии в роли угнетателей или даже истребителей христианства.

Как бы то ни было, как бы ни решался вопрос о первом крещении руссов, мы должны помнить одно: целый ряд источников говорит о том, что ко времени 860-867 гг. народ руссов-славян в южной и средней Европе уже существовал. В его крещении были заинтересованы греки и даже хвалились своими успехами на этом поприще. Следовательно, мысль, что в эту эпоху Русь только что появилась, - совершенно дикая и нелепая.

18. Появление Аскольда в Киеве (около 872 г.). Личность Аскольда, его появление в Киеве и дата этого события точно не установлены. Здесь, несомненно, в дальнейшем могут открыться совершенно неожиданные

подробности. И, возможно, всю картину истории Киева этой эпохи придется переделать. Кто такой был Аскольд, мы не знаем. Летопись говорит, что он не был из рода и племени Рюрика. Каковы были связи между Аскольдом и Диром (родственные? племенные? политические?), мы тоже не ведаем. Был ли он действительно славянином, последним из поколения Кия, также неизвестно. Нам ведомо лишь, что, согласно всем сведениям, включая и "Влесову книгу", Аскольд был пришельцем в Киеве. Когда точно он туда явился, не сообщается. Если он действительно прибыл из Новгорода, то время его прибытия устанавливается легко. Рюрик сам оказался там лишь в 870 году. Следовательно, Аскольд мог быть в числе свиты Рюрика. Но, не найдя там желаемых условий, отпросился у Рюрика, как свидетельствует летопись, и направился в Царьград поискать там себе счастья. Обстоятельства сложились так, что он остановился и осел в Киеве.

Если мы примем этот обычный вариант, то надо помнить, что у него в это время был уже взрослый сын (см. ниже).

19. Смерть сына Аскольда, смерть Вадима Храброго (872 г.). В Никоновской летописи мы находим под 6372 годом: "Убиен бысть от болгар Осколдов сын. Того-же лета уби Рюрик Вадима Храброго, и иных многих из-би новгородцев, советников его". Аутентичность этой записи не подлежит ни малейшему сомнению. Никоновская летопись, хоть и сравнительно поздняя, замечательна своей полнотой и отражает гораздо лучше протограф, чем иные списки. В других списках опущены мелкие подробности, не интересные уже для летописца-киевлянина. В Никоновской же летописи, писанной для патриарха, такие подробности удержаны. Они чрезмерно ценны, ибо часто заставляют совершенно пересматривать даже крупные вопросы.

Сообщение о смерти сына Аскольда очень важно: несомненно, сын Аскольда был убит в войне с болгарами (вероятно, волжскими; менее вероятно - дунайскими). Это значит, что сыну Аскольда было в 872 году не менее 40 лет. Сама война указывает на большой размах военной деятельности Аскольда. В той же летописи мы находим под следующим, 6373 годом: "Того же лета воеваша Аскольд и Дир полочан и много зла сотвориша". В этой формулировке чувствуется не совсем приятное отношение летописца к Аскольду, симпатии летописца, очевидно, на стороне полочан. Возможно, что Аскольд был чужим.

Через год (875) мы находим известие о возвращении Аскольда из неудачного похода на греков. И добавлено:

"Того-же лета избиша множество печенег Аскольд и Дир". Из этого видно, что размах военных операций Аскольда был весьма велик: от Полоцка до

Царьграда и на восток до Волги. Картина рисуется вовсе иной, чем это дает "Повесть временных лет": Аскольд и Дир - это недва скромных боярина, отпросившихся в Царьград и по дороге увидевших Киев - "городок мал", а правители сильного государства, осмелившегося поднять руку на Византию. Летописец напрасно изобразил Киевское государство чем-то маленьким, провинциальным. Размах военных операций говорит решительно против этого.

В 872 году в Новгороде произошли крупные события: Рюрик убил новгородского вожака, может быть, даже князя, Вадима Храброго и других, его поддерживавших. В способе княжения Рюриковичей вольнолюбивые новгородцы усмотрели для себя рабство.

Следует добавить, что в Воскресенской и других летописях сказано, что Аскольд и Дир за несколько времени до похода на Царьград воевали с древлянами и угличами. Это еще более расширяет размах Аскольдовых походов и заставляет вспомнить слова Фотия, что Русь усилилась за счет соседей. Будущее внесет, несомненно, большую ясность в этот вопрос. Ибо не все в рассказе летописи позволяет верить, что Аскольд был "боярином" Рюрика. Возможно, что это был независимый "варяг", севший в Киеве гораздо раньше.

20. Неудачный поход Аскольда на Царьград (874 г.). Об этом походе мы почти ничего не знаем. Греческие источники о нем не говорят, так как он, в сущности, Византии не коснулся: буря разметала ладьи руссов еще по дороге. В Никоновской же летописи мы находим: "В лето 6375. Возвратишася Асколд и Дир от Царьграда в мале дружине, и бысть в Киеве плач велий. Того-же лета бысть в Киеве глад велий. Того-же лета избиша множество печенег Осколд и Дир. Того-то лета избежали от Рюрика из Новагорода в Киев много новгородцких мужей". Татищев, пользовавшийся не дошедшими до нас летописями, после слов "множество печенег" добавляет: "ходиже и на кривичи и тех победи". В отношении же бегства новгородцев в Киев он пишет: "Славяне бежали от Рюрика из Новгорода в Киев, зане убил Вадима Храброго, князя славенского, иже не хотеша яко рабы быти варягом". В этих кратких строках летописи мы находим много важных подробностей (перечислим их).

1. В 875 г. Аскольд и Дир уже воевали с печенегами, с которыми впоследствии Владимир Великий вел отчаянную борьбу. Таким образом, мнение некоторых авторов, что печенеги явились на Русь позднее, этим совершенно опровергается. Печенеги встречаются уже на первых страницах истории Руси.

2. Новгородцы бежали от Рюрика в Киев. Следовательно, Киев был совершенно независим от Новгорода, если политические беглецы могли находить там убежище. Заслуживает внимания также и сам факт: оказывается, еще на первых страницах истории руссов мы сталкиваемся с "политическим убежищем". Это - свидетельство существования государства, политической борьбы внутри него и... политической эмиграции.

3. Рюрик пришел к власти не так легко и просто, как большинство до сих пор думает: во-первых, он не сразу осел в Новгороде, а сначала три года был в Ладоге и лишь на 4-й год перешел туда; во-вторых, этот переход был связан с борьбой. В самом Новгороде был в это время, по-видимому, свой князь - Вадим, который оказывал такое сопротивление, что Рюрик должен был его самого и его помощников убить. "Рюриковичи" воцарялись в некоторых частях "Славонии" даже силой.

4. Новгородцы, привыкшие издревле к большой демократии, усмотрели в системе правления Рюрика, перенесшего сюда более деспотические формы Запада, для себя рабство, и многие предпочли убежать в Киев.

21. Крещение Аскольда (около 876 г.). Время и обстоятельства крещения Аскольда точно не известны. По-видимому, это случилось уже после его неудачного похода на Царьград. Однако сам факт крещения весьма вероятен. Русская духовная традиция считает его "блаженным". Слово это обычно употреблялось в отношении мучеников, пострадавших за христианскую веру. Иоакимовская летопись прямо указывает, что он погиб потому, что народ не любил его за его христианство. Не без значения и то, что в отношении Дира нет указаний на его христианство (или оно не так подчеркивается). Очевидно, между Аскольдом и Диром была в этом отношении разница. "Влесова книга" совершенно определенно отмечает христианство Аскольда.

В Никоновской летописи под 884 годом (скорее всего византийского летосчисления) мы находим следующее сообщение: "О князи рустем Осколде. Роди-же, нарицае-мии Руси, иже и кумани, живяху в Евксинопонте, и на- чаша пленовати страну римлянскую, и хотяху пойти и в Константиноград, но взбрани им вышний промысел, паче же и приключимся им гнев Божий, я тогда возврати-шася тшии князи их Аскольд и Дир. Василие-же (имп. Василий Македонец, 867-886. - С. Л.) много воинство-ва на агаряны (арабы) и манихеи (болгары). Сотвори-же и мирное устроение с прежереченными русы, и преложи сих на христианство, и обещахшеся крестится, и просипи архиерея, и посла к ним царь".

Далее следует описание чуда с несгоревшим Евангелием и заканчивается все следующими словами: "Сие же видевше Руси удивишася, чюдящеся силе Христове, и вси крестисася". Судя по всему, эта выписка сделана из какого-то иностранного источника. Ибо русский составитель не стал бы говорить о себе: "племенаже, называемые Русью" и т. д. Несомненно, что в этой легенде использована другая, о которой мы уже говорили, именно о крещении моравов, но все отнесено не к имп. Михаилу, а к Василию.

Константин Багрянородный в биографии своего деда Василия Македонца пишет, что крещение Руси состоялось при его деде и патриархе Игнатии. Таким образом, мы имеем два исторических свидетельства о первом крещении Руси: одно - патриарха Фотия, что Русь крестилась при имп. Михаиле 3-м и в его патриаршество; другое - Константина Порфирородного, что крещение состоялось при имп. Василии Македонце и патриархе Игнатии. Можно думать, что оба источника правы, но речь идет о двух разных группах руссов: придунайские руссы крестились около 866 года, киевские же - приблизительно в 876-м.

Патриарх Игнатий был на патриаршестве дважды: с 846 г. по 857-й, когда его сменил Фотий (857-867), и с 867 г. Очевидно, крещение Аскольда совершилось после неудачного похода 874 г. При заключении мира Василию Македонцу удалось убедить Аскольда принять христианство. Крещение не могло быть после -последнего года патриаршества Игнатия (878 г.). Следовательно, могло быть лишь в промежутке 875-878 гг. Мы примем 876 г. Во-первых, как нечто среднее между указанными сроками. А во-вторых, в легенде о крещении Руси при Василии Македонце указан 884 г., т. е. год, когда Игнатия на патриаршестве уже, наверное, не было. Однако, принимая возможность ошибки из-за разницы в болгарском и византийском летоисчислениях и вычтя 8 лет, мы получаем как раз 876 г., удовлетворяющий всем историческим обстоятельствам.

Надо думать, что принятие христианства Аскольдом было скорее всего его личным делом, народом не поддержанным. Это значительный шаг к ускорению христианства на Руси. Но решающего значения, равно как и крещение св. Ольги позже, все же не имел. Это были лишь предварительные шаги к принятию христианства. Этим, по-видимому, и объясняется молчание русской летописи. Она не принимала всерьез переход в христианство некоторых князей и их вельмож. Этот шаг носил частный, личный характер и толщи народа совершенно не затрагивал. Однако отголоски того, что народ относился к этому недоброжелательно, все же до нас дошли.

Мы полагаем, что приведенное нами выше объяснение двух первичных крещений Руси внесет большую ясность в положение вопроса и что могут явиться дополнительные факты и соображения, которые позволят

окончательно решить задачу. Напомним, что мы разбирали этот вопрос не специально, а лишь попутно. И как бы он ни был решен, остается одно несомненным: Русь была задолго до 860 г.

Мы привели далеко не все факты, имеющиеся в нашем распоряжении касательно доолеговской Руси. Некоторые из них еще недостаточно изучены, иные нуждаются в лучшей документировке или более точной хронологии, отдельные нам не удалось еще раздобыть в оригинале из-за огромной редкости, наконец, многое осталось нам попросту неизвестным, ибо подбором таких фактов мы занялись сравнительно недавно.

Из приведенного, однако, ясно, что доолеговская история Руси не миф, что ее давно уже следовало бы написать, лишь проклятие неба - норманская теория удерживала от ее написания.

Мы оказываемся далеко не "Иванами, не помнящими родства", а народом, корни которого уходят, по крайней мере, к началу нашей эры, и есть надежда, что и эта грань будет перейдена, надо только искать. Если аутентичность "Влесовой книги" будет доказана, то корни истории Руси углубятся приблизительно до 650 г. до н. э. Но для этого надо еще много и многим поработать.

В заключение считаем полезным приложить краткую схему, позволяющую более наглядно представить себе хронологию доолеговской Руси.

Схема истории доолеговской Руси (приблизительно с V века)

--- Table start----- Русь (Киевская Русь)

Кий (Щек и Хорев) - по-видимому, V век.

Лебедян, по данным "Влесовой книги", этот и два следующих князя княжили один за другим по сле Кия 50 лет в сумме.

Верем

Сережень

Аскольд и Дир (? - 890), им оборвалась династия Кия, если верить "Истории Киева", бывшей в руках Шграленберга.

Рюрик.

Олег, норвежец, брат жены Рюрика Ефанды, правил за малолетством Игоря (Олег захватил Киевскую Русь и объединил ее со Словенией. Перенес столицу в Киев и стал "русским" князем. С этого времени Словения стала также называться Русью, ибо вошла в состав Руси. С Олега, т. е. с 890 г., начинается объединенная история Руси).

|

Словения (Новгородская Русь)

Владимир Древнейший (V- VI вв.); по данным Иоакимовской летописи, тут было 8 поколений князей.

Буривой, прадед Рюрика, VIII в.

Гостомысл, дед Рюрика, нач. IX в.

Умила, дочь Гостомысла, мать Рюрика, замужем за Годлавом, князем полабских славян.

Рюрик (он же Ререк) с братьями Синеусом и Трувором, сыновьями Годлава и Умилы, чистокровные славяне, в Новгородской Руси - с 870 г.

Игорь, сын Рюрика от норвежской княжны Ефанды) (912- 945). | --- Table end-----

III раздел

Проблема славянства

Глава 8

Славянство и история

Мы рассмотрели проблему варягов и выяснили, что Древняя Русь - это результат творчества славянского духа. Ничем германцам Русь не обязана. Выяснили мы также, что история Руси гораздо древнее 860 г. и что руги, еще упомянутые Тацитом в конце I века н. э., назывались также русинами; иначе говоря, были "руссами". Таким образом, история Руси отодвигается на запад в своих истоках; по крайней мере - до начала н. э. в глубь времен. Становится очевидным, что знать и понимать Русь можно только на фоне истории всего славянства.- Русь - лишь одна из ветвей славянства, история которой показывает постепенное движение на восток.

Известная нам история Руси фиксирует какой-то момент этого движения. Но это не значит, что само движение началось в этот фиксированный момент, т. е. в IX в.

Наоборот, имеются исторические и археологические данные, что Русь пришла на среднее течение Днепра еще гораздо раньше (по-видимому, в первые столетия н. э.) и притом с запада. Она является отрогом славянства на востоке Европы. Значит, вопрос об истоках Руси упирается в вопрос об истоках славянства. О них мы знаем достоверно очень мало. Высказано было много теорий, но ни одна не получила всеобщего признания, поэтому остается один правильный путь: самостоятельно подойти, если не к решению, то, по меньшей мере, к разъяснению вопроса, узнать степень нашего незнания и понять, на что надо устремить свои силы.

Самой древней, так сказать, классической, является "азиатская" теория, предполагающая, что славяне когда-то жили в Азии. В этом отношении мнения двух разных школ совпадают, именно - религиозной и научной. Религиозная традиция, а равно и исторические источники, на нее опирающиеся, выводят чуть ли не все народы из пустыни Сенарской, т. е. из Месопотамии. Ошибочность ее очевидна. Невозможно принять происхождение целых групп народов из какой-то малой области, чуть ли не точки, когда мы знаем, что Европа была населена еще во времена палеолита и неолита. Именно эти люди и явились субстратом, на котором развились современные народы Европы. В глубокой древности Европа заселялась с разных сторон: с запада, юга и востока, только на севере царили ледники. Представление, что Сенарская пустыня была фабрикой народов, направлявшихся в Европу, на-столько наивна, что о ней не будем распространяться. Отметим лишь, что частично она права.

Не меньшую ошибку допускает и научная теория, признающая азиатское происхождение славян. В основе этой ошибки лежит просто аналогия. Мы ведаем, что в течение многих столетий, даже нескольких тысячелетий середина Азии выбрасывала на запад бесконечные полчища кочевников.

Допустим даже, что славяне покинули Азию как кочевники. Но в Азии не осталось ни малейших следов славянства. А мы знаем, что поголовных миграций никогда не бывало. Всегда кто-то оседал на месте, хотя бы просто потому, что не в состоянии был передвигаться. Если предки славян вышли из Азии, то расщепления арийских народов на германские, романские, славянские и т. д. еще не было. А поэтому гадать на кофейной гуще мы не будем. Надо прямо сознаться, что говорить о конкретных терминах в отношении происхождения арийцев мы еще не можем. Мы сосредоточим наше внимание лишь на первом тысячелетии н. э. и на тысячелетии до н. э. В этом отрезке времени мы еще можем надеяться

найти истоки Руси и славянства. Заглядывать же дальше вглубь при нынешнем состоянии наших знаний неразумно.

В качестве постулата мы можем принять, что область развития славян - это Европа. Возникает вопрос: где же более точно? Одни проводят демаркационную линию "к северу от Карпат", другие - к югу от них, совершенно забывая про третью возможность - на самих этих горах. Находятся ученые, ищущие родину славян в... болотах Полесья - мысль настолько дикая, что трудно понять, как могла наука нашего века породить такого монстра, позорящего историческую науку. Многие пытаются усмотреть родину славян в северном Причерноморье, совершенно забывая, что эта обширная зона, зона степей, была пригодна в те времена лишь для кочевников, что еще не так давно она носила название Дикого поля. Славяне же издревле - земледельцы.

Сумма фактов, которыми мы располагаем и которыми займемся позже, заставляет нас принять, что прародина славян лежала в области, охватывающей истоки Дуная, Эльбы, Одера, Вислы и Днестра. На севере они достигли южного побережья Балтики и были остановлены в своем распространении морем.

Скандинавия через Ютландию и многочисленные острова была заселена германцами, образовавшими уже этническое препятствие для перехода славян в Скандинавию. На западе славяне доходили до Везера. Далее к югу их ограничивало Подунавье. На восток они не доходили еще до Днепра. Южная граница их не выяснена. Во всяком случае, они жили и на южном берегу Дуная. Такое положение создавалось уже к началу н. э., поэтому мы имеем все основания к этому времени считать славян "автохтонами" Европы. Никакого нашествия славян на Европу не было - они развились на месте. Это самый большой народ в центре Европы с начала н. э. И как раз его мы можем рассматривать как европейцев "*sui generis*".

За две последующие тысячи лет произошли, конечно, огромные изменения в этнике Европы. С юга наступали Рим и Византия. С запада от Рейна и с севера от Ютландии - германцы. С востока, из степей, - бесчисленные полчища азиатских кочевников, вносящих огромные изменения в народонаселении Европы. Лишь на северо-востоке славяне не испытывали никакого утеснения и продвигались неуклонно и быстро на северо-восток. Действовало два потока людей: на юге Азия наступала на Европу, на севере - Европа на Азию. Если в отношении степей на юге в Европе мы должны признать сравнительно частую смену народонаселения, как результат миграции народов в разных направлениях, то за лесистой частью Европы, т. е. средней и северной, мы не можем не признать относительную стабильность в этом смысле. Здесь

шел процесс диффузии - постепенного и безболезненного проникновения народов в чужие области, главным образом - на восток. Этот "дранг нах остен" стал характерной чертой как германцев, так и славян. Германцы выигрывали пространство у славян, последние - у утро-финнов.

Историческая наука совершила в этом плане огромную ошибку: она приписала германцам доминирующую роль в Средней Европе еще в первые века н. э. На деле же доминировали славяне. Позднейшие этапы германского движения на восток за счет славян были перенесены без всяких оснований на более ранние эпохи. Отсюда происходит куча несуразностей, о которых речь - в дальнейшем. Ошибка началась с неправильного толкования труда Тацита "Германия". Мы не имеем возможности сейчас углубляться в детали этого труда (это мы сделаем в другом месте), скажем лишь, что Тацит, как видно из его же слов, вкладывал совсем иное содержание в понятие "Германия", чем это делали и делают историки.

"Германия" у Тацита - не столько географическое или этническое понятие, сколько социологическое. К германцам он относит разные племена, обобщая их не по языку, а по образу жизни. Это видно из того, что он говорит в конце своего труда: "Я не знаю, куда отнести племена певкинов, венедов и феннов: к Германии или Сарматии (затруднение это у Тацита выражено совершенно определенно. - С. Л.). Певкины, которых иногда также называют бастарнами, по языку, общественным привычкам, образу жизни и устройству жилья похожи на германцев (но это не значит, что они - германцы, см. ниже. - С. Л.)". "Это грязный и неопрятный народ. Черты его имеют кое-что от сарматского уродства из-за смешанных браков". "Венеды широко заимствовали из сарматского образа жизни: их грабительские набеги распространяются на все лесистые и гористые области между певкинами и феннами. Тем не менее их следует считать за германцев, так как они имеют постоянные жилища, носят щиты и любят передвигаться быстро и пешком. Во всех этих отношениях они отличаются от сарматов, которые живут в кибитках (передвижных домах) или ездят верхом. Фенны удивительно дики и ужасно бедны".

Из этого видно, что критерием "германства" для Тацита был в основном способ жизни: оседлость, постройка постоянных домов, род оружия и т. д., но не язык. Кроме того, он сам говорит, что германцев называют так по одному племени. Но племен множество. И он их перечисляет. Наконец, это не их собственное имя, а имя, присвоенное им другими. Здесь мы встречаемся с очень частым явлением, когда по мере роста знания имя некоей области делается все шире и шире. Так, например, перед покорением Сибири этим именем была наречена лишь область между Уралом и Обью. Затем граница была отодвинута до Енисея. Потом, по мере распространения русских, все земли к востоку до Тихого океана

стали именоваться Сибирью. Общего географического понятия тогда на месте не существовало. Оно было расширено постепенно русскими из одного небольшого частного до огромного общего, а впоследствии воспринято и другими культурными народами. То же было и с понятием "Германия". Какое-то племя и область, занимаемая им к востоку от Рейна, были названы "Германией". По мере движения на восток от Рейна и знакомства с этой областью и другие земли далее к востоку тоже стали "Германией", а племена, их населяющие, - "германцами". Из слов Тацита видно, что "германцами" назывался не один какой-то народ, давший основание для первоначального именованья, а совокупность разных племен, объединенных тем, что они вели одинаковый образ жизни и все находились к востоку от Рейна.

Точный смысл слов Тацита был скоро забыт, и вместо этого стали употреблять расширенное, но неверное понятие "германец". Спутали два процесса. Первый был обусловлен тем, что по мере ознакомления культурного древнего мира с землями и обитателями к востоку от Рейна земли эти все чаще и шире назывались "Германией". Другой процесс был вызван постепенным распространением настоящих германцев, т. е. тевтонов, тоже на восток. Эти процессы были не одновременны, не синхронны, а их слили все же вместе. Германец в древности означал вовсе не современного тевтона, а жителя области, называемой "Германия". Историческая наука, перенеся современные представления в глубину веков, совершенно исказила картину распространения народов в Центральной Европе в древности. Точнее, для первого тысячелетия н. э. германским, т. е. тевтонским, племенам было приписано распространение от Рейна до Дона. Славяне же настолько ограничены в своем распространении, что им оставили место лишь в болотах Полесья, где вообще люди в те времена не жили. Для самого многочисленного народа Европы не нашлось в ней места!

Трудно понять такую логику. Если германские племена еще в IV в. н. э. были распространены от Эльбы до Дона, то куда они делись к VIII веку, когда история застаёт их еще на Рейне начинающими свой многовековой "Drang nach Osten"? Ведь речь идет об огромных массах людей. Исчезнуть, притом бесследно, они не могли. Должны были остаться археологические, исторические, филологические и т. д. следы. Этих следов нет. Все, что приписывается германцам в Восточной и Южной Европе, основано либо на недоразумении/либо на шовинистической фальсификации. Не только славян, но и иные этнические массивы, как, например, гетов, слили с германцами. Геты, народ, вне всякого сомнения, не германского корня, народ, еще во времена Фукидида, т. е. за 400-500 лет до н. э., живший на Балканах и считавшийся Фукидидом "бесчисленным", был включен ретивыми германофилами в состав германских племен. Гетов из-за сходства названий спутали с готами и из истории двух

совершенно разных народов создали невообразимую кашу. Далее. Без всяких оснований гутонов, сидевших на Висле, тоже стали считать "готами". От острова Готланда до юга Балканского полуострова и Крыма произвели искусственное тело, которое вдруг сжалось до невероятно малых размеров, переселилось в Италию, овладело Римом, передвинулось в Испанию и северную Африку и там бесследно исчезло.

Так вот история германских племен оказалась раздутой до невероятных размеров. История же славян преуменьшена до пределов микроскопических. С другой стороны, и народ, бывший в Западной и Центральной Европе своего рода субстратом, а именно кельты, также "растворился" в последующих народах. Однако мы знаем, что под именем "кельтой" греки понимали не совсем то, что мы сейчас. Строители менгиров и дольменов в Западной Европе далеко не ограничивались в своем распространении лишь западной частью Европы - имеются они в северо-западном углу Кавказа; наконец, греческие авторы определенно указывают на их присутствие в Малой Азии.

Таким образом, такие этнические массивы, как геты и кельты, если и не остались вне поля истории, то имеют ее в хаотическом состоянии, а славяне вообще как будто лишены ее, а сваливаются как бы с неба в V и VI веках. К концу VIII в., во времена Карла Великого, они уже огромной массой занимали всю середину Европы. Допустим, какие-то народы действительно ушли и славяне заняли свободные места, но не могли же они размножиться наподобие саранчи мгновенно. Чтобы могло создаться население, достаточное для захвата всего центра Европы, необходимы долгие века.

Итак, история не государств, не отдельных племен, а огромных этнических массивов в Европе искажена совершенно. Поэтому разматывание сложного клубка племенных взаимоотношений надо начинать, пересмотрев все от альфы до омеги, отбросив все мнения т. н. авторитетов, обратившись к первоисточникам. Пересмотреть надо все прежде всего под углом зрения изменений основных этнических масс. Уже в первые столетия нашей эпохи кельты, германцы, славяне, геты и другие народы становятся жертвами агрессии Рима и Византии. Эти империи постепенно захватывают области вышеупомянутых народов, превращая их в римлян и греков, и оттесняют все дальше на север и восток основное ядро этих племен. Особенно пострадали от агрессии Рима кельты. Романизация их в нынешней Англии, Бельгии, Франции и Испании сделала огромные шаги, и столетия спустя собственная культура кельтов была уничтожена совершенно. Византия и Рим поглотили в конце концов гетов и родственные им племена. Уцелели лишь германцы и славяне и объединенными усилиями опрокинули и Рим, и Византию. Историю этих

огромных этнических масс мы знаем лишь в кривом зеркале измышлений вышеуказанных историков.

Другой крупной ошибкой историков было чрезмерное увлечение теорией миграций народов. Европейские народы, согласно представлениям историков, передвигались, как фигуры на шахматной доске. Миграции, конечно, были, но размах их и состав племен были иными. В понятии миграции смешивали совершенно разные явления. Во-первых, миграции огромных масс кочевников, азиатских пришельцев с востока. Во-вторых, миграции крупных военных масс разных племен с целью грабежа, в то время как значительная часть населения, их породившего, оставалась на месте. В-третьих, переселение племен в полном составе, с освобождением полностью занимаемой ими земли. Такие переселения обуславливались главным образом катастрофами или катастрофическим состоянием физических условий. В-четвертых, немалую роль играли насильственные переселения в результате войн. Мы знаем много примеров, когда Рим и Византия переселяли далеко внутрь своих границ крупные массы побежденных: 30, 40, 50, 100 и даже 200 тыс. Наконец, значительную роль играла постепенная иммиграция, диффузия, когда народ проникал на земли пустующие или другого народа абсолютно мирным образом, веками, исподволь.

При оценке и выяснении миграций следует не забывать, что народы часто изменяли свои имена (принимая имена победителей) и что терминология менялась и в зависимости от эпохи или от того, кто писал хронику (римлянин, грек, армянин, сириец и т. д.).

Рассмотрим указанные выше роды миграций подробнее. Очень существенное значение в истории имели непрерывные инвазии азиатских кочевников в Европу - по крайней мере с начала н. э. и до XIII в. включительно. Нашествия гуннов, аваров, татар и т. д. совершенно изменяли соотношение сил в Европе. Но не следует забывать следующее. 1. Эти инвазии отражались главным образом на открытых пространствах Европы. Лесистые и горные местности оставались часто недоступными для кочевников. И если эти местности и подпадали под иго кочевников, то зависимость их бывала большей частью экономической (выплата дани, поставка молодежи в войска и т. д.) и не вызывала изменения состава населения. 2. Инвазии эти сменяли одна другую, характер и сила влияния разных пришельцев менялись и их влияния нейтрализовывались. 3. Все пришельцы рано или поздно либо откатывались назад в силу политических катастроф (например, гунны), либо растворялись в местном населении (например, авары) и т. д. Единственный пример уцелевших пришельцев - венгры, плотно осевшие по Дунаю и перешедшие от кочевничества к оседлому образу жизни.

Для племен, населявших открытые пространства, нашествие азиатов означало крупные изменения: они не только платили дань и подвергались всяческому поборам, унижениям, но и принимали участие в военной деятельности победителей. Значительная часть мужчин славянских племен, участвуя в войнах и неся на своих плечах всю тяжесть войны, называлась часто "гуннами", "аварами" и т. д. - по народу, который распоряжался и посылал на войну. Время, однако, спасло их от ассимиляции, ибо, как правило, уже через 2-3 десятка лет после инвазии наступало некоторое неустойчивое равновесие, сводящееся к соперничеству разных вождей народа- инвазо-ра. Соперничество вызывало ослабление и давало возможность то тем, то другим из покоренных сбрасывать иго победителей до новой инвазии. Эти инвазии захватывали преимущественно области нижнего и среднего, отчасти верхнего Дуная. Остальная Европа страдала от инвазии лишь косвенно.

Инвазии обычно вызывали временные сдвиги племен в соседние горные или лесистые области, где они могли укрыться от нашествия.

Другой важной формой были самостоятельные передвижения крупных народных масс, носившие внутренний характер. Это были грабительские походы, длившиеся годами и заканчивавшиеся тем, что нападавшие оседали наконец где-нибудь и тут ассимилировались с местным населением. Очень часто это были группы лишь молодых мужчин, жаждавших добычи и легкой жизни за счет других. В таких рейдах женщины данного племени и дети участия не принимали. Дело кончалось тем, что воины наконец уставали от вечного бродяжничества, оседали, заводили семьи и сливались с местным населением. Иногда же подобные рейды совершались с участием женщин и детей. Но и в этом случае на родине оставалась значительная масса данного племени. Так, например, после того как геты (называемые в истории неверно готами) сошли с арены после долгого бродяжничества, в районе Добруджи еще в I в. продолжали жить геты, совершали богослужения на родном языке и т. д. То же было и с вандалами. Они упоминаются в Центральной Европе несколько веков спустя после того, как растворились в Северной Африке и в Испании, и лишь позже были окончательно германизированы.

Так как в военных бродяжничествах принимало участие не одно племя (обычно постепенно туда вовлекался целый ряд племен по пути), то говорить о дальнейших этапах бродяжничества историку трудно. Ибо и сама группа распадалась на части со своими собственными историями, и участники в каждой из групп носили разный этнический характер, хоть и имели общее имя крупнейшей из них. Вся эта запутанность создавала предпосылки для неверной интерпретации (часто тенденциозной), а вскрыть истину трудно из-за чрезвычайной скудости и отрывочности сведений.

Третьей категорией передвижений народов являются миграции, собственно, имеющие своей основой разные причины. Часто это геологические и климатические катастрофы. Есть, например, данные полагать, что сильное опускание берега моря в районе Голландии, Фрисландии и т. д. вынудило северные племена уже в исторические времена двинуться на юг и на восток. Обычно же это был толчок со стороны соседей: легче было уйти, чем вступать в битву.

Историки, однако, часто не учитывали одного важного обстоятельства: народы Средней Европы не были кочевниками, а были связаны в значительной степени с земледелием, последнее же требовало оседлости. Зброшенное поле наемленно зарастало лесом, а расчищать лес было задачей нележкой. Поэтому легче меняли местожительство лишь те племена, которые делали упор на скотоводство, хотя и жили в лесистых местностях. Но как раз славяне принадлежали к самым упорным земледельцам.

Так как в древности большая часть Средней Европы была занята лесом (см., например, свидетельство Цезаря), то вряд ли племена, сидевшие в лесу, были склонны к миграциям, а также могли подвергаться нападению новых иммигрантов: лес, реки, потоки и болота создавали такую защиту, что лишь зимой, когда все замерзало, некоторые места становились доступными для нападения, но как раз это время года не располагало к миграциям. Поэтому мы можем положительно утверждать, что население лесистых местностей было сравнительно постоянно, ибо если какие-то передвижения народов были, то главным образом по долинам рек. (О других родах перемещений народов мы скажем ниже.)

Из сказанного выше следует, что народы германского корня, жившие преимущественно на севере или в лесистых местах Средней Европы, уже по своему местоположению не были способны к массовым и многочисленным передвижениям. С VIII в. и до 1945 г. мы можем проследить все постепенные этапы "дранг нах остен" от Рейна и до начала Финского залива. В 1945 г. все это долгое построение порушилось, и германцы оказались отброшенными на Одру (Одер). Славяне и утросы сбросили с себя вековое иго германцев.

Что же касается более южного сектора, то до конца VIII в. присутствие германских племен на среднем и нижнем Дунае (не говоря уже о более восточных областях) является сплошным недоразумением. Отдельные шайки воинов-германцев могли проникать на восток на незначительные сроки. Кое-кто из германских вождей мог временно подчинять лежащие к востоку от Эльбы племена. Но это были временные и поверхностные успехи. Германизации населения не происходило. Наконец, все это время

германцы не столько наступали, сколько защищались от римлян, гуннов, аваров и т. д. Успехи германцев в стремлении на восток наступили столетия позже.

Если бы германцы представляли собой единую этническую массу от Рейна до Дона, то никакие гунны не смогли бы их одолеть. Успехи гуннов и объясняются тем, что на указанном огромном пространстве были расположены самые разнообразные племена - славяне, кельты, геты и т. д. Их этническая разница была причиной их разьединенное в отпоре гуннам. Еще раз напомним, что геты (готы) не были германцами. Нужно помнить, что если даже в древнем источнике мы находим указание, что такой-то народ был германским, то это не значит, что он говорил по-немецки. Это значило очень часто, что народ этот живет в "Германии", и только. В современной России и по сей день живет до 200 народов, говорящих на разных языках, и их всех, в особенности в Западной Европе, считают "русскими". Ошибочность подобной терминологии очевидна, но то, как могли историки попасться на таком детском препятствии, можно объяснить лишь тем, что они хотели этого.

Чтобы восстановить истину, нужно работать и работать - изучить тот народный субстрат (славянство, германство, романство, кельтство и т. д.), который творил историю Европы. К этому мы обратимся в следующих главах. Здесь же отметим бегло, чтобы не возвращаться к этому же предмету, что есть много данных, убеждающих, что этот субстрат не является в Европе первичным. По-видимому, перед этим был еще какой-то народ, который был основным, так сказать, прасубстра-том. О его существовании говорят названия рек в северной половине Европы: все они носят сходный фонетический характер, все они имеют ударение на первом слоге и все они принадлежат к одному из языков, упомянутых выше.

Названия рек южной половины Европы, вероятно, изменили свой первичный облик из-за толчеи народов в этой части континента. Однако отдельные названия все же дошли до нас через тысячелетия. Например, мы имеем реку Истру под Москвой. Небольшая речка Истра существует в Крыму возле Судака. Наконец, в классические времена Дунай также назывался Истром. Вряд ли это случайное совпадение. Подобных примеров много. Замечательно, что все первичные названия оканчиваются на "а". Очевидно, Истер был Истрой. Недавно нам удалось установить, что название реки Юг на севере России еще во времена Петра I было "Юга". Вне всякого сомнения, названия рек первоначально были эпитетами к слову "вода": "черная", "белая", "чистая", "мутная", "быстрая" и т. д., но эти названия непереводаемы на известные нам языки. Названия эти большей частью двусложные: Лала, Луза, Юга, Луга, Лаба, Ока, Шексна, Тосна, Истра, Сосна, Москва, Двина и т. д. Либо

трехсложные (реже): Онега, Сухона, Печора, Молога, Кострома, Гавола и т. п. Причем, отметим особо, ударения во всех этих словах на первом слоге. Лишь с приходом славян и других народов ударения изменились. Мы знаем наверно, что еще в XIX в. старожилы говорили не "Москва", а "Москва", не "Нева", а "Нева". Чтобы убедиться, следует услышать ударение местного населения:

Десна, а не Десна. Вологжанина передернет, когда он услышит "Вологда" - он говорит: Вологда, Сухона, Тотьма, Вычегда, Сысола и т. д. К сожалению, ономастика до сих пор находится еще в стадии собирания материала, и крупных, синтетических выводов мы не име

ем. Несомненно, однако, что карта распространения народа, давшего указанные выше названия и им подобные, даст нам представления о народе-прасубстрате, на который наложился дальнейшие наслоения славян, германцев, романцев и т. п.

При современном состоянии наших знаний мы ничего решающего, определенного об этом народе-субстрате сказать не можем. Но обязаны упомянуть о нем, чтобы правильно понимать, каков был субстрат народов Европы за 1000-2000 лет до н. э. Почему, как, откуда, в какое время появились в Европе известные нам народы - пока неизвестно. Мы застаем их на местах уже очень рано. Одно можно сказать с уверенностью: большинство рек Европы, где жили славяне издревле, не носит славянских имен.

Имеется, однако, некоторое количество рек с явно славянскими названиями. Они объясняются двояко. Во-первых, это реки, которые вторично получили эти названия в силу разных причин. Во-вторых, это реки, которые к моменту появления славян были необитаемы; в особенности это относится к некоторым частям Полесья, представлявшего несколько тысяч лет тому назад сплошное море болот, озер, протоков и мелколесья.

Именно это обстоятельство и дало повод к утверждению, что славяне происходят из Полесья. Вывод абсолютно ложный, ибо Полесье было занято людьми сравнительно очень поздно. На долю славян, а отчасти литовских племен, довелось ликвидировать это "белое пятно" Европы - отсюда их названия здесь.

Итак, историю прасубстрата мы оставляем совсем в стороне: нет достаточно материала для сколько-нибудь серьезного суждения. Мы займемся исследованием субстрата, т. е. основных этнических масс, создавших современную картину народонаселения главным образом Центральной Европы. Естественно начинать с тех областей, которые

лежали ближе к центрам тогдашнего культурного мира, т. е. к Риму и Византии, ибо о них осталось много сведений не только археологического, но и исторического характера. В запуганном клубке их мы и постараемся разобраться.

Глава 9

В поисках предков славян

Огромная площадь Европы, занятая славянами к моменту появления их на страницах писаной истории, является неопровержимым доказательством их древности. Народы не возникают подобно грибам за одну ночь, как ни стараются убедить нас в этом некоторые историки. Путь этногенеза долгий, медленный, на многие столетия, поэтому образование славян несомненно уходит в глубину тысячелетий (от уточнения времени мы пока уклонимся). Как могло случиться, что этот многомиллионный народ появился на арене истории лишь в начале VI в., если верить нашим историкам? Из того, что славяне так поздно явились на арене истории, делают вовсе ложный вывод, будто они пришли к этому моменту откуда-то.

Когда племя "склавинов" в 517 г. перешло Дунай с севера, это вовсе не значит, что его не было до этого тут. Это лишь означает, что римский или византийский историк впервые занес для этого года имя племени в историю. Точно так же когда Колумб в 1494 г. открыл Америку, то это не равнозначно тому, что американские туземцы стали существовать лишь с этого года. Словом, то же, что и со славянами.

Была совершена и другая крупнейшая ошибка: единичное, частное имя одного из славянских племен приняли за все славянство. Историк того же VI в. Иордан писал, что славян три большие группы племен: венеды, склавины и анты, а еще других очень много. Конечно, в имени "склавинов" нельзя не узнать славян, но на то и дан человеку разум, чтобы подумать: а как звались другие славянские племена, где они жили и что о них известно? Как связать сообщение Прокопия Кесарийского, что славяне в 517 г. впервые перешли Дунай с севера, со сведениями Моисея Хоренского (ум. в 487 г.) о том, что к югу от Дуная уже жило 7 славянских племен? Подобных недоуменных вопросов о славянах можно поставить десятки и ни на один из них не получить ясного ответа.

Почему? Потому что историей славян никто всерьез не занимался. После XVII и XVIII вв., когда история Европы еще была в пеленках, но все же было опубликовано несколько "историй славян", никто в дальнейшем не дал солидной работы, которая была бы специально посвящена славянам.

Причины этого понятны. Историки Запада сталкивались с огромным затруднением - незнанием славянских языков. Наконец, существенным препятствием служило убеждение, что "славяне - неисторический народ" (Гегель). Никому не приходило в голову писать историю "неисторического" народа. Если что-то и публиковалось, то всегда в плоскости более мелких частных вопросов. Славянство как целое оставалось вне поля зрения публикаторов. В результате создалась совершенно невероятная ситуация: когда заходила речь о месте происхождения славян, этого крупнейшего народа Европы, об их коренных землях, - для них не находилось вовсе места в Европе! Ответ был: откуда-то пришли, а откуда - не знаем. Один из самых капитальных трудов начала нашего века ("Кэмбриджская" история) не нашел ничего лучшего, как указать прародину славян в... Полесье, т. е. в области, вообще мало пригодной для существования человека и до сих пор остающейся одной из самых малонаселенных областей Европы! Трудно понять логику историков, принимавших (и долгое время!) всерьез подобное трагикомическое утверждение. Что же касается самих славян, то им было не до истории: большинство из них находилось либо под турецким, либо под немецким игом, единственной свободной политически страной являлась Россия, но и она была еще в духовном плену у немцев, призванных еще со времен Петра I создать в России европейскую науку.

Таким образом, историей славянства заниматься было некому. О славянстве было написано, конечно, очень много, но все это поверхностно, попутно и без достаточной глубины. Писали потому, что вовсе замолчать славян было нельзя, а толковали о славянах с предвзятых точек зрения, не замечая вовсе, как "неисторический" народ начал переворачивать всю жизнь "исторических" народов Европы. Спихватившись же, стали писать всякие благоглупости о "славянской душе", о миссии России и т. д., вовсе не замечая, что не только "исторические" народы, но их специалисты-историки просто не знают действительной истории, роли в ней и значения славян.

Единственным выходом из создавшегося положения является писание, притом совершенно заново, истории славянских народов в Европе. Задача эта очень трудна: процесс расселения и изменения местоположения народов в Европе весьма сложен, происходил он в течение многих веков и в разных направлениях. Названия городов менялись, или один и тот же народ назывался соседями по-разному. Возьмем германцев. Для нас это "немцы", для французов - "алемань", итальянцев - "теде-ско", англичан - "ждерман" и т. д. А сами себя они называют "дейче". То же было, конечно, и в древности. Расшифровкой же этого хаоса либо вообще не занимались, либо ставили себе заранее задачу возвеличивания Германии (примеры будут приведены в дальнейшем в достаточном количестве). Узкоплеменные названия мешались с национальными или, наоборот,

этнические сменялись политическими, а последние - в зависимости от имени вождя в данный момент. Официальные имена народов заменялись их прозвищами и т. д. Разные народы в силу политических причин носили одинаковые имена, ибо принадлежали одному и тому же государству. Бывало же, один и тот же народ называли по-разному, потому что он входил в состав различных государственных объединений и т. д.

И чтобы размотать этот запутанный клубок имен, необходимо иметь какую-то руководящую нить. Она появится, если мы не упустим двух основных моментов-загадок. 1. Как могло случиться, что германские племена, в IV в. якобы распространявшиеся от Темзы до Дона через всю Европу, в VII-VIII вв. оказались уже борющимися за свое продвижение только на восток от Рейна и Эльбы? Что могло их смести за эти столетия на всем протяжении от Эльбы до Дона? 2. Как могло случиться, что славяне с прародиной будто бы в Полесье, т. е. из пространства, составляющего лишь половину Англии, в течение VI и VII вв. захлестнули своими волнами Балканский полуостров (не исключая Пелопоннеса), всю Центральную Европу и оказались даже западнее Эльбы? Ведь люди неспособны к массовым размножениям подобно саранче и другим насекомым.

Перед разрешением каких бы деталей мы ни стояли, мы можем избежать крупной ошибки лишь тогда, когда примем, что никогда германские племена сплошной цепью не простирались на восток от Дона и что всегда на памяти истории и археологии славянские племена занимали не только Полесье, но и огромные пространства к западу и югу. Каждое историческое сведение следует проверить под этим углом зрения. И проверять оба эти постулата, всячески памятуя, что мы ищем истину.

Не нужно упускать из виду возможности также следующих ошибок. 1. Появление какого-нибудь племени А на землях Б, В и Г вовсе еще не означает, что племя А совершенно покинуло свою родину. Часто лишь боевые группы племени А занимали главенствующее положение в отношении Б, В и Г. По прошествии же обычно не слишком большого времени они исчезали и все возвращалось в прежнее положение: А, Б, В, Г. 2. Если часть племени А в ходе исторических событий попадала в Г, это еще означало, что оно жило и в промежуточных землях Б и В. Это могло быть, но могло и не быть. Критически рассматривая судьбы племен главным образом Центральной Европы, необходимо прежде всего установить, к какой группе основных племен принадлежит исследуемое племя. В основном мы имеем три возможности: либо племя германское, либо славянское, либо кельтское. Четвертая возможность редка (племя может быть угро-финским или еще каким-нибудь иным).

Историки готовы видеть в кельтах тот основной субстрат, на котором развились современные народы Центральной Европы. Кельтам приписывают распространение от Ирландии до устья Дуная (по крайней мере), не забывая их походов в Малую Азию и т. д. Им присваивают воинственность, высокую культуру (например, бронзового века) и вместе с тем описывают постепенное падение кельтов. Получается так, будто кельты погибли потому, что были очень малочисленны, воинственны и культурны, а славяне, занимавшие площадь с пол-Англии, являвшиеся самой многочисленной нацией в Европе, - потому, что они были малочисленны, невоинственны и некультурны. Этой нелепости почему-то никто из историков не заметил.

Перейдем теперь к примерам, которые пояснят нам, как следует расшифровывать значение, вернее этническую принадлежность, отдельных племен. Иордан говорит, что "в постоянных нападениях в VI в, на Римскую империю принимали участие болгары, анты и склавины", т. е. славяне. Однако другие авторы, анализируя те же события, указывают, что нападали гунны, анты и склавины. Отсюда становится совершенно ясно, что болгар называли также гуннами, и наоборот. Как и почему - здесь не место разбирать. Это еще не значит, что болгары всегда были гуннами или все гунны были болгарами. Приблизительное направление решения уже найдено. Во всяком случае дополнительных доказательств не требуется, что ни гунны, ни болгары германцами не были. Сравнивая показания разных авторов об одном и том же, можно установить содержание разных имен, принимаемое именно этими авторами.

Мы указывали выше, что для Средней Европы следует принимать три наиболее важных этнических корня - кельтский, германский и славянский. Как, однако, дело обстоит с племенами на Балканском полуострове, теперь заселенном главным образом славянами? Как и когда они здесь появились? Что за народ жил на Балканах севернее классической Греции? Нам ответят: "варвары", "скифы", "геты" и т. д. Или несколько точнее: "фракийцы", "иллирийцы" и т. д. Но это не этнические названия. Это географические термины, указывающие место, но не корень народа. Эти термины подобны терминам "балканцы", "европейцы", лишь не столь широки. Где они, спрашивается, теперь? Их почти нет. Все они, за исключением албанцев, "растворились" в местном славянском населении. А по данным древних авторов, здесь жили крупные народности. Как же они могли исчезнуть? Ведь Балканы - горная страна, перерезанная реками, ущельями, покрытая лесами, изобилующая скрытыми убежищами. Словом, было где спрятаться и пережить любое лихолетье - это не равнина. Наконец, если верить историкам, процесс славянизации Балкан продолжался не так уж долго. Он начался якобы с начала VI в., а осуществился, в сущности, в VII. Но не следует забывать, что процесс славянизации нейтрализовался все время то грецизацией, то

латинизацией, то, наконец, тюр-кизацией. Неужели мог умолкнуть язык, потеряться бесследно языки больших народов?

В ответ нам скажут, что существуют, например, "фракийские" слова, имена, географические названия и т. д. Но умолчат о том, что ни одной фразы фракийского или иллирийского языка мы не знаем. Те слова, которыми мы располагаем и считаем фракийскими, крайне спорны. Нет никаких доказательств их фракийского происхождения - сколько филологов, столько и различных мнений.

Мы, конечно, не отрицаем существования на Балканах издревле народов неславянского корня. Одновременно не можем согласиться с тем, что славяне сравнительно поздно явились на Балканы и совершенно стерли автохтонное население Балкан. Не можем потому, что, исследуя все периоды славянских инвазий, мы нигде не находим указаний, что славяне оседали на Балканах. Все рейды с севера оканчивались однообразно: либо нападающих отбивали, либо нападающие, награбив, сколько могли, возвращались назад за Дунай. Но факт остается фактом: славяне доминируют на Балканах. Это могло произойти двумя путями. Во-первых, еще до начала VI в. значительные массы людей бывали переселяемы с северного берега Дуная в пределы Византии. Правда, ни разу не было сказано, что переселялись славяне. Но мы вполне можем догадываться, что на деле это так и было. Только под неизвестными названиями не могли угадать славян, ибо само понятие славянства тогда не существовало. Переселялись племена под их частными названиями либо туманными, ничего не выражающими понятиями вроде "скифы" и др. В некоторых случаях, однако, мы определенно можем утверждать, что переселялись, например, бастарны, которых без достаточных оснований причисляли к германцам. Несомненно, однако, что такие частичные вливания новых масс славян вовсе не решали процесс славянизации полуострова - это были лишь известные пополнения, возмещения убыли, вызываемой войнами, набегами, болезнями эпидемического характера и т. д. Даже стотысячные пополнения не могли иметь сильного влияния на местное население, наоборот, ассимиляция пришельцев была неизбежной.

Основным фактором славянизации Балкан было, очевидно, присутствие здесь издревле местного славянского населения. Мы не имеем возможности сразу начинать с изложения деталей, подтверждающих это положение. Мы сначала изложим нашу концепцию в ее главных чертах, тогда детали свободнее улягутся в предоставленные им границы. Мы полагаем, что в населении Балкан можно различать четыре, так сказать, автохтонных элемента. 1. Эллинский. Он захватывал преимущественно Пело-поннес и побережье Эгейского моря. Этот элемент по своему существу пришлый. Но эллины появились на указанных землях так давно, что для наших целей вполне будет удовлетворительно считать и

эллинов автохтонным элементом. 2. Фракийский. Он охватывал главным образом восточную часть Балкан, но оставлял свободной область Добруджи, Малую Скифию и широкую полосу вдоль южного берега Дуная. 3. Иллирийский (в географическом понимании). Он распространялся на западную часть полуострова, оставляя свободной значительную часть Далмации и Либурнии. 4. Славянский. Он занимал северную часть полуострова, идя от Адриатики широкой полосой вдоль Дуная до Черного моря.

Это, разумеется, лишь схема. В ходе истории элементы эти вклинивались один в другой, наступали друг на друга и т. д. Судьбы их различны. Фракийский элемент оказался лингвистически уничтоженным. Этнически он растворился в эллинском и славянском. В лице гетов он поднялся до высокой ступени государственности и культуры (письменность Ульфила), но вынужден был уступить эллинскому. Так как он, фракийский элемент, стоял ближе всего к Византии, то ему пришлось принимать участие в превращениях судеб империи, и часто на его полях разыгрывались кровопролитнейшие сражения. Политически выигрывали эллины, а этнически славяне, постепенно замещая фракийцев.

Судьба эллинского элемента общеизвестна. В несколько более выгодном положении оказался иллирийский элемент, значительно сузивший область своего распространения (Албания), но сохранивший свой язык и часть былой территории. Албания была в течение веков предметом раздоров между Римом и Византией, с севера нависали славяне. Крайне гористая местность и удаленность от центральных путей позволили все же сохраниться иллирийскому элементу, хотя и в придавленном виде.

Особо следует сказать о славянском элементе. Он выиграл потому, что был наиболее удален от Византии, занимал не слишком-то важные международные пути, часто бывал разрываем в срединной части своего распространения (оставаясь целым на крайних позициях - Либурния на западе, Малая Скифия на востоке); кроме того, он имел постоянные пополнения с северного берега Дуная. Несомненно, положительную роль сыграло и то обстоятельство, что славяне сравнительно поздно развили свою собственную государственность, что позволило им обходиться без крупных международных конфликтов, без излишней потери сил. Они развивались исподволь, незаметно, не выдвигаясь на высокие и заметные места, но постепенно качественно крепчая. Этим-то и объясняется, что на арене истории Балкан славяне как будто отсутствовали, а затем словно свалились с неба. Главными все это время были эллинский и фракийский элементы.

В пользу теории пребывания славян на Балканах издревле говорят прежде всего географические названия - большинство их славянские. Это могло случиться двумя путями: либо славяне заняли совершенно пустые земли и вынуждены были давать рекам, ручьям, горам, лесам, урочищам, развалинам жилья свои собственные названия, либо те существуют издревле. Если мы примем господствующую теорию о проникновении славян на Балканы только с VI в., мы столкнемся с фактом, что славяне явились не на голое место, целые десятилетия они занимались лишь походами на южный берег Дуная с целью грабежа. Значит, были и местные географические названия, и население. Никогда и никто в истории не переименовывал мелких географических "объектов". Победители поступали так лишь с самыми значительными пунктами, коих могли быть самое большее десятки, сотни же и тысячи мелких местных названий продолжали оставаться. Мы можем найти отчетливые следы турок, греков и других в географических названиях на Балканах. Но славянские явственно преобладают. Многие из них, естественно, изменили слегка свою фонетику согласно правилам языка победителей, славянская же основа их проглядывает совершенно вразумительно. То же самое мы наблюдаем и в Средней Европе, где славянскими названиями пестрит вся Германия. Но здесь процесс германизации славян известен нам совершенно достоверно.

Возражением против славян как автохтонного элемента может служить то, что в этом случае мы вправе ожидать значительного влияния фракийского языка на местные славянские, а этого нет. Объясняется это просто: славянский и фракийский слишком удалены один от другого, чтобы повлиять на строй речи славян. Можно ожидать лишь влияния на фонетику и лексику, т. е. состав языка. Ни тем, ни другим никто не занимался, ибо знание наше фракийского языка весьма бедно и несовершенно. Фракийские слова могут встретиться в названиях местных растений, животных, минералов, специальных инструментов, мелочей домашнего быта и т. д. Присутствие их у югославов и отсутствие у остальных славян могло бы побудить к дальнейшему лингвистическому анализу, но до этой стадии развития наших знаний так далеко, что об этом можно говорить лишь предположительно.

Принятие нашей схемы избавляет нас от многих недоумений. Во-первых, никакой громадный народ, живший от северной Адриатики до Босфора, не исчез бесследно. Потерялся лишь один из четырех его элементов. Во-вторых, никакой большой народ не сваливался с неба на арену истории, не падал неизвестно когда и откуда. В-третьих, основные географические названия на Балканах, как и во всех странах, идут из глубины веков, а не появляются уже только с VI в. В-четвертых, те разрозненные и скудные сведения об автохтонности славянского элемента (об этом ниже), которыми мы располагаем, получают надлежащее место, а не остаются

висящими в воздухе, и т. д. Неупоминание же славян в древности объясняется довольно просто: ни греки, ни римляне этого понятия не имели, для них это была темная масса чужого народа (и не только славян), которую они называли "варварами", "скифами" и пр. Сначала греки, не разбиравшиеся достаточно в своих соседях "варварах", называли их просто по месту жительства, именовали их фракийцами, иллирийцами и т. д., хотя это были сборные названия, но с течением времени, когда эти соседи прочнее вошли в жизнь Византии и выросли культурно и организационно, - греки стали их различать и по племенным названиям: болгары, сербы и т. д.

К VI веку из этой темной массы даже к северу от Дуная выделились три группы: "венеты", анты и "склави-ны". Знали греки и римляне и частые названия племен, входивших в эти группы. Но вследствие их малозначимости они историей не сохранены или упоминаются совершенно отрывочно.

Все славянские племена, равно как и племена других корней на Балканах, были столетиями подчинены то Элладе, то Риму, то Византии, нося географические имена: иллирийцы, македонцы, фракийцы и т. д. Эти племена постепенно усваивали культуру, росли в государственном смысле, однако политическое значение Рима и Византии катастрофически падало. В конце концов балканские славяне создали свою государственность, но не сразу, а, естественно, после долгой борьбы и с переменным успехом. Этот многовековой процесс кончился возвратом к "status quo ante bellum" - иго римлян и греков было сброшено.

С процессом образования самостоятельных славянских государств был связан и процесс славянизации местных "фракийских", "иллирийских" и прочих племен неславянского корня. Этот же процесс славянизации имел место и в отношении всех орд кочевников, являвшихся преимущественно с северо-востока. Хотя пришельцы и бывали порой грозны своей силой, но влияние их было ничтожным, ибо балканские славяне были и довольно многочисленны, и, к тому же, культурнее пришельцев (столетиями были связаны с Римом и Византией), а кроме того, были земледельцами.

Отметим одну небезынтересную подробность: Помпоний Меля (1-я половина I в.) неоднократно упоминает Тергесте (нынешний Триест). По мнению большинства филологов, Тергесте - это по-славянски "торжище". Значит, уже в начале нашей эры в Истрии были значительные города со славянскими названиями - доказательство присутствия больших масс славян, занимавших уже тогда все основание Балканского полуострова широкой полосой до устья Дуная.

Мы не будем останавливаться на собирании фактов - достаточно того, что сказано, чтобы убедиться, что вопрос о древнем заселении Балкан славянами заслуживает полного внимания.

Как, впрочем, и вопрос о древней связи славян с римлянами. Всем известно, что у греков так называемых "календ" не было. Были они у римлян (отсюда и слово "календарь"). Всюду можно найти утверждения, что "календы" заимствованы славянами у римлян, и, очевидно, в более поздние времена. Существуют, однако, факты, говорящие о противоположном - о древнем заимствовании "календ" римлянами у славян. И это похоже на правду. Прежде всего, как это ни странно, слово "календы" на латинском языке непереводимо, оно ничего не значит. А в славянском можно найти, откуда оно произошло. У славян существовал в древности бог Коленда, или в дальнейшем, в связи с утратой носовых звуков, Коляда. Этому богу все славяне (что удержалось во многих местах и до наших дней) посвящали особые торжества за 7-10 дней до начала Нового года. Пелись особые песни в его честь, носившие и носящие название "колядок". Существовал целый ряд обычаев, связанных с этими торжествами (за неимением места мы опускаем их перечисление). Причиной этих торжеств было то, что годичный цикл явлений природы к этому времени заканчивался. Дни начинали нарастать. Старому приходил конец, новый год и цикл явлений вновь повторялись.

Имя бога Коленды, или Коляды, имело смысл определенный: "коло" по-старославянски означает "круг". То бишь круг явлений одного года заканчивался, наступал новый - это и праздновалось.

Римляне заимствовали не только само слово "коленда", но и время торжеств. Случилось это, конечно, до нашей эры, когда Рим выдвинулся на мировую арену, а сами римляне еще лишь распространяли свою власть на Апеннинском полуострове, в северной части которого в то время уже были и славяне. Что римляне сталкивались со славянами по крайней мере с начала нашей эры, видно из следующей цитаты комментатора "Георгик" Верги-лия - Помпония С. Сабина. Помпоний Сабин (ум. в 60 г.) знал, как называют "скифы" приспособление для перевозок и что санки применялись также на льду. Это свидетельствует о близком сожительстве римлян и славян. Если римляне знали славянское слово "санки", то и ведали, для чего потребен этот предмет.

Обратимся теперь к "Житию св. Колумбана". Около 610 г. этот человек поселился в Бриганциуме (Брегенц) и пытался обращать местных венедов, которых также называли славянами, в христианство. Бриганциум находился на берегу Боденского озера, которое в древности недаром носило название - "Lacus Venetus sive Brigantmus". Стало быть, венеды плотно сидели около озера, коли дали последнему свое название. Наконец,

нет никакого сомнения, что эти венеды (венеты) были не кельтами, а славянами, ибо добавлено, что они иначе назывались "Slavi". Таким образом, присутствие значительных масс славян в области Боденского озера к 610 г. установлено с несомненностью. Вместе с тем сообщение, что эти славяне были "венетами", указывает на то, что они существовали здесь веками, ибо о венетах мы имеем в истории очень много сведений, идущих из глубины веков (к этому мы еще вернемся).

Не лишено также значения, что к северу от Боденского озера до Дуная располагалась провинция *Vindelicia*, с явным корнем "винд" или "венд", что было синонимом "славян". Главным городом ее был *Augusta Vindelicozum*, ныне Аусбург. Само название "винделикорум" также исчерпывающе разъясняется: в этом районе текла река *Licus*. Следовательно, название означало: "винды, живущие по Лику". И сами город и область упоминаются уже древнейшими римскими писателями. Отсюда следует, что славяне уже до начала нашей эры были к югу от истоков Рейна. Эти венеты дали название области Венеции. Располагались они и к югу от Альп, и вдоль северного побережья Адриатики. Мы не будем сейчас останавливаться на них подробно, а обратимся к проблеме готов, рассмотрение которой коренным образом изменяет наши взгляды на существование германских племен на востоке Европы. После разъяснения готской проблемы представления наши о славянах и их первоначальном распространении приобретут гораздо большую определенность.

Забегая вперед, скажем, что первичное распространение славян было более значительным, чем теперь. Их доминирование в Центральной Европе объясняется не тем, что они откуда-то пришли на глазах современных народов, а тем, что они и в древности занимали огромные пространства, но в жизненной борьбе вынуждены были многое утратить.

Глава 10

Проблема готов

Она является одной из самых важных проблем, связанных непосредственно с вопросом о происхождении и первичном распространении славян. Но, удивительное дело, историки не замечают ее и почти ею не занимаются. А между тем в ней, как в фокусе, соединяются важнейшие линии истории Европы. О готах написано очень много. Но, несмотря на то, что даже такие авторитеты, как Моммзен, высказывали чрезвычайно скептические взгляды на некоторые моменты их истории, она совершенно не разработана, являя собой кучу самых противоречивых сведений и толкований. Само собою разумеется, что мы не берем на себя задачу разрешить ее в целом, но частичное ее рассмотрение мы

предлагаем. А главное - сугубо подчеркиваем, что без ее решения дальнейшие успехи в сфере древней истории более чем сомнительны.

В истории Южной и Средней Европы, а также южной Руси (северное Причерноморье) так называемые "готы" сыграли весьма важную роль. "Готов" считают народом германского корня. Но это, безусловно, ошибка. Это народ "фракийского корня". Первоначальное и правильное название его "геты". Этот народ существовал с глубокой древности. Имя его встречается уже у Геродота и Фукидида и, вероятно, идет вглубь до их времени. Племя это существовало на Балканах, на западном и северном побережье Черного моря и только под именем "гетов". По Фукидиду, это очень многочисленное племя.

С конца IV в. геты под ударом гуннов уходят из Крыма и северо-западного побережья Черного моря, переходят Дунай, поселяются временно на Балканах, затем они снимаются, захватывают Рим, Италию и через несколько десятков лет начинают свои передвижения по Европе в Испанию и северную Африку, где они в конце концов и растворяются в местном населении, исчезают с арены истории.

Здесь же следует уже подчеркнуть, что главное внимание историков было приковано к группе, перешедшей Дунай. Группа же, подчинившаяся гуннам, на северном берегу Дуная менее привлекала интерес историков. Наконец, и это мы особо выделяем, судьбы остатков "готов", существовавших по меньшей мере до X в., почти вовсе не прослежены.

Сколько можно судить, гетов начинают называть "готами" лишь с конца IV в. Когда точно и почему это случилось - совершенно не выяснено. Историк "готов" Иордан, сам "гот" по происхождению, употреблял в середине VI в. оба эти названия как синонимы. То же делают и другие древние писатели эпохи переселения "готов", но это, безусловно, неверно. Почему произошло такое смещение понятий, никто не постарался разобраться. Можно думать, что оно началось с момента разгрома имп. Траяном дако-гетской державы в конце II в. и последовавшего затем движения готов на восток. Ушли на восток "геты", а через два столетия вернулись "готы".

Так как часть гетов осталась и на старых местах, а возвратился тот же самый народ (лишь слегка название изменилось), то оба варианта употреблялись одинаково. Но так как с востока вернулась огромная масса людей, то название "готы" стало преобладающим.

Добавим, однако, что когда "готы" после сложных странствий среди народов Южной Европы и Северной Африки растворились в местном

населении, то те геты, что остались на Балканах, долго еще назывались по-старинному - "геты".

Ввиду огромной путаницы займемся прежде всего точной терминологией. Условимся называть гетами народ фракийского корня, очень древний, живший на Балканах и сохранивший там свое имя вплоть до X в. Другой народ, по-видимому германского корня, жил далеко на севере, он отразился в названии острова Готланд. Поскольку это название уцелело, будем называть это племя готами, но помнить, что оно, по всей видимости, не сыграло никакой особенной роли в истории. Далее, в низовьях Вислы, обитало племя "гютонов", "гито-нов" или "гутонов" (произношения имеются разные). Это племя без достаточных оснований было принято за готов. А между тем можно думать, что это было славянское племя и лишь сходство названий превратило гутонов в готов. Главный же народ, который был героем истории, мы будем называть псевдоготами или "готами" (в кавычках). Сколько можно полагать, это был также народ фракийского корня, но, вероятно, несколько отличный от готов на южном берегу Дуная, ибо, несомненно, включал в себя и чужеродные соседние племена. Возможно, это обстоятельство и повлияло на фонетику имени.

Эти четыре группы народов были спутаны. Можно думать, что причиной этого были истории, написанные Аблавием, Кассиодором, а в особенности Иорданом. Все они весьма тенденциозны (дошла целиком лишь история Иордана, и что заимствовано последним у предыдущих - установить невозможно). Все они имели целью доказать древность псевдоготов и тем самым смягчить для гордых римлян тот факт, что псевдоготы господствуют над ними.

Иордан, опираясь на своих предшественников, приписывает псевдоготам большую древность, чем римлянам, а именно - за несколько веков до Троянской войны. Его история псевдоготов начинается приблизительно за 1500 лет до н. э. Моммзен набросал, согласно Иордану, следующую хронологию.

Пять поколений готских королей от Берига до Филимера (з 25, 121), около 167 лет - 1490-1324 гг. до н. э.

Танаузис, непосредственно перед амазонками (з 49), примерно 33 года - 1323-1290.

Три поколения амазонок (Лампето и Марнезия - Меналипа и Ипполита - Пентезилеа, з 52), 100 лет - 1289-1190.

От Троянской войны, или смерти Пентезилеи (з 57), или от смерти Еврипида (з 60) до 1-го года Кира, почти 630 лет (з 61), вернее 631 год - 1190-559.

От Кира и до Суллы - 558-91 гг.

Бурвиста, король времени Суллы (з 67) - 90-57.

Конозик, король - 56-23.

Кирилл царствовал 40 лет (з 73); при Тиберии (з 68) - 22 г. до н. э. - 18 г. н. э.

Дальнейшую хронологию опускаем за ненужностью.

* * *

Из этой схемы видно, что Иордан совершенно искусственно прилепил историю первых готских королей, которых он считал выходцами из Скандинавии, к истории гетов, совсем другого народа, и с этим согласны многие современные историки. Беда, однако, в том, что большинство, объявляя недостоверность сведений, сообщаемых Иорданом, все же полностью считается с ними. Нам кажется, пора уже не только объявить сообщение о скандинавских королях сказкой, но и вообще изъять ее из обсуждения, если мы хотим, чтобы история была наукой, а не собранием рассказов о Бабе Яге и Змее Горыныче.

Рассмотрим последовательно, по пунктам ошибки Иордана, чтобы более к ним не возвращаться.

1. Никто из древних писателей, кроме Иордана (или пользовавшихся им), сказки о миграции гетов из "Сканзы" не приводит. Сам Иордан ссылается на Аблавия, который также написал "Историю гетов", до нас не дошедшую. Личность Аблавия совершенно неизвестна, никто из древних авторов его не упоминает. Таким образом, источник сказки весьма сомнителен. Исходит она от малоизвестного лица, притом в эпоху, когда положение гетов требовало их возвеличения, ибо эти "парвеню" были на вершине славы и требовали геральдики и древности, с чем в те времена очень считались. Следовательно, основания для выдумки налицо.

2. Суть сказки совершенно невероятна. Если греки, имевшие древнейшую письменность (вспомним, кстати, алфавиты с острова Крит) не сохранили ничего исторического о Троянской войне, кроме народного эпоса, записанного веками позже, то как могли готы-скандинавы, письменности вовсе не имеющие, сохранить достоверные исторические сведения за 300

лет до Троянской войны? А главное, как могли эмигрировать готы из пустой, исключительно беднонаселенной Скандинавии в Южную Европу, которая уже тогда страдала перенаселенностью? Весь ход истории Европы показывает, что населялась она с юга на север. Когда ледниковый щит, покрывавший Скандинавию, растаял, появилась возможность заселения ее людьми. Страна обладала суровым климатом, гориста, покрыта лесами, озерами и болотами, почвы бедны. Даже для скотоводства она была мало пригодна из-за суровых зим. Содержать она могла лишь весьма незначительное население. Избытка населения просто быть не могло.

Если в дальнейшей истории мы наблюдаем рейды скандинавов на материк, то эти военные рейды не были эмиграциями. Женщины и дети в этом не участвовали. Народ все время оставался на месте. Таким образом, эмигрировать просто не было кому.

Согласно представлениям Иордана, Скандинавия была "утробной нацией", выбрасывавшей на материк племя за племенем, расшифровывая которые, мы находим Дгерманцев, славян и готов, коих, отметим мимоходом, Иордан за германцев не считал. Спрашивается, что могли быть эти племена в Скандинавии, кроме снега и камня?

Рост населения - процесс саморегулирующийся. Голод уничтожает избыток населения там, где пищи недостаточно. Если существует эмиграция в странах, где количество населения близко к пределу, то она никогда не бывает массовой (за исключением катастроф). Эмигранты всегда разъединены, и доля их только быть ассимилированными в тех странах, куда им удастся поселиться. Поэтому представления Иордана о Скандинавии как о фабрике народов совершенно нелепы. Для него Скандинавия (он считал ее островом!) казалась какой-то сказочной страной. И действительно, он рассказывал о ней сказки, не боясь быть уличенным во лжи: чтобы поверить - пожалуйста в Скандинавию, которая была на краю тогдашнего света!

Если незнание Скандинавии было на руку Иордану и он использовал его для своих политических целей (выдумал историю готов за 1500 лет до н. э.), то крайне трудно понять историков XIX -XX вв., серьезно обсуждающих нелепицы Иордана, просто стыдно за человеческий разум.

3. Согласно Иордану, готы эмигрировали на двух кораблях, на третьем были гепиды. Следовательно, готов было максимально 200 человек. Трудно представить себе, каково было размножение готов, коли через пять поколений они были в состоянии не только пересечь всю Европу и сохранить независимость, но даже оттереть народы от северного берега Азовского моря, вдоль которого шли нескончаемой волной номады из Азии. Возможность такого размножения математически исключена, не

говоря уже о том, что не горсти эмигрантов способны задержать тысячные орды из Азии.

4. Путь готов из Прибалтики к Азовскому морю совершенно исключителен: ни один народ за всю историю его не повторил. Путь этот огромной протяженности, по совершенно непроходимой местности. Если Полесье теперь, после 3500 лет культуры и значительного изменения климата, до сих пор наименее населенная часть Европы, то в те времена это была необозримая гладь озер, рек, болот и великая масса лесов, физически непроходимых даже зимой.

Как мог переселиться народ без знания местности, без людей вокруг, при полном отсутствии дорог и карт, в условиях невозможности использования ни лодок, ни телег, ни собственных ног, передвигаться и не знать, куда он идет, - может рассказать только Иордан, не имевший ни малейшего представления, что такое Полесье. Да и современным теоретизирующим профессорам-историкам мы посоветовали бы, прежде чем писать, посмотреть сначала, что такое Полесье даже в наше время. Полесье можно было лишь обойти далеко вокруг, увеличив длину пути на сотни километров. За одно лето это физически невозможно. А когда это заняло больше времени, то позволительно спросить: чем питались переселенцы. Если на протяжении лета еще можно питаться плодами земли и передвигаться, то что они ели в продолжение по крайней мере пяти месяцев зимы? Где они жили, чтобы спастись от снега и морозов? Как содержали свой скот и чем они его кормили на протяжении зимы? Всегда ли местные жители относились к ним дружелюбно или, что естественней, видели в них врагов-чужестранцев, с которыми они даже договориться не могли из-за незнания языка? Ведь даже расспросить о дороге они не были в состоянии!

Возможность переселения за один сезон абсолютно исключена. Но и многолетнее переселение тоже невозможно. Кем были готы по Иордану? Охотниками-рыболовами, скотоводами или оседлыми земледельцами? И могли ли они менять свой образ жизни, как им захочется? Раз были охотниками-рыболовами, то чем они питались, попав в южные степи, где рыбных рек нет и где дикие животные совершенно отличаются от северных повадками и т. д.? Ведь чтобы добыть животное, надо знать, где его найти и как поймать, а кормить надо целое племя ежедневно.

Допустим, готы были скотоводами. Тогда чем они кормили и где содержали свой скот зимой в походных условиях?

Или, скажем, они были земледельцами. Как они могли заниматься этим, все время переселяясь, попадая все время в местности с разными

климатами, почвами и, естественно, другими культурами? И вообще как они могли переселяться, не ведая куда?

Короче, Иордан абсолютно не понимал, о чем говорил. Переселение готов из Прибалтики к устью Дона - менее вероятная сказка, чем если бы они мгновенно перенеслись туда на ковче-самолете.

Прикинем, однако, что совершенно невероятное свершилось, что скандинавы-готы появились на берегах Азовского моря. Если они жили там несколько веков, то должны же были остаться от них какие-то материальные следы - исторические, археологические, филологические и т. д.? Готской культуры в этой части Причерноморья не найдено. Между тем пришельцы из такой дали должны были принести с собой и свою керамику, и свои способы постройки жилищ, погребения, свои орудия производства, а их нигде не обнаружено. Молчит и история: кроме Иордана, никто не обмолвился ни одним словом, даже не намекнул о переселении готов. Значит, не было ничего. Почему же верят Иордану?

Могут подумать, что мы отрицаем существование готов в Причерноморье. Нет, готы были, но они ничего общего с готами Скандинавии не имели. Это были геты.

Приняв за истину нелепость, что готы-скандинавы были готами Приазовья, невольно спросишь: куда же девались геты Геродота, Фукидида, Александра Македонского, Юлия Цезаря, Овидия и т. д.? Не мог же бесследно исчезнуть народ, захваченный историей уже в первые века нашей эры?

Сливать готов-скандинавов Приазовья с гетами Балтики нельзя. Ибо это значит, что германцы принимали участие уже в Троянской войне (в чем нас и стремится убедить фальсификатор истории Иордан). Было бы это так, то на Балканах говорили бы еще в первые века нашей эры (да и до сих пор) по-немецки, а вместо Телефу-сов, Реметалков и т. д. были бы Мюллеры и Шмидты. Но дело в том, что ни история, ни филология не дают нам ничего немецкого для всего существования Балкан.

Из всего вышесказанного явствует, что готов-скандинавов никогда в Причерноморье не было. Там были лишь геты. И этих гетов доверчивые историки приняли за германцев.

Доказательств германства "готов" Иордана в сущности лишь два. Существование так называемого "Серебряного кодекса" (Кодекс Аргентеус), который якобы написан на готском языке, и язык "готов" в Крыму. Оба доказательства основаны на недоразумении, к рассмотрению которого мы и переходим.

Из истории известно, что в конце IV в. епископ Уль-фила, или Вульфила, изобрел особый алфавит и перевел всю Библию, за исключением "Книги Царств", на язык гетов. Жил он в г. Томи в "Малой Скифии", т. е. нынешней Добрудже. В этом же городе, кстати, проживал в конце нашей эры сосланный Овидий.

В наше время в разных местах Германии и Италии были найдены отрывки из Библии, получившие название "Кодекс Аргентеус", написанные неизвестным алфавитом и на неведомом языке. Алфавит этих отрывков - смесь греческих, латинских и рунических букв, иногда с иным значением, чем в оригинальных алфавитах. Язык - смесь германских корней, по-видимому, с кельтскими.

Так как готов ко времени находки отрывков считали германцами, то и принято всеми, что написаны они на готском языке и представляют собой отрывки Библии Уль-фила. Доказательств-- никаких, все это лишь догадка. Более того, имеется целый ряд соображений, показывающих, что рукопись эта ничего общего с Ульфилой и языком гетов не содержит. Ничего общего у нее нет и с языком псевдоготов. Написана она, вероятнее всего, на лон-гобардском языке.

В самом деле, как мог быть "Кодекс Аргентеус" написан на полугерманском языке, коль геты определенно германцами не были? Далее. Ульфила умер в 380 г., т. е. лишь через 4 года после того, как псевдоготы появились на нижнем Дунае, убежавши от гуннов. Совершенно очевидно, что Библия Ульфила была написана задолго до появления псевдоготов, ибо такая огромная работа не могла быть сделана скоро и в последние, старческие годы Ульфила. К тому же мы располагаем свидетельством Валафрида Страбо (ум. в 860 г.), что до его времени геты в окрестностях г. Томи еще совершали свои богослужения на родном языке. Следовательно, в Томи была вековая традиция Ульфила (к подробностям мы вернемся в другом разделе). Таким образом, германские элементы языка Ульфила совершенно исключены и его перевод Библии ничего общего с "Кодексом Аргентеус" не имеет.

Дело в том, что Ульфиле приписывали без достаточных оснований арнанство, т. е. он был в глазах и православных, и католиков еретиком. Значит, труд его был обречен на истребление. А меж тем довольно многочисленные отрывки "Кодекса" говорят о противоположном. Все, что было связано с Ульфилой, сохранялось в области Томи и далее не пошло. Тут еще веками было почитание его местными жителями, но дальнейшего развития не получило.

Таким образом, мы должны понять, что Библия Ульфила до нас не дошла и была написана она на языке, во всяком случае, не германском.

"Кодекс Аргентеус" считается рукописью VI в. Это совершенно подходит к нашему положению, что рукопись эта была лонгобардская. Лонгобарды заняли Италию через 13 лет после ухода оттуда псевдоготов и прожили там века, пока не слились с местным населением и не дали, между прочим, своего имени Ломбардии. Так как лонгобарды долгое время до этого жили в областях, занятых прежде кельтами, понятно, почему "Кодекс Аргентеус" написан на языке смеси германских слов с кельтскими. Неудивительно и то, что отрывки "Кодекса" найдены не на Балканах, а в германских монастырях и отчасти в Италии. Ясно также, почему некоторые места "Кодекса" написаны параллельно на неизвестном и латинском языках, а не на греческом. Ульфила был выученик греков и поставлен в епископы в Константинополе, поэтому можно было бы ожидать лишь параллельного греческого текста.

Если бы "Кодекс Аргентеус" был действительно написан на языке псевдоготов, мы должны были бы найти множество документов и надписей на этом языке и алфавите. В самом деле, согласно Иордану, геты были культурным народом, почти ничем не отличавшимся от греков. У них даже были свои ученые, философы и т. д. Захватив Италию, они стали во главе римской культуры. Совершенно естественно, что, будучи победителями, имея собственную письменность, они не могли не оставить множества следов ее. В действительности же нет абсолютно ничего, ни одной "готской" строчки!

Можно ли поверить, что народ, имевший свою письменность, Библию, переведенную на свой язык, 58 лет господствовавший над Римом, имевший писаную историю (Кассиодора), на которую ссылался в римском сенате их король Теодорих, не оставил ни одной надгробной надписи, ни одного памятника с посвящением, ни одного пограничного столба с надписью, ни единой надписи на стене (граффити), ни одной рукописи, книги, письма, вообще писаной буковки?

Объясняется все довольно несложно: у псевдоготов собственной письменности не было, они пользовались латинской. Геты же, имевшие свою письменность, лишены были своей государственности. Письменность у них носила временное, притом узкоспециальное значение - она принадлежала одной религиозной секте, которая подвергалась гонениям и в дальнейшем крупной роли не сыграла.

"Кодекс Аргентеус" - произведение иной культуры и иного этнического корня. Написан он на языке, где глаголы характерны для германских

корней, а имена существительные и прилагательные, как и вся грамматика, весьма чужды германским.

Огромную важность представляют также свидетельства Иордана, что гетов Ульфилы он за настоящих готов не считает, называя их "малыми готами", а письменность их остается ему неизвестной (это в середине VI в. и вдобавок готу!). К подробностям мы вернемся ниже, в другом разделе. Таким образом, германство псевдоготов, основанное на "Кодексе Аргентеус", отпадает.

Перейдем к другому доказательству. Одно время утверждали, что в Крыму нашли остатки "готского" языка и что язык этот германского корня. Странное дело, в Крыму до сих пор не найдено ни одной строчки "готского" письма. Значит, письменности у псевдоготов не было, а ведь сам Крым одно время назывался Готией. Академик Паллас, путешествовавший в Крыму в 1793-1794 гг., отмечал, что в названиях рек, долин, гор в Крыму нет ни малейших следов готского языка. Это доказывает, что "готы"-там долго не были и были не первоначальными поселенцами. Кроме того, Паллас сообщал, что ни в одном из татарских диалектов нет также следов готского языка.

Иоганн Бекман (1793-1811) писал: "Никто в последнее время не открыл никаких следов готов в Крыму". Он же добавляет, что проф. Гаккет уверял его в письме: "Я могу заверить, что многие евреи, которые имеются повсюду в Понте, принимаются за древних немцев или готов".

Таким образом, все данные о готском языке в Крыму относятся ко времени еще до XVIII столетия, т. е. к той эпохе, когда настоящей филологии еще не было. Все же последующие исследователи ничего "готского" в Крыму не нашли. Пишущий эти строчки 9 раз, бывал в Крыму в период 1923-1941 гг., путешествуя часто пешком в самых глухих уголках Крыма, но ни малейших следов "го-юв" там не обнаружил. Это не значит, разумеется, что их там не было, но что у них не было письменности, что они не сыграли важной роли в жизни страны, - это несомненный факт. Что же касается германства их, то соображения проф. Геккета, вероятно, полностью разрешают загадку: то, что считали древнегерманским, на самом деле было "идиш". Мы не будем останавливаться на этом вопросе подробно, так как он достаточно освещен в нашем труде "Пересмотр основ истории славян" (1956, Мельнбурн, вып. 1).

Наконец, не следует забывать, что сам Иордан гетов (готов) за германцев не считал, что видно из следующего. 1. Описывая готов, ругов и другие племена, он противопоставляет их германцам: первые выше последних ростом и т. д. 2. Он называет их, как и многие другие древние писатели,

"скифским племенем", а между тем мы знаем, что "скифами" германцев в древности не именовали. 3. Говоря о заимствовании имен разными народами, он пишет: "Римляне заимствуют у македонцев, греки у римлян, сарматы у германцев, готы часто у гуннов". Здесь германцы и готы фигурируют не только как отдельные племена, но и как представители совершенно разных групп народов, что и было в действительности. 4. Иордан сообщает, что король готов Бурвиста по совету философа Дицинеуса опустошил страну германцев, которой теперь владеют франки. Противопоставление германцев и готов и здесь очевидно.

* * *

Изложенные выше соображения позволяют несколько разъяснить проблему готов. Так как все утверждения о существовании германских племен между Днестром и Доном основаны главным образом на данных Иордана, а последние оказываются результатом отчасти путаницы, отчасти продуктом фантазии, мы можем положительно утверждать, что никогда германские племена между Днестром и Доном не жили. Все данные о "готах" в этой области относятся к псевдоготам, или к гетам, народам, жившим издревле в бассейне Черного моря. Кто они были, сейчас говорить пока преждевременно, но что они не были германцами - это бесспорно. Это упрощает прояснение проблемы германских племен территориально весьма значительно. Некоторые германofilы различали два понятия: восточные германцы, т. е. располагавшиеся на востоке Германии (самое большее до Вислы) и германцы Востока, т. е. живущие вне Германии, на восток от Вислы. Как мы увидим, последнее понятие является совершенно ложным, продуктом фантазии. Только что разобранные нами факты показывают, что во всяком случае между Днестром и Доном германцев не было. В дальнейшем мы удостоверимся, что их не было и между Вислой и Днестром.

Следующим важным шагом в деле разрешения готской проблемы является установление факта, что "готы" Иордана и геты (согласно Иордану, "малые готы"), весьма возможно, не были народом одного корня или, если были, то различались весьма существенно. Вполне возможно, что "малые готы" были славянами. Удивляться этому не приходится, ибо имеется целый ряд авторов, утверждавших, что готы - это славяне.

Мы не будем останавливаться здесь на рассмотрении этого чрезвычайно запутанного клубка противоречивых указаний. Постараемся распутывать клубок постепенно. Отметим лишь для сведения читателей, что подобная теория существует.

Проблема гуннов

Нашествие гуннов сыграло огромную роль в истории народов Европы, в особенности "готов", которые под ударом гуннов вынуждены были оставить свои места и начать эпоху своего бродяжничества по Европе и даже северной Африке. Оставили значительный след гунны (а равно и готы) также в судьбах южной Руси. В истории об этом нет ни слова, но во "Влесовой книге", источнике, недавно открытом и полностью еще не опубликованном, содержится огромное количество сведений о борьбе Древней Руси с гуннами и "готами" ("Годь" Влесовой книги), поэтому будет уместно разобрать подробно и судьбы гуннов, тем более что в дальнейшей истории славян и гуннов смешивали и ставили между ними вообще знак равенства.

Несмотря на огромную роль гуннов, ничего достоверного об их нашествии нет. Некоторые, наиболее древние писатели прямо говорят, что гунны явились неизвестно откуда. Иные (и это принято большинством) - что из-за Дона. Если бы это была обычная инвазия азиатов, мы должны были бы располагать сведениями и о предварительной стадии инвазии гуннов, т. е. о приближении их к Дону с востока. Этого нет. Мы знаем лишь, что в 375 г. гунны ударили по "готам" и вынудили их либо покориться, либо бежать на запад. С этой неизвестностью можно было бы еще примириться (история, мол, не сохранила), но есть данные, что и до 375 г. гунны уже были западнее Дона.

Птолемей еще в конце II в. сообщал, что "хуны" живут между бастарнами и роксоланами, т. е., безусловно, западнее Дона. В его "хунах" нельзя не узнать гуннов, так как они назывались даже "уны" и с разными придыханиями: получалось спереди и "х", и мягкое "г", и твердое "г". Это совершенно подрывает теорию, что гунны были кочевниками-азиатами из далеких степей на востоке. Наконец, и новейшие работы, в частности Альтхейма, говорят, что обычная идентификация гуннов с "ги-ун-ну" китайских летописей неприемлема. Альтхейм считает, что гунны являлись "западными" гуннами, конкретнее - этфалитами, но и его объяснение не представляется убедительным: гунны были глубоко в Европе еще до 375 г. Альтхейм остановился на полуистине, что гунны - не племя, упоминаемое в китайских летописях.

Анализ данных, в особенности Прокопия из Кесарии, позволяет выдвинуть объяснение, до известной степени примиряющее два противоположных факта. Ошибка старых авторов заключалась в недостаточном знании географии Восточной Европы. Надо помнить, что карт в нашем понимании этого слова тогда еще не было. Прокопий Кесарийский повторяет легенду, приводимую почти всеми старыми авторами, писавшими о нападении гуннов. Якобы юноши гуннов, охотясь

на берегу Меотиды, загнали самку оленя в море. Она бросилась в воду, они - за ней. Так как море в этом месте было неглубоко, то самка оленя удалялась все дальше вброд, а охотники в пылу - следом. Незаметным образом самка добралась до другого берега, т. е. в Крым, и исчезла. Охотники для себя открыли, что можно попасть в область "готов" вброд, чего они раньше не подозревали. Немедленно вернувшись, они сообщили племени о необыкновенном открытии и всем племенем ринулись в поход на "готов".

Все авторы и позднейшие комментаторы считают, что речь идет о Керченском проливе, что, мол, гунны напали на "готов" с Кавказа. На невероятность этого никто не обратил внимания тех, кто поверил легенде: Керченский пролив глубок, и о том, чтобы перейти его вброд, не может быть и речи. Да это было бы давно известно местным грекам, жившим здесь уже века. У нас также нет никаких сведений о том, чтобы в древности даже большие корабли испытывали бы затруднения из-за малой глубины.

Другие писатели, чувствуя невозможность перехода вброд Керченского пролива, приняли легенду просто за выдумку. К этому склоняется и Прокопий. Между тем у нас все основания думать, что легенда передает в основном действительное историческое событие. Но оно произошло не в том месте, где предполагали.

Примем данные Птолемея, которому у нас нет оснований не верить, что хуны жили восточнее бастарнов, заселявших Карпаты, и западнее роксоланов, располагавшихся в области Дона. Гунны, по-видимому, жили по северному побережью Азовского моря, но в Крым, занятый "готами", проникнуть не могли из-за узкого перешейка, укрепленного "готами". Будучи кочевниками, гунны избегали моря и не пытались его пересечь, хотя берег Крыма в некоторых местах отлично обозревался.

Азовское море весьма мелководно. Сам Прокопий знал это великолепно. Но он не ведал, как и другие авторы древности, что в западной своей части оно действительно заслуживает названия "болота". Местные жители именовали его в этом месте "Гнилым морем". И верно, море тут, как в той пословице, "по колено".

Понять происшедшее можно, непременно взглянув на карту. В западной части Азовского моря бросится в глаза так называемая Арабатская стрелка - чрезвычайно длинная и узкая коса, очень близко подходящая своим концом к северному берегу моря. Здесь-то, очевидно, и разыгралась история с оленем. Убегая от охотников, олень перебрел с северного берега Азовского моря в Крым и показал гуннам, что море можно перебраться в этом месте. Далее совершилось все в точности и с подробностями,

упомянутыми Прокопием. Перейдя тайком необитаемую Арабатскую стрелку, гунны попали в глубокий тыл "готов". Полная неожиданность и незащищенность дали возможность гуннам обратить "готов" в паническое бегство. Часть "готов" была перебита, часть осталась в стороне, к востоку, изолированной на Керченском полуострове, часть (о ней Прокопий не упоминает) бежит в лесистую и гористую часть, где и находит спасение. Это те "готы", которые дожили до времен Ивана Грозного. Основная же масса "готов" кинулась к северу, через Перекопский перешеек, попала на материк и устремилась далее на запад, пока не оказалась у границ Византии на Дунае.

Вот это-то открытие гуннами возможности попасть в Крым вброд и явилось причиной всех дальнейших событий. Никакой неожиданной инвазии из-за Дона не было (были бы известия о боях и т. д.) Не было вообще пришельцев. Было нападение местного племени гуннов на местное племя "готов", но с неожиданного направления, что и дало возможность гуннам одержать полную победу. С этого момента "готы" в Крыму как реальная сила были уничтожены, а гунны необыкновенно усилились. Прокопий рассказывает далее, что часть гуннов, а именно утигуры, вернулась, но на возвратном пути (см. непременно карту) наткнулись на изолированную группу "готов" на перешейке Керченского полуострова. "Готы", как рассказывает Прокопий, образовали на узком перешейке заграждение (сплошное) из щитов и собирались дорого продать свою жизнь. Хотя они и понимали, что одолеть гуннов не могут, ибо те превосходили их численностью, но они были в ловушке и иного выхода не было. Со своей стороны и гунны понимали, что в сущности не из-за чего идти в смертный бой. Дело кончилось миром. Было решено, что гунны и "готы" поселятся на равных правах, как одно племя, но, очевидно, из-за недостатка места решили переправиться всем на противоположный берег Кавказа и там поселиться, что и было сделано. Так оказались "готы-тетракситы" на Кавказе. В результате всего этого почти весь Крым попал в руки гуннов, а "готов" там оставалось лишь незначительное число в самих горах. Этим самым равновесие политических сил было нарушено и начались большие перемены в области северного Причерноморья.

Таким образом, никакого удара гуннов из-за Дона не было. Дон был придуман, чтобы как-то понять неожиданное появление гуннов. Это был чисто местный конфликт, приведший, однако, к крупным политическим изменениям.

Следует обратить особое внимание на совершенно отчетливое заявление Прокопия (и притом неоднократное), что гунны в древности назывались киммерийцами. На это никто не обратил должного внимания, хотя Прокопий настоящий историк, к тому же живший не так уж далеко от времени наступления гуннов. Киммерийцы, как мы знаем, жили в области

Азовского моря издревле. Поэтому Керченский пролив и назывался Боспором Киммерийским. Если они жили там еще до нашей эры и отмечены Птоломеем еще во II в. в данной области, мы избавляемся от двух загадок: 1) внезапность появления гуннов (неизвестно откуда) и 2) откуда они родом.

Вместе с тем гунны не исчезают бесследно после смерти Атиллы. Прокопий разборчиво говорит, что гун-яи делились на утригуров и кутригуров, но почти все авторы древности указывают, что именно болгары делились на эти два племени. Иначе сказать, гунны и болгары - это одно и то же. Поэтому после распада империи Атиллы гунны не испарились, а остались жить, будучи представлены главным образом "болгарами". Болгары же появились в Европе задолго до того, как это принято думать еще имп. Константин Великий (306-337), чтобы защитить лучше Фракию от нападений болгар, выделил ее в особую провинцию и отдал под руководство специального военачальника.

Таким образом, события 375 г. имели совершенно иную основу: "готы" в Крыму и прилегающей области были местные жители, геты древности, племя негерманское. Гунны были также местные жители, но другого корня и враждовали с первыми. В прошлом гунны были киммерийцами, впоследствии же стали называться болгарами.

Вся проблема гуннов переносится совершенно в иную плоскость. И вряд ли прав новейший исследователь Альтгейм (1959-1960), считавший, что гунны - это эфталиты Ирана. Вопрос нуждается в полной ревизии и совсем с иных позиций, прежде всего не филологических.

Мы остановимся на этой работе Altheim Die Geschichte der Hunnen, I-III, как на новейшей и, казалось бы, долженствующей подытожить наши знания на данный момент: в 3-томном труде это вполне реализуемо. При ближайшем ознакомлении оказывается, что это вовсе не история - это филологические экскурсы в область истории. Мы были вправе ожидать в труде с таким названием прежде всего систематического перечня всех дат, лиц, событий, которые играли существенную роль в истории гуннов. Ничего этого нет. Данные первоисточников о гуннах в Европе не даны и не приведены в порядок после критического анализа: все внимание уделено вопросу об эфталитах, т. е. откуда произошли гунны. Вопрос, конечно, важный, но еще более важно знать, что и как сделали гунны. Об этом решительно ничего нет. История игнорируется совершенно. Напрасно вы будете искать в трехтомном труде данные о вождях гуннов, хронологию их побед и поражений, допытываться о ходе инвазии на запад, о государстве Атиллы, о роли негуннских племен в создании гуннской империи, о влиянии вообще гуннов на Европу и, наконец, о том, как государство их пало и что от него осталось.

Поражает полное отсутствие археологических данных и пренебрежение ими. Альтхейм имел полную возможность привлечь к сотрудничеству и археологов, но этого он не сделал. Несмотря на то, что передвижение гуннов началось с 375 г. и остановилось со смертью Аттилы в 453 г., т. е. развивалось по крайней мере 78 лет, о "гуннской культуре", как об археологической основе, не сказано ни слова.

Мы располагаем сообщениями о медалях, монетах Аттилы, находками, считающимися за "сокровища Аттилы", и иными материалами, характеризующими культуру гуннов, но о них - ни слова, все сводится к филологической эквилибристике, которую порой даже трудно принять за науку. Если бы труд носил заглавие "Филологические заметки к вопросу о гуннах", мы не возражали бы, но в данном труде истории вообще нет и трудно понять, почему Альтхейм выбрал такое претенциозное и неудачное заглавие.

Между тем несомненно, что памятники материальной культуры могут дать для истории гуннов гораздо больше, чем филология. Говорят, что культура номадов очень однообразна. Это верно лишь отчасти. И вовсе неверно в приложении к гуннам, о которых мы знаем, что вожди ^ их имели постоянные ставки, значительные архитектурные сооружения и т. д.

Все это оставлено Альтхеймом в стороне. Его исследования построены на чрезвычайно узкой базе. Он не понимает того, что филология может играть в разрешении вопросов только вспомогательную роль, без истории и археологии его филология - пустая забава, облеченная в тогу науки.

В состав империи Аттилы входили самые разнообразные народы, в т. ч. и оседлые. Все они, будучи подчинены гуннам, находились в постоянной связи и не могли до известной степени не сливаться в один общий котел. Не следует и забывать, что государство гуннов было на-

стоящим государством, а не беспорядочной ордой номадов. Трудно представить, чтобы они обходились без собственной монеты или какого-то эквивалента.

Из данных Приска мы знаем, что у Аттилы была какая-то письменность: имелись, например, списки беглецов, которых разыскивал Аттила и требовал их возвращения от Рима и Византии. Несомненно, что эта письменность существовала не только для списков беглецов. Чтобы управлять судьбами Европы, притом в течение стольких лет, нужна была организация, и она была.

Наконец, в "Истории гуннов" нельзя обойти молчанием и период упадка, который длился очень долго. Еще в 791 г. в одной из хроник сказано, что река Энс служит границей между баварцами и гуннами. Стало быть, влияние гуннов сказывалось еще в конце VIII в. И об этом в упомянутой книге - ни полсловечка. Естественно, что при таком положении дела мы долго еще не будем знать, кто такие были гунны и что они сделали. Мы нуждаемся в истории, а не в жонглировании слогами и звуками, которое ни на шаг не продвигает нас по пути знания. Книга Альтхейма - показатель упадка науки.

Вернемся, однако, к событиям 375 г. и ближайших годов. Когда "готы" в совершенной панике ринулись на север, атакованные с тыла, гунны, а именно кутригуры, доследовали за ними и вскоре оказались в непосредственной близости к устью Днепра.

Здесь начиналась основная область "готов" Германариха, которая, по Иордану, занимала всю Скифию и Германию. Нет никакого сомнения, что Иордан преувеличил силы Германариха во много раз по сравнению с действительностью.

Силы гуннов сначала были незначительны и, конечно, не могли бы опрокинуть империю Германариха, если бы она была такой, какой ее описал Иордан. Однако удача в Крыму значительно усилила их материально, а главное - посеяла всюду панику. Ряд племен подчинился без боя, другие были деморализованы и потерпели неудачу в боях. Гунны применили давнишнюю тактику номадов: они погнались только что покорившихся на передовую линию против следующих врагов, а сами оставались позади, подстегивая своих подчиненных и помогая им в самые решительные моменты. Это предохраняло их от значительных потерь в людях. Таким образом, нарастая, как снежный ком, появлялись они и в Средней Европе, захватили в своем движении на запад и среднеевропейские славянские племена, которые стали служить им буфером против их врагов на западе.

Эта роль славян была столь значительна, что славян стали называть "гуннами" по их подчиненности последним, что непременно следует иметь в виду при расшифровке этнических (а не политических) отношений в ходе исторических событий. Это отождествление славян с готами, гуннами и аварами (указания историков не косвенные, а прямые) создало огромную этническую путаницу, которую еще долго придется разбирать.

Непосредственно с гуннами сталкивались и южноруссы, но об этом в другом разделе.

Глава 12

Зачаточная письменность славян

На первый взгляд может показаться, что история развития письменности у славян имеет весьма отдаленную связь с историей славян. На деле это не так. Наоборот, правильно подойти к пониманию истории славян можно, лишь выяснив основные этапы письменности у них. В самом деле: для написания действительной истории необходимо использовать не только исторические хроники, грамоты, различные документы, но и отдельные, даже отрывочные записи на камнях, металлических предметах, глиняных сосудах и т. д. Уже одна находка предмета со славянской надписью часто доказывает, что в месте ее обнаружения жили славяне или, самое малое, что жители этой местности были в общении со славянами. Такие отрывочные надписи, как правило, не датированы. Поэтому, хотя сопутствующие факты и обстоятельства говорят в пользу определенной эпохи, к которой относится находка, последнюю игнорируют, ссылаясь на то, что в ту эпоху "еще не было славянской письменности". В связи с этим находку относят либо к значительно более поздней эпохе, либо ее замалчивают, либо, что еще чаще бывает, квалифицируют ее как... подделку. Вследствие этого значительной ценности исторические данные остаются не включенными в ткань истории. В результате история оказывается беднее, чем она есть на самом деле, и ее развитие замедляется.

Ниже мы попытаемся изложить в самых общих чертах историю развития письменности у славян, не вдаваясь в подробности, ибо это - предмет особой монографии. Мы ограничимся лишь изложением того, что должно помочь пониманию и развитию истории.

Многое будет идти вразрез с крепко установившимися представлениями, но мы напомним, что в науках; и гуманитарных, и точных, случались и революции побольше, что это неизбежный этап в постепенном приближении к истине.

Мы подчеркиваем также необходимость беспристрастности в отношении славян: по способности к умственному развитию они были не ниже римлян, греков, германцев, кельтов и т. д., они такие же люди, как и другие, а главное то, что они издревле сталкивались с народами,

имевшими письменность. Следовательно, у них была полная возможность создать и свою собственную. Если у нас появляются вполне законные основания думать, что в данную эпоху и в данном месте у славян не было письменности" то это надо доказать, а не отрицать находку по одному тому, что "в эту эпоху у славян еще не было своей письменности". В последнем случае исходят, как из аксиомы, из того, что еще необходимо доказать. Если; когда-то Французская Академия наук отрицала падение метеоритов или существование вечной мерзлоты в Сибири, то это еще не значило, что метеориты перестали падать на землю, а вечная мерзлота исчезла. Надо подчиняться здравому смыслу, логике фактов.

В отношении прошлого нам свойственна одна, общая для всех народов черта: рассматривать минувшее, как нечто гораздо более примитивное, чем это было на самом деле. Нужно помнить, что даже в области техники мы не только не изобретаем нечто новое, но и забываем то, что когда-то умели делать превосходно. Несколько столетий тому назад в Западной Европе, в Голландии, например, умели изготавливать стекло, через которое все было видно! изнутри и ничего - снаружи. Секрет забыт или утерян, Когда в конце минувшего столетия русская императрица, восхищенная находкой серег пантикапейской царицы, захотела получить копию их, лучший ювелир Европы; Фаберже не мог ее изготовить в точности: мельчайшие золотые шарики по четыре, составлявшие орнамент одной из частей, сливались у него при паянии в один большой. То, что мог делать ювелир 1500 лет тому назад, ювелир конца XIX в. был не в состоянии повторить. Поэтому мы просим читателя отрешиться от затверженных истин, а попытаться совершенно независимо разобраться в имеющихся фактах.

В истории развития славянской письменности мы можем различать три этапа и три группы разных алфавитов с множеством вариантов, но это и не могло быть иначе, ибо нельзя ожидать единообразного решения проблемы на пространстве от Эльбы и до Дона, от северной Двины до Пелопоннеса.

Эти три группы следующие: 1) руны, или "руница", 2) "глаголица" и 3) "кириллица" и "латиница", основанные на греческом или латинском письме.

Существовали и некоторые другие алфавиты, почто не оставившие следов, но на них мы не будем останавливаться (кое-что читатель найдет о них в 9-м выпуске нашей "Истории руссов", Париж, 1959, стр. 925-948, глава "О начале славянской письменности").

Славянские руны, или "руница". Сведения наши о славянских рунах очень бедны и отрывочны. Русские ученые этим не занимались. Одно несомненно: они существовали. В скандинавских источниках они называются "Venda Runis", т. е. "вендскими рунами". Сохранились и сами надписи славянскими рунами. Количество их невелико. Во-первых, рунами писали очень давно и они вышли из употребления много веков тому назад, поэтому предметы, несшие рунические письмена, за давностью времени погибли. Во-вторых, славянскими рунами мало кто занимался в широком понимании этого слова. Однако не всякий ученый-"рунист" мог взяться за славянские руны: надо было знать хорошо и славянские языки, поэтому надписи славянскими рунами остались просто непочитанными. В-третьих, литератур руническими письменами не существовало: руны употреблялись лишь для кратких надписей на могильных камнях, на пограничных знаках, на оружии, украшениях, монетах и очень редко на полотне или пергаменте.

Откуда происходят руны, кто является их изобретателем, что означает само слово и как оно связано с языком - неизвестно. Д. Жункович (D. Zunkovic, 1918, *Die slavische Voizeit. Maribor 1-434*) предполагает даже, что само слово "руны" славянского корня: "руна", "руня" будто бы означает "борозда", "врез", а "руги" - "врезать", "гравировать". Можно было бы привести украинское "рилля" (борозда при пахоте), русское "рыть" и т. д., но при современном состоянии наших знаний о славянских рунах подобные суждения совершенно преждевременны. Гораздо более важно познакомиться со славянскими рунами вообще. См. напр.: D. Zwickovic, 1915, *Slavische Denkmaler. Kremsier* или Josef Ruzicka, 1924. *Slovanska Mythologie. Píaha* и т. д., которые могут помочь войти в курс дела.

Мы остановимся лишь для примера главным образом на наскальной надписи у Велестура в Кремницкой области Венгрии, перешедшей затем к Словакии. Скала находится по течению реки Вага при впадении в Туроч. Мы приведем ее в двух вариантах: Жунковича (1918) и Ружички (1924). По Жунковичу текст гласит: "прехах силиан от моране зрумих кременитю те туру и вся града и бье годе по туру двесте те осемдет". По Ружичке (в скобках пропущенные или предполагаемые буквы): "пр(и)ехах (в) Симиан от Поране (,) зрумих Кременоту те туру и всиа (г)рада и бе годе по Туру двести те осимд(е)с(я)т".

Жункович толкует свой текст как (даем с немецкого): "Явился Силлейнер от границы, разрушив Кремниц и Тур, равно как все города и все опорные пункты в области Тура, в 280" (очевидно, году).

Мы полагаем, что толкование, которое дал П. Н. Милюков ("Очерки по истории русской культуры", 1937, стр. 227), значительно приемлемей, чем Жунковича. Милюков указывает, что г. Симиан (а не Силиан)

находится при впадении Туроча в Ваг; Креница - вверх по течению Туроча и т. д.

Ружичка считает, что надпись сделана среднеевропейским вариантом рун, а именно, как он называет, "иллирико-ретинско-паннонским". Как ни читать эту надпись,, а славянство ее не вызывает ни малейшего сомнения. Время ее написания неизвестно, но не исключена возможность, что 280 является не числом, а датой. Приходит также в голову, что "зрумих" вовсе не значит "разрушил", а "из Румих", т. е. из Рима или из ромеев. Смысл тогда значительно меняется. Однако мы уклонились в I сторону. Надпись в Велестуре была сделана слева направо, тогда как в более древних рунах читать надо было справа налево.

Жункович (1918) приводит следующие местности в Словакии со скальными надписями, которые в то время еще не подвергались исследованию.

- 1) У Липтау на "Гавранна скала" на границе комитата.
- 2) На границе Зволенско-Новгородско-Малогонтско-го комитатов, в расстоянии около 4 часов ходьбы к юго-востоку от Гронеча.
- 3) В среднем Текове, севернее Иновеца.
- 4) В округе Гандль против Нова Льгота.
- 5) В округе Боглар у Бардижова около полянки "на Баниску" имеются непонятные наскальные надписи.
- 6) В окрестностях Сабинова - также рунические надписи.
- 7) На границе комитата "на Заполе" под горой Криван.
- 8) "На Голах".

Конечно, этот список далеко не полон. С другой стороны, нет уверенности, что все упомянутые надписи непременно славянские. Однако ясно, что перед нами дополнительный исторический материал, вовсе неиспользованный. Посетителю таких мест нужно быть историком, надо иметь фотоаппарат, чтобы наука могла обогатиться интереснейшим материалом. К сожалению, сводками славянских рунических надписей мы не располагаем и не будем иметь их до того, пока широкая публика не придет на помощь в поисках надписей. А нет материала - некому на нем и специализироваться.

Другой группой предметов, несущих рунические надписи, являются культовые статуэтки, особенно частые в области поморских славян. К немалому прискорбию, интерес, вызванный ими, побудил искателей легкой наживы идти на преступление против науки, среди статуэток есть, несомненно, и подделки. Однако большинство музейных материалов добыто при научных раскопках, грамотно документировано и сомнений не вызывает.

На спинной стороне одной из статуэток есть надпись "ридегаст" и "ретра", т. е. имя божества и название города. Найдена она в Мекленбурге и сделана из бронзы. Спереди - также надписи. Интересно отметить, что произведены почти совершенные копии этой статуэтки, также с надписями (тождественными), что помогает найти утраченные буквы или черты. Сколь нам известно, сводки по этому вопросу нет, а материалов достаточно. Надписи сделаны так называемыми "северно-вендскими" рунами. Существует также бронзовая статуэтка с изображением льва и надписью рунами "чернебог". На бронзовом ноже стоит надпись "свантевит". Краковский медальон несет надпись "белбог". И т.д. Совершенно очевидно, что подобные предметы разбросаны по немецким музеям, где ими мало кто интересуется или, во всяком случае, мало кто понимает: необходимо знание не только рун, славянских языков, археологии, но и верований, религиозного быта славян, чего от немцев требовать нельзя. Так и лежит этот материал, неизученный, неизвестный. Чтобы охватить такой материал, нужны средства, недоступные частному лицу, ибо надо посетить много разных музеев, владельцев частных коллекций и т. п. Такие средства могут быть представлены лишь государством. Нечего и говорить, что славянские государства не отдают себе отчета в том, сколь необходима такая работа. А вот средства на всякую ложную филологическую эквилибристику плывут щедро. Подобные предметы-документы доказывают неоспоримо существование у средневропейских славян своей рунической письменности. Если о ней мы могли догадываться, читая Адама Бременского, Гельмгольда и др., то здесь она перед нами в наличии. Северно-вендскими рунами, по-видимому, написано на камне - указателе дороги, найденной у Мыкоржина в Познани: "смир правки аличт". Это переводят: "указатель дороги на Галич". Теми же рунами сделаны надписи на нескольких монетах. На одной написано "Рурик", на другой - "Зобар". Обе они, будучи весьма отличными одна от другой, несомненно, относятся к какому-то особому типу славянских монет: на них изображена лошадь (на одной из них с весьма стилизованными ногами) и на ней большая голова всадника. Тип головы у всадников одинаковый, хотя головы смотрят в разные стороны. На одной монете ясный знак свастики. Уже одно упоминание имени Рурика должно вызывать большой интерес к подобного рода находкам. На трех других

одинаковых монетах - надпись "Вослов". Нечего говорить, что и нумизматические данные остаются в сущности неизученными или истолкованными с позиций норманской теории. Наконец, встречаются на предметах быта. Например, на ручке пятипалой фибулы на внутренней стороне написано: "Бозо (вероятно, Божо. - С. Л.) врат руна и влие а всяй я". Переводят это: "Бозо начертал руны, адлил (фибулу) и уселся". Хотя прочтение нас не удовлетворяет, славянское происхождение надписи не вызывает сомнений. Переходим теперь к южнославянским рунам, которые находили в Тироле, Италии, области Альп, южной Венгрии, Африке и т. д. Многие из них не расшифрованы. Отметим, кстати, что находки славянских рун в Африке и т. д. только подтверждают наше положение о том, напр., что вандалы были славянами (см. в другом месте).

Примеры таковы. У Клобенштейна в Тироде на горе Пипер - надпись: "лазе кзе малече", т. е. "лаз (ход) к Малече". Далее: урна, открытая у Монте Альченио, с надписью: "чай ней", т. е. "ожидай ее". Пограничный столб у Роччетга, надпись: "межу (границу) не менять". Было найдено также изображение Геркулеса в борьбе со львом и надписью: "геркде вилеке", т. е. "Геркуясе великий". Есть и другие, подобные этим, примеры. Не все надписи, однако, расшифрованы верно. Напр., саркофаг у Перуджио имеет надпись, в которой Жункович находит слово "крадь" (король), совершенно выпуская из виду, что слово это вошло в славянские языки лишь со времен Карла Великого, а изображение на саркофаге относится к римским воинам, т. е. на века раньше.

Обзор надписей не является нашей задачей. Мы лишь указываем на их существование. Древность их, конечно, весьма различна. Вероятно, это была первая, предварительная стадия развития письменности. Особой нужды в ней не испытывали. Нужно было кого-то известить - посылали гонца. Жили все вместе, никуда не разъезжая, надобности в письмах не было. Законы хранились в памяти старейшин. Песни и были передавались изустно: по опыту современности мы знаем, что память могла удержать по несколько тысяч стихов. Руны употреблялись главным образом лишь для коротких сообщений: указание дороги, пограничный столб, знак собственности и т. д. Но знали руны, очевидно, многие, это не было тайнописью, иначе их не применяли бы в местах всеобщего пользования. Основой же для настоящей письменности, когда создалось уже государство, развилась торговля, усложнились людские взаимоотношения и т. д., явилась у славян, по видимому, глаголица, которая с руницей имела мало общего - может быть, потому, что была заимствована из чужого этнического корня.

Происхождение глаголицы (буквицы)

По мнению подавляющего большинства исследователей, "глаголица" древнее "кириллицы". Мы не будем останавливаться здесь на взаимоотношениях между ними (оставим это до рассмотрения кириллицы), а ознакомимся с историей глаголицы, проследим, когда она и где возникла и с какого времени вышла из употребления.

Зародилась глаголица, по-видимому, на Адриатическом побережье Балканского полуострова, где она в отмирающем виде существует и теперь. Так как об ее истории бытуют неверные представления, то начнем с анализа фактов, которые многими упущены или истолкованы ложно.

П. А. Лавровский ("Исследование о летописи Иокимской". Ученые записки 2-го Отд. Ак. наук., 1856, кн. 2) приводит следующие слова польского хрониста Стрыйковского, пользовавшегося старыми русскими, до нас не дошедшими летописями, об обучении сыновей Владимира Великого: *"..I dai wazystkich przezczonych synow i pizy nich kilkaset syndw bojarskich, pisma greckiego a hiaholskiego (kttorego dzis Rus uzywa), uczyc, przelozwazy nad nimi diaki i miodziencе swiczone"*, т. е. "и дал всех вышеупомянутых сынов своих, и при них несколько сот сынов боярских учить письму греческому, а также глаголическому (которое Русь и сегодня употребляет. - С. Л.), поставивши над ними дьяков и обученную молодежь".

Б. С. Ангелов (Труды отдела древнерусск. литер. Ак. наук, 1958, 14, стр. 136) излагает этот отрывок вкратце так: *"...Владимир отдал своих сыновей и детей бояр учиться греческому и славянскому глаголическому письму"*.

Место это требует комментария, так как оно гораздо глубже и важнее по содержанию, чем это на первый взгляд кажется. Во-первых, надо принять во внимание размах мероприятий Владимира: он заставил учиться несколько сот боярских детей. Во-вторых, в трактовке Ангелова можно понять, что дети Владимира учились греческому языку, т. е. писать по-гречески. Это вовсе не так чтобы учиться писать по-гречески, надо прежде всего изучать греческий язык. На деле же учили писать кириллицей, которая из-за схожести с греческими буквами называлась "греческим письмом", или глаголицей. Не могли же дети Владимира учиться глаголице и греческому письму, а кириллице не учиться. Они учились, несомненно, уже после 990 г. (года крещения Руси!), т. е. когда средневропейские славяне уже имели более 100 лет литературу, написанную кириллицей.

В школе Владимира (ум. в 1015 г.) изучали два славянских алфавита: 1) кириллицу, поднимавшуюся вверх, и 2) глаголицу, шедшую уже вниз, но бывшую при Владимире еще столь-употребительной, что не изучать ее было нельзя, ибо имелось множество рукописей, написанных глаголицей. По свидетельству Огрышковского (1582), это письмо Русь применяла еще в его время. Глаголица отмирала весьма постепенно и на Балканах удержалась местами по сей день. Находка "влесовицы" (см. "История руссов в неизвращенном виде", 1957, вып. 6-й) позволяет догадаться, почему кириллица вытеснила глаголицу: руссы не только писали или рисовали буквы, но и особенно часто выдавливали их на дереве или березовой коре (новгородские находки последних лет), втирая затем краску во вдавленные места, если собирались хранить написанное долго. В этой связи кириллица, с ее прямыми или слегка округлыми линиями, имела огромное преимущество перед глаголицей, с ее мелкими завитками или петлями, которые вырезать или выдавливать было очень трудно.

Что глаголица старше кириллицы, видно из следующих прямых и косвенных указаний.

1. В договоре Светослава Храброго с Иоанном Цимисхием (Л. И. Лейбович, 1876, "Сводная летопись", составленная по всем изданным спискам, вып. 1, 63-64) мы находим: "Это грамота дана в Верестре месяца июля индикта "д1", т. е. 14-го. Свидание Светослава с Цимисхием состоялось не 14-го, а 15-го индикта, именно в 6480 (972) г. Почему произошла эта ошибка? И. И. Срезневский (1882, "Древние памятники русского письма и языка", СПб., стр. 10) указал ее причин: данный текст переписывался с глаголического письма на кириллицу. В глаголице буквы "д1" означали не 14, как в кириллице, а 15; стало быть, никакой ошибки в оригинале не было.

Данный пример, подчеркнем кстати, показывает, почему в летописи проникали хронологические ошибки. При переписывании летописей с глаголического письма на кириллицу переписчики точно повторяли буквы-цифры, но не учитывали, что в кириллице они означают уже другие числа. Ошибку мог заметить переписчик-историк, а не простой копиист. В данном же случае мы знаем, что переписывал человек, не очень сильный в глаголице: он, напр., прочитал: "с всяким великим цесарем гръчьским". А было написано: "с Иваном"!

Этот договор косвенно показывает, что еще в 972 г. некоторые официальные документы на Руси писались глаголицей. Да и вряд ли могло быть иначе: Светослав был ярким врагом христианства, а кириллица была христианским письмом.

2. В прошлом столетии существовала (возможно, что существует до сих пор) Псалтырь, относящаяся к 1222 г. и переписанная монахом Николаем из Арба (Раба) при папстве Гонория, императорах Фридрихе и Роберте, при короле Андрее Венгерском, при архиепископе Гунцеллюсе из Спалато, глаголическими буквами из старой славянской Псалтыри, написанной по приказу и коштом Феодора, последнего архиепископа Салона. Переписано, как сказано, совершенно точно. Так как Салона была разрушена около 640 г., то славянский глаголический оригинал относился по крайней мере к 1-й половине VII в., св. Кирилл же родился в 827 г. Таким образом, глаголица существовала самое малое за 200 лет до Кирилла.

3. В русской специальной литературе (см., напр.:

А. М. Селищев, 1951, "Старославянский язык", 1-й том, стр. 72) совершенно не упоминаются обстоятельства, связанные с так называемым Клоцовым кодексом.

А между тем на пергаментных листках имеются следующие приписки, одна на старонемецком языке: "Dieses buch (Buch) hat Sant Jeronimus rait eigener hant (hand) geschrieben in Grabatischer sprach (Sprache)". Таким образом, перед нами указание, что "клоцовские листки" написаны не на "старославянском языке", а на хорватском. А это большая разница. Ибо язык листков оказывается не "протоязыком", так сказать, славян, а местным диалектом.

Другая надпись, уже по-латыни, гласит: "Isti quintemi, Ые intus ligati, script! merunt de manu propria S. Iheronimi ecclesie Dei doctoris acutissimi. Et sunt biblie pars in lingua Croatina scripta" (далее идет длинная история перехода рукописи от одного владельца к другому).

Таким образом, имеется свидетельство, что листки "Клоцовского кодекса" были написаны собственноручно св. Иеронимом. Родился он в 340 г. в Стридоне, в Далмации. Он был, безусловно, славянином, ибо называет далматинцев или иллирийцев в своих письмах "linguae sual homines", а также сообщает, что он перевел Библию своим землякам. Нам ведомо также, что "Клоцовский кодекс" был одно время объектом религиозного пиетета: листки его были обрамлены в серебро и золото и делились между родственниками владельца, чтобы каждому досталось хоть что-нибудь от этого ценного наследства. Мы располагаем, таким образом, историческим документом, доказывающим, что св. Иероним еще в IV в. пользовался глаголицей, его даже считали автором этого алфавита.

Подобное утверждение не является единственным: в 1766 г. граф Клемент Грубисич (Klemens Grubisich) издал в Венеции книжку "In originem et historiam alphabeti Slavonici Glagolitici, vulgo Hieronymiani disquisitio". Заглавие говорит само за себя. Грубисич утверждает, что глаголица была составлена еще задолго до Р. Х. неким Fenisius'ом из Фригии, взявшим в основу гетские руны. Что это похоже на правду, доказывают некоторые финикийские монеты, несущие, напр., глаголическое "Б" (см. также далее). Мы знаем также, что около 1640 г. Рафаил Ленакович (Raphael Lenakovich) написал диалог "De litteris antiquorum Syriorum", в котором он говорит почти то же самое, но более чем на 125 лет раньше Грубисича. В 1613 г. Glaude Duret (см. нашу "Историю руссов", вып. 9, 1959) в своей книге привел два глаголических алфавита, приписываемых им Иерониму (см. стр. 933 и 935, где нами воспроизведены копии алфавитов). Что св. Иероним был изобретателем глаголицы, утверждал еще в 1538 г. Вильгельм Постелл в работе "Linguarum XXII characteribus differentium alphabetum".

Ко всему этому добавим, что I. von Hahn нашел у албанцев алфавит, приписываемый албанцу Vuthakukus, очень похожий на глаголицу. Полагают, что этот алфавит был введен во II в. во времена христианизации албанцев.

Из вышесказанного ясно, что история глаголицы совершенно не такова, какой ее представляют, в особенности советские филологи и историки. Она до примитивности ими упрощена. Кто ее автор - неизвестно. Конечно, не святой Иероним. Больше вероятия, что он ею лишь пользовался и только молва приписала ему авторство.

Возможно, наше предположение (см. наш труд: "Пересмотр основ истории славян", 1956, вып. 1, стр. 111) гораздо ближе к истине, чем это принято филологами. Несомненно одно: глаголица на века древнее кириллицы. Именно поэтому на старинных пергаментах (палимпсестах) всегда кириллица перекрывает глаголицу.

Нельзя не отметить, что вышеизложенные данные (а их, конечно, можно собрать гораздо больше) совершенно игнорируются советскими филологами. Пусть даже теория происхождения глаголицы от св. Иеронима ложна, все же не следует умалчивать о том, что она существует. Если автор данной работы не может вдаваться в критику ее, то сказать, что она неверна, он обязан. Мы, однако, располагаем достаточными данными, говорящими, что дело не в нехватке места для критики, а в том, что советские ученые просто не знают западноевропейской литературы по этому поводу (показатель отсталости советской науки).

Обратимся же к нашему предположению, что создателем глаголицы был Ульфила. Ему приписывали то, что называют "Кодекс Аргентеус" (см. выше). Однако имеется чрезвычайно важное свидетельство, говорящее решительно против этого. Это - свидетельство Иордана. Последний писал: "Были еще и другие готы, которые называются Малыми, хотя это - огромное племя. У них был свой епископ и примаг Вульфила, который, как рассказывают, установил для них азбуку. По сей день (т. е. середина VI в. - С. Л.) они пребывают в Мезии, у подножия Эмимонта. Это - многочисленное племя, но бедное и невоинственное. Оно ничем не богато, кроме стад различного скота, пастбищ и лесов. Земли (их) малопродуктивны. Засеяны как пшеницей, так и другими видами (злаков). Некоторые люди там даже вовсе не знают виноградников, существуют ли они вообще где-либо, а вино они покупают себе в соседних областях, большинство же питается молоком".

Этот отрывок позволяет сделать много важных и интересных заключений.

1. Иордан отличал "Великих" готов, историю которых писал, от так называемых "Малых", центром которых в его времена был г. Никополь на реке Янтра и окружающих предгорьях Балкан. Это было большое племя. Иордан называет его "огромным". Оно продолжало существовать во времена Иордана, тогда как "Великие" готы к той поре уже сошли с исторической сцены. "Малые" же готы существовали и после Иордана.

2. О родственных отношениях между этими группами готов Иордан не говорит ни слова. Это показывает, что обе группы не были близки одна к другой, иначе Иордан, патриот племени готов, не преминул бы упомянуть об их истории, родственных связях, династических отношениях и т. д. Его полное молчание в этом отношении можно объяснить лишь тем, что "Малых" готов он за настоящих готов не считал. Упомянул он их потому, что какие-то другие готы существовали, и ни слова не проронить о них он не мог. Достаточно взглянуть на приведенный отрывок, чтобы почувствовать, что Иордан говорит о чужом и малоинтересном для него народе.

3. У нас все основания полагать, что "Малые" готы Иордана были потомками тех самых готов, которых еще Фукидид упоминал именно в связи с этой же местностью. Как раз они стали жертвами созвучия и вместо готов стали зваться готами. Лишь для различия их стали добавлять к их имени "Малые". Есть много резонов считать их историю доходящей до Троянской войны. Иордан по неведению прилепил ее к истории "Великих" готов, воспользовавшись созвучием: гет - гот.

4. Сведения его о "Малых" готах, вероятно, целиком исчерпывались лишь тем, что он о них сказал. Даже о таком важном событии, как изобретение алфавита Ульфилой, Иордан отзывается, добавляя: "как рассказывают", т. е. он снимает с себя ответственность за то, что он написал, а возлагает ее на других. Из этого явствует, что он не слишком-то доверял передаваемому другими сообщению. А кроме того - что "Малые" готы были ему чужды: будь они родственны, он узнал бы о них больше, да и вообще не столь скептически отнесся бы к сообщению о существовании у них письменности.

5. Слова Иордана показывают, что между готской письменностью, за каковую ее принимает современная наука, и письменностью Ульфила нет ничего общего. Сам Иордан за готскую ее не считает. Если бы алфавит, изобретенный Ульфилой, был тем самым, которым якобы пользовались готы и образцом которого является "Кодекс Аргентеус", то Иордан об этом не только упомянул бы, но и расписал бы самыми яркими красками.

Во-первых, Ульфила был гот, по терминологии Иордана. Следовательно, Иордан имел основание, будучи сам готом, гордиться достижением своего соплеменника и переносить славу его на всех готов. Во-вторых, перевод почти всей Библии (за исключением Книги Царств) был крупнейшим культурным событием в жизни целого народа, а не только одной личности, но об этом Иордан хранит гробовое молчание. В-третьих, если бы во времена Иордана существовала готская письменность, то он не преминул бы о ней упомянуть, ибо это имело бы, огромное политическое значение, в особенности при той цели, которую поставил себе Иордан: возвеличить значение, роль и древность готов. А между тем об алфавите Ульфила он отзывается с сомнением.

То, что он приписывает готам существование у них еще в древности великих философов и ученых, идет совершенно вразрез с полным умолчанием того, что у готов была собственная (ульфиловская или не ульфиловская - все равно) письменность, ибо даже в древности ученость была связана с письменностью. Все это показывает, что письменность "Малых" готов Иордан за свою, готскую, т. е. "Великих" готов, не считал.

6. Полное умолчание Иорданом существования у "Великих" готов своей письменности, недоверчивое отношение его к бытованию ее у "Малых" готов, равно как и чрезвычайно слабая осведомленность о ней, отчетливо показывают, что так называемый "Кодекс Аргентеус" ко времени написания "Геттики", т. е. к 551 г., еще не существовал. Между тем Ульфила умер еще в 383 г. Значит, за 168 самое малое лет труд Ульфила имел достаточно времени для своего распространения, признания и подражания, ибо настоятельная необходимость в

письменности у каждого народа настолько значительна, что задержать ее развитие, в особенности если эта письменность достигла такой степени, что ею уже пользуются для таких огромных трудов, как Библия, - невозможно. Из этого следует, что "ульфилица" вовсе не была алфавитом "Кодекса Аргентеуса". Стало быть, она могла быть и глаголицей, к рассмотрению чего мы и переходим.

Валафрид Страбо (Walafried Strabo, ум. в 840 г.; см. *Partologia latina*, 114, Col. 927, de rebus eccles, 7) писал: "Gothi et Getae qui divinos libris in sua locutionis proprietatem transtulerint, quorum adhuc monumenta apud nonnullos habentur. Et fidelium fratrum relatione didicimus apud quasdam Scytharum gentes, maxime Tomitanos, eadem locutione, divina hactenus celebrari officia".

Таким образом, еще задолго до Кирилла у гетов уже были переведенные на их язык священные книги, т. е. имелась какая-то письменность, и до момента написания труда Страбоном они совершали богослужения на родном языке. В особенности это относилось к жителям города Томи. Именно того города, где еще в IV в. епископствовал Ульфила. Возможность преемственности напрашивается сама собой.

Архидиакон Фома (см. Fr. Racki. *Thomas Archidiaconus. Historia Salonitana*, in: "Monumenta spectanda ad hist. Slav. meridion, XXVI. 1894. Zagreb, изд. местн. Акад. наук; также in: Lucius, I. 1666. *De regno Croatiae et Dalmatiae*) писал в XIII в.: "Gothi Thomae sunt glagolitae...", т. е. готы (вернее, геты) г. Томи глаго-литане, иначе сказать, придерживающиеся глаголицы (см. стр. 49, примечание). Значит, еще в XIII в., когда кириллица уже всюду побеждала, в Томи глаголица еще существовала.

Что речь идет о глаголице, видно из слов: "Dicebant enim, goticas literas a quodam Methodio heretico fuisse repertas, qui multa contra catholice fidei normam in eadem slauonica lingua mentiando conscripsit".

Архидиакон Фома (католик) считал в XIII в., что готские буквы изобретены еретиком Мефодием, который на этом славянском языке написал много лживого против католической церкви. Совершенно очевидно, что Фома, писавший через несколько столетий после Мефодия, допустил неточность: он считал, что Мефодий изобрел какой-то алфавит для славян. На самом деле изобретателем алфавита был брат Мефодия Кирилл. И Мефодий лишь после смерти брата продолжал бороться против католицизма. Так, он утверждает, что томитанцы придерживаются даже в его дни глаголицы. Можно предположить, что именно глаголицей были написаны Мефодием статьи против католицизма, иначе говоря, прийти к ложному выводу, что

глаголицу изобрел Кирилл. Однако тот же Фома (ум. в 1268 г.) писал, что для пропаганды "готического" письма и "готской" веры в Далмацию прибыл в свое время священник Ульфус (разумеется, Ульфила): "quidam sacerdotus advena, Virus nomine, ad Groatie partes accederat (p. 49). Он же добавляет, что народ этот назывался многими готами, тем не менее они были славяне ("Gothi a pluribus dicebantur, et nihilominus Sclavi, p. 46).

Это сообщение подтверждает высказанное нами еще в 1956 г. мнение, что глаголицу изобрел (или, по крайней мере, ввел) Ульфила, а также проливает свет на дальнейшую историю глаголицы.

Она рисуется так.

1) Ульфила, когда еще был в Кроации священником, ввел там ее в употребление (Св. Иероним несколько позже пользовался ею). Потом он стал епископом в г. Томи. Но глаголица продолжала развиваться в Далмации, где ее родина. И здесь сохранилась еще до сих пор, пережив 16 столетий.

2) Видным центром, куда перешел Ульфила, был г. Томи - близ Черного моря. Здесь глаголица существовала во времена Страбона (ум. в 840 г.), т. е. по меньшей мере за 20 лет до изобретения кириллицы. Она же употреблялась там почти до конца XIII в. В других же местах кириллица ее вытеснила. Наконец, она исчезла в связи с событиями даже в Томи, но в Далмации удержалась, хоть и влачит последние дни своего существования.

Главное то, что она изобретена была для славян, употреблялась славянами и распространена была исключительно в славянских странах. Начало ее относится к IV в.

Кто же, в конце концов, изобрел глаголицу? Мы можем сказать наверное (см. также далее): не Кирилл и не Иероним. Скорее всего это был Ульфила или на его долю выпало быть тем, кем был Кирилл для кириллицы, именно усовершенствователем. Ульфила родом был гет. Образование свое он получил в Византии и принадлежал к числу высокообразованных людей, что было отражено хотя бы его высоким положением в церкви, - он был епископом (рукоположен в Царьграде). До нас дошли смутные сведения, что настоящим изобретателем глаголицы был фригиец Фенизий, использовавший для своего алфавита гетские руны. На первый взгляд может показаться, что между Ульфилой и Фенизием никакой связи нет. Обратимся, однако, к истории.

Геродот (7, 73) говорит следующее: "Фригийцы, по словам македонцев, назывались бригами (бригес), пока они жили в Европе в

земле македонцев. Когда они перебрались в Азию, изменили они с землей и свое имя - стали фригами (фрюгас)". Как мы видим, изменение произошло незначительное: первоначальное твердое "б" превратилось в мягкое "ф" - явление и по сей день обычное: вспомним произношение русских слов немцами. Попав в иное фонетическое окружение, бриги обратились во фригов. У нас, однако, есть основание думать, что и первоначальное их название не дошло до нас в точной огласовке. Некоторые полагают, и небеспочвенно, что настоящее имя этого племени было "бриги", т. е. жители берега. Они действительно жили вдоль берега Эгейского моря. В силу каких-то причин они переселились через залив и стали "фригами".

Тот же Геродот (7, 75) - о живущих у Сангария вифинцах: они, как это они сами говорят, назывались раньше стримонами, так как жили по Стримону в Македонии, но были оттуда вытеснены тевкрами и мизийцами.

Страбон (7, 3, 2): "Эллины считали гетов за фракийцев. Они живут по обеим сторонам Истра (Дуная), равно как и мизийцы, которые равным образом являются фракийцами и ныне называются мэзийцами, от которых происходят теперь живущие между лидийцами, фригийцами и троянами мизийцы. Также фригийцы в сущности - бриги, фракийский народ, как и митдоны".

Мы не останавливаемся за ненужностью на дальнейших выдержках. Из них явствует, что фригийцы были переселены с Балкан, что они принадлежали к так называемой группе фракийцев, т. е. восточных балканцев, и были тоже фригами. Поэтому Фенизий и Ульфила были, по-видимому, соотечественниками.

Геты в древности обладали высокой культурой. И сами греки заявляли, что геты почти ничем не отличаются от греков. Вместе с тем весьма вероятно, что под частью понятий "геты" скрывались и славяне (см. мнение архидиакона Фомы и др.).

Замечательно то, что, по-видимому, дед Ульфила жил еще, если память не изменяет, в Капподокии, но во время войны был захвачен в плен и переселен на Балканы. Поэтому нет ничего удивительного, что Ульфила, проповедовавший христианство у гетов, действительно воспользовался уже существовавшими гетскими рунами (балканскими или малоазиатскими - роли не играет). Такова намечается линия происхождения глаголицы.

Конечно, вопрос еще окончательно не решен, но читатель может убедиться, что, каково бы ни было окончательное решение, оно совсем не

то, что предлагает нам советская филологическая наука (см. дальше). Глаголица на века древнее кириллицы. Зная это, много исторических документов или отдельных надписей можно переоценить: если глаголицу, как это принимают, создал кто-то в IX в., то всякий документ глаголицей до этого времени будет отрицаться лишь потому, что, мол, глаголицы тогда еще не было. Огромной ценности документы будут обесценены и отброшены совершенно без оснований наукою. О взаимоотношениях глаголицы и кириллицы мы будем говорить в следующей главе.

Но прежде чем перейти к следующей главе, следует сказать несколько слов о том, что существовали, по-видимому, алфавиты очень древние и помимо глаголицы.

Интересные сведения мы находим в сочинении "О письменах" болгарского монаха Храбра, писавшего не позже начала X в., ибо сказано, что еще живы те, кто видел "Кирилла и Мефодия. Он писал: "Прежде убо словене не имеху книг, но чрътами и резами чьтеху и гатааху, погани суще. Крътившежеся, римьсками и гръчьскими писмены нужаахуся (писати) словенску речь без устроения".

Итак, черноризец Храбр различал две ступени развития славянской письменности: 1) до принятия христианства и 2) после того. С введения христианства (а хорваты, заметьте, приняли его еще в 640 г.) славяне стали писать латинскими и греческими буквами, но "без устроения", т. е. беспорядочно, бессистемно, как кому это было удобнее или казалось лучше. Так продолжалось долго, сообщает далее Храбр. Действительно, прошло более 220 лет (срок огромный), пока не появился Константин Философ. Началом кирилловской письменности Храбр считает 863 г. Следует отметить, что Храбр ни словом не обмолвился о существовании двух алфавитов - глаголицы и кириллицы, хотя и Кирилл, и Мефодий уже не было в живых. А между тем (см. ниже), по Якубинскому, кириллица была создана "вдогонку" глаголице. Значит, Храбр не мог не знать о существовании двух алфавитов: одного, изобретенного Кириллом, и другого - кем-то неизвестным, "вдогонку" первому. Может явиться мысль: почему, однако, Храбр ничего не сказал о глаголице? Объясняется просто: монах Храбр был болгарин, т. е. представителем восточной группы балканских славян, тяготевшей к Царьграду, поэтому он и игнорировал глаголицу, распространенную более у западных славян, издавна подчиненных в религиозном отношении Риму. Не упоминает он и о других славянских письменах (см. ниже), хотя это могло случиться потому, что те не были христианскими. Однако Храбру была известна и предварительная стадия письменности, дохристианская, "чертами и резами". К сожалению, в доступной нам литературе мы не могли найти анализа этого выражения Храбра и отрывка в целом. Каждый автор делает вид, что в этом отрывке все ясно и понятно. На самом деле это не

так. И выражение "чьтеху и гатааху" нельзя рассматривать как совсем понятное.

По смыслу фразы можно полагать, что речь идет о "считали и писали" или, вернее, "считали и читали", но слово "гатааху" совершенно не подходит. В отношении "чьтеху" также нельзя быть уверенным, что мы его верно понимаем, ибо существуют два близких слова: "честь" (т. е. считать) и "читать". "Чьтеху" - скорее всего все-таки "считать" (в том смысле, что для счета употребляли черты и резы). Что же касается слова "гатааху", то нам кажется, что тут описка. Не "гатааху", а "читааху", так как буквы "ч" и "г" пишутся весьма похоже и спутаны могут быть очень легко. Иначе сказать, мы предполагаем, что в оригинальном тексте было написано "чатааху", т. е. "читаяху", а переписчик прочитал неверно.

Так или иначе, а Храбр в начале X в. определенно указывал на существование в древности у славян своей особой письменности.

Продвигаясь далее в глубь древности, мы наталкиваемся на Грабана Мавра (*Grabanus Maurus*, 776-856), который был с 847 г. архиепископом в Майнце и который написал труд о письменах - "*De inventione linguarum ab Hebraeae usque The odiscam et notis antiquis*". В этом труде он сообщает, что нашел буквы философа Этика, по национальности скифа. Об Этике известно, что он родился в Истрии, был славянином и в 1-й половине IV в. изобрел буквы для славянского письма. Но буквы эти не имели никакого сходства с глаголицей. Этик был видным ученым: блаженный Иероним переводил его труд по космографии.

Итак, еще в IV в. ряд ученых (Этик, Ульфила, Иероним) писали для славян различными славянскими шрифтами. Были, конечно, и другие имена и попытки, которых мы не знаем, а возможно, и ленимся узнать, в самых же капитальных трудах советских ученых об этом - ни единого слова! О наличии у славян своей азбуки можно почерпнуть сведения из "Жития" св. Иоанна Златоуста. В своей речи в 398 г. он сказал, что "скифы (в которых мы имеем все основания узнать славян, судя по дальнейшему списку народов), фракийцы, сарматы, мавры, индийцы и те, что живут на конце света, философствуют, каждый переводя Слово Божие на свой язык".

Принимая все сказанное во внимание, мы можем утверждать, что к концу IV в. у славян (и не у одного племени) уже была своя письменность, и далеко не примитивного характера, ибо переводить богослужебные книги могли лишь народы, стоящие уже на очень высокой ступени культуры. Само собою разумеется, что эта славянская письменность не была чем-то единым: в разных местах и в разные времена вопрос решался по-разному. Поэтому и следов оставалось немного.

К сожалению, это наследство совершенно не изучается, хотя от него сохранилось достаточно следов, чтобы составить более или менее ясную картину развития письменности в прошлом.

Современную филологию характеризуют необыкновенная косность мышления и узость базы научного материала хотят создать представление, что все уже известно и изучено, а на самом деле это далеко не так. Если с таким положением еще можно было мириться в прошлом, то в наши времена сказочной техники нельзя допускать, чтобы гуманитарные науки все еще толклись вокруг вопроса о том, сколько тысяч чертей может поместиться на кончике иглы.

Глава 14

Происхождение кириллицы и ее вариантов

Чтобы ознакомиться с положением дела, рассмотрим сначала, как представляет себе вопрос современная советская наука, и возьмем для этого два труда: "Старославянский язык" А. А. Селищева, 1951, т. 1-2; "История древнерусского языка" Л. П. Якубинского, 1953; они являются подытоживанием современной русской филологии. (После критического рассмотрения взглядов этих авторов мы изложим историю кириллицы, как она нам представляется на основании всего доступного нам материала.) Следующие основные положения разделяются обоими упомянутыми авторами.

- 1) С самого начала славянской буквенной письменности существовало две системы, два алфавита: глаголица и кириллица.
- 2) Глаголица была древнее кириллицы и в конце концов повсюду (за весьма редкими исключениями) была вытеснена кириллицей.
- 3) Хотя кириллица и носит свое имя от св. Кирилла (Константина), якобы ее изобретшего, в действительности им создана не кириллица, а глаголица.
- 4) Так как глаголица изобретена св. Кириллом, то естественно вытекает, что славянская письменность родилась не раньше 863 г., когда Кирилл и Мефодий направились в Моравию со специальной целью создать славянский алфавит, перевести богослужебные книги с греческого на старославянский (используя новоизобретенный алфавит) и приобщить западных славян к православной вере.

Приведенный нами материал доказывает совершенно неопровержимо, что оба советских ученых прежде всего упростили действительное прошлое до чрезвычайности: у славянского алфавита они отняли многовековую историю. Получалась невероятная ситуация: ученые, исповедующие диалектический материализм, согласно которому все происходит во времени и в пространстве, из старого в новое, стоят на позициях "да будет!", т. е. создания сразу из ничего. Мы, конечно, не будем рассматривать, хорош или плох диалектический материализм, но, думаем, всякий согласится, что если его признавать, то надо быть последовательным.

Оба же советских исследователя не только упростили процесс, но и исказили его. К этому мы и переходим.

* * *

Якубинский пишет: "Когда ему (т. е. св. Кириллу, он же Константин. - С. Л.) поручили составить алфавит для славян, он понял эту задачу, как задачу составить особый, специальный славянский алфавит". Это рассуждение, как и все последующие, основано лишь на голом предположении и берет за свою основу мысль, что Кирилл изобрел глаголицу, а это именно не так. "Для него, - продолжает Якубинский, - вопрос вовсе не стоял так, что, составляя славянский алфавит, он должен непременно навязать славянам греческое письмо; если бы вопрос перед Константином стоял так, то он непременно положил бы в основу славянского письма, составляемого для перевода богослужебных книг, греческий богослужебный устав, а этого как раз он и не делал".

Как стоял вопрос перед Кириллом, это уж, конечно, неизвестно Якубинскому, и он слишком уж много берет на себя в приписывании Кириллу тех или иных намерений, и именно потому, что толком не знает истории письменности и не понимает прежде всего основного - того, что Кирилл был грек, работал по приказанию греческого императора и в пользу греческой церкви, поэтому было бы совершенно неестественно выдумывать алфавит против интересов ее. Кроме того, ему предстояло перевести богослужебные книги в наикратчайший срок, а отсюда следует, что он мог избрать лишь самую легкую скоропись. Греческий богослужебный устав с его выписыванием каждой буквы был страшно громоздок и требовал много труда и времени, поэтому-то он мог взять за основу нового алфавита лишь скоропись любого типа.

"В основу составленного им славянского алфавита, - продолжает Якубинский, - Константин положил зачаточное славянское письмо (подчеркнуто автором. - С. Л.). Но это зачаточное славянское письмо имело, как мы видим, в своей основе греко-латинскую скоропись; вот от-

сюда и идет вскрываемая большинством ученых связь глаголицы со скорописью.

Кладя в основу составляемого им письма (глаголицы) уже имеющееся у славян зачаточное письмо, Константин руководствовался, возможно, и принципиальными соображениями: глаголица уже в своих истоках оказывалась не только письмом для славян, но и славянским письмом. Он руководствовался, наверное, и практическими соображениями. Он считал, что алфавит, составленный на основе уже имеющегося у славян зачаточного письма, будет практически более приемлемым для славян, более доступным для них".

И здесь следует отметить, что и "принципиальные", и "практические" соображения, приписываемые Якубинским Кириллу, совершенно произвольны. Если бы Якубинский был на месте Кирилла, то, возможно, он так и думал бы. Но Кирилл был человеком совершенно другой эпохи, иного склада ума, иной национальности. И что он думал - известно только ему одному. Самый способ угадывания чужих мыслей Якубинского трудно считать научным способом. Если в высказываниях Якубинского и есть своя логика, то она обращается против него же:

как мы увидим ниже, Кирилл изобрел кириллицу, а вовсе не глаголицу, и все рассуждения Якубинского совершенно напрасны.

Далее Якубинский предполагает наличие у славян зачаточного письма, близкого к латинской и греческой скорописи. Предположение это вполне вероятно, но хотелось бы, чтобы Якубинский показал нам хоть клочок бумаги, пергамента или вообще какую-нибудь надпись этим "зачаточным" письмом. Все его рассуждения - сплошная и бездоказательная теоретизация. Якубинский не понимает, что, затронув историю какой-нибудь письменности, надо рассматривать вопрос исторически, ознакомиться с данными археологии, изучить наследство ученых, уже занимавшихся этой темой. У Якубинского ничего этого нет: он не привлек для доказательства наличия у славян "зачаточного" письма ни одного археологического факта (а кое-что в этом отношении имеется), он не упомянул ни одного западноевропейского ученого из тех, кто занимался теорией кириллицы, которая, что ни говори, есть произведение Запада, и т. д.

Следует далее: "Зачаточное славянское письмо, которое Константин положил в основу составленного им славянского алфавита (глаголицы), было, как это мы видели, письмом скорописного типа; оно отличалось поэтому связным характером написания (без отрыва руки), разнообразием в начертаниях отдельных букв, общей неопределенностью и текучестью". Эти утверждения неверны.

1) Нет ни одного образца глаголицы, где бы написание совершалось без отрыва руки (каждая буква выписывается отдельно, и это требует сложных движений, невозможных без отрыва руки). 2) Начертание букв глаголицы гораздо сложнее и латинской, и греческой скорописи.

Еще далее: "Константин, конечно, не мог механически перевести скорописные начертания в составляемый им алфавит". Почему?! Ведь только что Якубинский утверждал, что именно зачаточное скорописное славянское письмо было взято в основу, что на этот счет у Кирилла были свои "принципиальные" и "практические" соображения. Положительно, у Якубинского что-то неладно с логикой и он жестоко ошибается, считая, что читатель относится ко всему, развесивши уши.

Продолжаем читать. "Перед Константином стояла сложная задача: на основе расплывчатого и текучего материала скорописи он должен был создать единую и четкую систему славянских графем (графических типов), стилизуя отдельные скорописные написания; он должен был преобразовать скорописный материал в уставное письмо, потому что он составлял алфавит для перевода богослужебных книг". Здесь Якубинский противоречит тому, что им сказано в самой первой цитате и во всем дальнейшем. Начал он с того, что Кирилл отказался от греческого устава и взял в основу гипотетическое славянское скорописное письмо, а кончил тем, что Кирилл из этой скорописи сделал новый устав! Стоило ли огород городить? Где же логика?

Все выше- и нижеприводимые цитаты Якубинского - сплошное блудословие, с наукой ничего общего не имеющее, ибо наука - это железное сцепление фактов, положений и доказательств.

Итак, по Якубинскому, вся заслуга Кирилла в том, что он стилизовал по единому типу уже готовый алфавит. Заслуга невелика. Но вы только послушайте, что об этом пишет Якубинский: "Константин составил специальный славянский алфавит. Этот алфавит, по единодушному мнению нашей и европейской науки, представляет собой непревзойденный образец в истории новых европейских алфавитов и является результатом необычайно тонкого понимания составителем фонетической системы того языка, для которого он был составлен. Он далеко оставляет за собой добропорядочный готский алфавит, составленный епископом Вульфиллой, и не идет ни в какое сравнение с латинообразными европейскими алфавитами, в которых латинские буквы неуклюже приспособлялись для передачи звуков различных европейских языков".

В этой цитате есть все: необузданное славословие на подкладке самого неприкрытого шовинизма с такими фанфарными выражениями, как

"непревзойденный об-разец", "необычайно тонкое понимание" и т. д. - славо-словие, сдобренное ложью. Почему ложью? 1) Латинооб-разные шрифты ничем не хуже глаголицы, что доказыва-ется прежде всего тем, что глаголица давно вытеснена и латиницей, и кириллицей. 2) Даже кириллица уступает латинским алфавитам в простоте, удобстве и четкости, и это выразилось в том, что дальнейшая эволюция кирил-лицы шла в направлении подражания латинским шриф-там. 3) Система начертания латинского алфавита гораздо ближе графически по принципу своего построения и к глаголице, и к кириллице (в особенности), чем, скажем, к системе арабского, грузинского или армянского пись-ма. 4) Наконец (что главное), достаточно посмотреть на глаголицу с такими нелепыми начертаниями, как, напр., "ук", или "з", или "ч", или "ять", или "і", чтобы понять, что в глаголице нет ни скорописи, ни простоты, ни чет-кости, ни красоты. Словом, все комплименты Якубин-ского не по адресу. Да и одно из двух: либо Кирилл - крупный ученый и новатор, тогда хвалебный отзыв до известной степени оправдан, либо это весьма скромный филолог, сумевший лишь подшлифовать уже готовое, а именно об этом перед тем Якубинский и толковал.

Цитируем далее: "Свои задачи Константин выполнил отлично. Глаголица, с точки зрения и единства, и четко-сти графического стиля, представляет очень выдержан-ную систему знаков, графем. Остается неясным, откуда Константин почерпнул сам принцип графического сти-ля, графического оформления глаголицы. Есть, однако, основания думать, что он почерпнул его из графического стиля местных славянских идеографических знаков. Во всяком случае графический стиль глаголицы необычайно близок к графическому стилю некоторых типов идеогра-фических знаков Причерноморья, распространенному и за его пределами; возможно, что знаки подобного харак-тера существовали на Балканах и в других областях сла-вян. Если бы это предположение подтвердилось, то мы имели бы здесь лишний довод в пользу того, что Кон-стантин строил свой алфавит как специальный славян-ский алфавит".

Из сказанного Якубинским вытекает следующее. 1) Что все рассуждения его - ничем не подтвержденные лишь предположения, об одном из которых он сам гово-рит: "если бы это предположение подтвердилось". 2) Что Якубинский берет за решение научного вопроса, со-вершенно неосведомленный в области сравнительного языковедения.

Ему даже в голову не придет сравнить глаголицу с ал-фавитом евреев, грузин, армян и т. д. А если бы он это сделал, то увидел бы, что некоторые буквы целиком за-имствованы глаголицей из древнееврейского, напр., бук-ва "ш", и т. д.

Продолжим цитату: "Глаголическое письмо, предна- значенное для перевода греческих богослужебных книг на славянский язык, оказалось резко отличным от совре- менного ему греческого богослужебного устава. Это об- стоятельство несколько не беспокоило Константина, и он стремился создать специальный славянский алфавит. Но иначе относились к этому византийские церковные и светские власти". "Ғаçon de parler" Якубинского не толь- ко удивляет, но даже возмущает. Он, видите ли, настоль- ко хорошо осведомлен, что делалось в душе Кирилла, что знает, какие обстоятельства беспокоили или не бес- покоили Кирилла, ведает, были ли довольны "византий- ские церковные и светские власти" и т. п. Ведь это же дерзость - рассказывать сказки 1001-й ночи в приложе- нии к науке. Не верится, что подобные метафизические

рассуждения могли уцелеть в советской науке. Вместо тщательного анализа конкретных фактов Якубинский угощает читателей догадками о том, были ли довольны или недовольны в Византии работой Кирилла. Нет ни малейшего исторического намека на недовольство в Ви- зантии усердием Кирилла. Да его и не могло быть, ибо Кирилл изобрел кириллицу, а все рассуждения филологи- ческого Вральмана - пустословие.

Читаем далее: "Вслед за этой первой своей "ошиб- кой" Константин сделал, с точки зрения византийских правящих кругов, и вторую, пожалуй, еще более грубую: он утвердил свое славянское письмо, столь непохожее на письмо греческое, у римского папы, противника и со- перника византийского патриарха. Написанные глаголи- ческим письмом богослужебные книги были освящены папой и допущены в обращение среда славян. Они пере- ставали, таким образом, быть орудием распространения специально византийского влияния". Вряд ли стоит до- бавлять, что нет решительно никаких данных, чтобы за- являть, что книги, утвержденные папой, были написаны глаголицей. Затем. Якубинский не знает, что благослове- ние папы продержалось всего несколько лет. После его смерти новый папа наложил запрет, ибо кириллица дей- ствительно усиливала греческое влияние в странах Запа- да: она была "греческим письмом". Якубинский не по- нимает, что Кирилл вынужден был просить благослове- ния для всех своих книг у папы, будучи византийским миссионером христианства на землях государей, подчи- ненных папе, одни формально, другие неформально.

Благословение папы было триумфом как для Кирилла, так и Византии, и поэтому вскоре было снято.

Переходим теперь к самому главному отрывку: "В этих условиях в Константинополе как бы вдогонку глаголице было составлено так называемое "кирилловское письмо". Оно явилось приспособлением

греческого бого- служебного устава для нужд славянских языков. Не нужно, однако, думать, что кириллица была грубым приспособлением греческого устава для славянских языков. Наоборот, кириллица была очень тонким приспособлением греческого устава для славян. В кириллице в целом сохранена внутренняя система замечательной Константиновой глаголицы. Изменения заключались в основном в том, что глаголические буквы были заменены новыми по типу греческих уставных, а внесенные Константином дополнительные буквы для обозначения специальных славянских звуков стилизованы под греческий устав. Это письмо (кирилловское) по своему графическому типу было подлинно греческим; с внешней стороны греческие и кирилловские тексты производят порой впечатление полного тождества".

Мы намеренно привели большие цитаты в их последовательности, чтобы показать всю беспочвенность построений Якубинского и чтобы нас не обвинил никто в том, что мы взяли какую-то одну неудачную мысль и всю критику обратили лишь на нее. Нет, мы изложили всю концепцию Якубинского.

Перейдем теперь к собственно критике и выводам.

1. Якубинский совершенно игнорирует приведенные нами выше факты, что глаголица существовала веками до Кирилла. Ни слова не говорит он и о большой западноевропейской литературе, считающей, что глаголица изобретена св. Иеронимом, а поэтому выводы его неправомочны, ибо основаны на недостаточном знании предмета в целом.

2. Якубинский признает: 1) высокие достоинства кириллицы; 2) что она по времени моложе глаголицы;

3) что она по внутренней системе была вариантом последней, но графически это было подобие греческого письма. Возникает, естественно, вопрос: а кто же на самом деле изобрел кириллицу? На него Якубинский отвечает: кто-то в Константинополе. Но ведь для создания кириллицы, высокие достоинства которой признаются самим Якубовским, изобретатель должен быть человеком весьма солидной учености. Трудно себе представить, чтобы этот изобретатель умолчал о своей роли и позволил назвать свое детище чужим именем. Не могли допустить этого, конечно, и другие - ведь плагиат был очевиден. Нельзя забывать, что это происходило, когда уже была создана славянская письменность, существовали уже специальные сочинения (напр., Храбра) об ее истории. Зато в этих сочинениях нет ни слова о глаголице или двух соперничающих славянских алфавитах.

3. Далее. Если кириллица, принадлежавшая какому-то неизвестному создателю, стала вытеснять глаголицу, на это не могли не реагировать ученики Кирилла и Мефодия, которые не могли не чтить Кирилла. Следовательно, неизбежна была официальная борьба в церкви, а следов ее нет ни малейших.

4. Наконец, такое важное событие, как переход с глаголицы на совершенно новый алфавит (кириллица), не могло не найти отражения в византийской, римской или славянской литературе. Ведь фактически это сводило на нет всю работу Кирилла и Мефодия. Шутка сказать: переводить в течение нескольких лет богослужебные книги, пользоваться ими по крайней мере 20 лет (т. е. после смерти Мефодия) и вдруг бросить все и начать переписывать всю литературу на "кириллицу". Ведь это была бы колоссальная культурная революция.. От которой не осталось ни малейших следов? Подобная революция должна была вызвать ожесточеннейшую борьбу между сторонниками нововведения и его противниками. Якубинский совершенно забывает эпоху и то буквальное изуверство в религии, которое тогда царило всюду: из-за того, писать ли "единосущный" или "подобосущный", предавали анафеме, убивали, сжигали на кострах! Если до сих пор "твердый знак" или "ять" готовы сделать чуть ли не знаменем борьбы двух антагонистов, то что говорить о той эпохе, когда прицеплялись к каждой точке и запятой. Так что переход на новый шрифт был невозможен без созыва специального церковного собора, без диспутов, споров, расхождения во мнениях и решениях. Об этом же в истории - ни слова! Интересно знать, считает ли Якубовский (и иже с ним) нас за каких-то кретивов, ничего не ведающих о минувшем?

Вся церковная традиция не только Византии, Руси, но и Рима считала и считает Кирилла изобретателем кириллицы. Неужели же мы должны принимать весь духовный клир и ученых минувших столетий за неучей и недотеп, которые не могли разобраться, кто изобрел кириллицу?

Пустословие Якубинского мы выбрали нарочно, чтобы показать, что в филологии, в частности и в советской, далеко не благополучно: достаточно кому-то сказать глупость, как ее подхватывают, - и только потому, что она новая.

* * *

Перейдем теперь непосредственно к рассмотрению кириллицы, или, как ее иначе называли, "церковницы", и т. д. Прежде всего отметим, что название "кириллица" происходит, безусловно, от имени св. Кирилла. Видеть в этом имени нечто иное (Жункович, 1918) нет решительно никаких оснований. Это верно, что слово "кириллица" имеет много

вариантов: "кириллица", "кирулица" и т. д. Но эти варианты происходят от того же корня: в древности писали: и Кирилл, и Курилл, и Кур, и Кир, и т. д., поэтому словопроизводство не вызывает сомнения, тем более что всем понятно, что алфавит этот связывают с именем изобретателя.

Однако в свете тех данных, которыми мы сейчас располагаем, мы не можем приписывать Кириллу роль изобретателя. Роль его более скромная: он - реформатор алфавита, существовавшего до него. И только такая крупная и важная акция, как перевод священных книг на славянский язык славянским шрифтом, дала всем основание считать его изобретателем кириллицы.

Уже теоретическая постановка вопроса об "изобретательстве" нового алфавита в какую-то определенную точку времени (около 863 г.) является крайне сомнительной. Потребность в письме у славян появилась не в 863 г., она была веками раньше. И не может быть никакого сомнения, что, зная о существовании рунического, латинского, греческого, еврейского и т. д. письма, славяне не могли не пытаться пользоваться чужими алфавитами, приспособляя для своих нужд, либо постепенно вырабатывать свои собственные. Иначе быть не могло, если мы не отказываем славянам в том, что они были людьми.

Этот постулат подтверждается показаниями монаха Храбра, нахождением св. Кириллом в Корсуни "корсунипы", изобретенной каким-то русином, традицией русской церкви ("грамота руська явися, Богом дана, в Корсуни русину, от нея же научися Константин Философ"), наконец, "влесовицей", о которой еще будет речь.

Еще до Кирилла славяне употребляли алфавиты как негреческого, так и греческого образца. Поэтому он действительно поступил "практически" (по Якубинскому) - он взял в основу уже существовавший у славян в обращении алфавит греческого типа, но дополнил его, а главное - создал на нем целую церковную литературу. Положить в основу глаголицу он не мог: она была непригодна для скорописи, за ней были Ульфила, Евзений, Иероним и т. д. - лица, с точки зрения православной церкви, либо прямые, либо подозреваемые еретики. Наконец, глаголица не сближала греков со славянами, а разъединяла.

Отношение Рима к глаголице было всегда более терпимым. И, может быть, потому, что ее официально связывали с именем св. Иеронима. Об этом косвенно говорит Реймское Евангелие, находившееся с 1554 г. в соборе в Рейме (на нем присягали французские короли при вступлении на престол). Из этого видно, каким пиететом пользовалось Евангелие. Оно имеет 45 листов, написанных с обеих сторон, и состоит из двух частей: 1-я, из 16 листов, написана кириллицей и включает в себе чтения из

Нового Завета по воскресеньям по славянскому обряду, орнамент рукописи византийский, IX-X вв.; 2-я, из 29 листков, - глаголицей, вбирает в себя чтения из Нового Завета по воскресеньям (от Цветной недели до Благовещения) по католическому обряду. На тексте глаголицы имеется надпись по-французски: "Лета гос- подня 1395. Это Евангелие и послание написаны славян- ским языком. Они должны петься в продолжение года, когда совершается архиерейская служба. Что же касается другой части этой книги, то она соответствует русскому обряду. Она написана собственной рукой св. Прокопа, игумена, и этот русский текст был подарен покойным Карлом IV, императором Римской империи, для увекове- чения св. Иеронима и св. Прокопа. Боже, дай им вечный покой. Аминь".

Таким образом косвенно указывается, что кириллица писана св. Прокопом, а глаголица - св. Иеронимом. Св. Прокоп, аббат монастыря в Сазаве, умер 25.02.1053, служил литургии по римско-католическому обряду, но на старославянском языке. По преданию, первым коро- лем, присягнувшим на этом Евангелии, был Филипп I, сын Генриха и Анны, дочери Ярослава Мудрого, кото- рые поженились в 1048 г. Как полагают. Евангелие, воз- можно, принадлежало Анне. И сын ее, Филипп I, прися- гал на нем из пиетета к матери. Во всяком случае кирил- лица и глаголица мирно уживались в течение многих столетий в римско-католической церкви.

Иначе было в православной церкви на Руси. Здесь найдены абсолютно бесспорные следы глаголицы, но ни одного памятника, ею писанного. Глаголицу знали, но ее намеренно избегали, иногда употребляли как тайнопись.

Мы остановимся на одной детали для освещения ис- тории глаголицы на Руси. В 1047 г. новгородский поп Упырь Лихой (ну и подходящая фамилия для священ- ника!) переписал "Книгу пророков с толкованиями". В приписке он написал: "Слава тебе. Господи, царю не- бесный, яко сподобил мя написати книги си ис коури- ловце князю Володимеру, Новеграде княжащу, сынови Ярославлю Болшему". Значение выражения "ис коурило- вице" нам не представляется столь ясным и убедительным, как это кажется Ангелову (см. упомянутую выше его ра- боту). Он считает, что "переписчик хотел подчеркнуть, что его книга является переводом или списком не с гре- ческого оригинала, а со славянской книги. Словами "ис коуриловице" переписчик старался поднять авторитет своей книги". Нам такое объяснение кажется совершен- но неубедительным и даже нелогичным. В самом деле, что из того, что человек переписывает какой- то доку- мент, писанный кириллицей, той же кириллицей? Ника- кой в этом авторитетности и просто логики нет. Возмож- но другое объяснение: "ис коуриловице" означало не "с кириллицы", а "кириллицей". Даже до

сих пор можно слышать на юге неверное, но народное "ис рукою" вместо "рукою". В этом случае приписка становится понятной и уместной: переписчик указывает, что он не просто переписал текст, а транслитерировал его на кириллицу с другого алфавита (очевидно, глаголицы), этим он действительно может подчеркнуть ценность своего труда.

Так как приписка эта сохранилась не в оригинале, а в копии 1499 г., т. е. через 452 года, и, возможно, является не первой копией, а копией с копии, то достаточно было переписчику сделать маленькую опisku или "подправить" текст согласно орфографии его времени, - и мы могли получить то, что имеем. Если наша догадка верна, это показывает, что уже во времена Ярослава Мудрого глаголица шла на убыль, заменяясь кириллицей.

Следует коснуться единственного якобы документального доказательства, что Кирилл изобрел глаголицу. В одном из хронографов 1494 г. есть запись: "во дни Ми-хаила царя греч(ес)кого и во дни князя Ререка Новгородского... святой Констанътин Философ, нарицаемъгй Кирилл, сотворил грамоту словесным (очевидно, словенским) языком, глаголемую литиню". Предполагают, что было написано "глаголитцю", т. е. было написано "г" с титлом, но в переписке титло исчезло или не было расшифровано, и вышла приведенная редакция. Конечно, догадываться никому не запрещается, но если догадка не подтверждается и противоречит всем имеющимся данным, то такая догадка должна отпасть.

Мы в противовес приведем отрывок из "Атологииона Киево-Печерской лавры", 1619, под днем 14 февраля: "Святой памяти Кирилла, епископа Моравии, Апостола Славян и Болгар, что из греческого письма устроил славянскую азбуку и окрестил славян и болгар". В том же источнике под 11 мая сказано: "Святой памяти Мефодия, епископа Моравии, что был братом Кирилла Философа, Апостола славян, который изобрел славянское письмо и объяснил его Василию Македонцу". Первый отрывок говорит прямо, что Кирилл создал славянское письмо из греческого, глаголица же ничего с греческим общего не имеет. Второй отрывок уточняет время создания кириллицы.

Таким образом, в цитадели русского православия - Киево-Печерской лавре смотрели на вещи ясно и определенно еще в 1619 г., и никаких "поправок" текст не требует. Если же мы примем во внимание, что говорит монах Храбр в 1-й половине X в., то сомневаться в том, что Кирилл изобрел именно кириллицу, не приходится. Дальнейших доказательств (а их множество) не приводим за их полной ненужностью.

Теперь мы можем утверждать, что у славян уже по крайней мере с IV в. был свой собственный алфавит - глаголица, изобретенная скорее всего Ульфилой. Кроме того, имеется много данных, что до кириллицы предпринималось много попыток (и серьезных) писать греческого типа письмом, весьма похожим на кириллицу, т. е. что у кириллицы были предшественники. Интересно отметить мнение Д. С. Лихачева ("Вопросы истории", 1951, | 12, стр. 14): "Древним алфавитом могла быть глаголица, но это не значит, что рядом с глаголицей русское население северного Причерноморья, тесно соприкасавшееся с греческими колониями, не могло употреблять буквы греческого алфавита для письма на русском языке. Именно эти буквы могли дать начало позднейшей кириллице". Такие здравые мысли советского историка особенно приятно читать после благоглупостей Якубинского.

Мысль, что кириллица, если можно так выразиться, была в употреблении задолго до Кирилла, имеет в свою пользу много убедительных соображений. Перечитывая недавно Цезаря, мы наткнулись на его категорическое утверждение, что кельты во Франции пользовались для своей письменности греческими буквами (это при наличии рядом латинской культуры!). И это было еще до н. э.

Если влияние греческой культуры докатилось даже до берегов Атлантического океана, то еще более вероятно, что оно испытывалось и другими народами совсем рядом или бывшими в подчинении у греков. О гетах мы уже говорили. Монах Храбр писал, что славяне пользовались греческими и латинскими буквами, но славянским текстом: "канас (очевидно, князь) Омортаг". Этот князь Омортаг оставил после себя целую библиотеку надписей на камнях и колоннах, в которых он говорит о своих успехах. Эти надписи заслуживают специальной работы, но при наличии Якубинских и Селищевых трудно ожидать акции в этом направлении. Имеются и другие надписи: напр., "канес Маламир" - яркий образец писания "без устройства".

Обратимся к более обширному и требующему комментариев примеру. В XVIII столетии в руках черногорского дома князей Черноевичей находился диплом папы Льва (Лева) 4-го (847-855), написанный кириллицей, следующего содержания (передаем текст по Жунковичу): "Boziejū milostiju mi cetverti papa vethego Rima, i sudija selenski (пропущено "v"), namjestnik svetago verhovnago apostola Petra: daem vlast preozvestenjisemu mitropolitu Albanskomu, da imjeet silu i vlast duhovnu i nikotorim carem ili vlastitelem da ne budet otempljeno po potvrzeno i sederzano po pravilom svetih apostol Petra i Pavia i procih. I da budet semu episkopu granice ili Rufini od istoka od Olbanie kako sostoit Skadar do Bielogu polja, od Zapada kako sostoie adrianickoe more do Ragusii, od Severa da imjeet do Zahlmie. Sila duhovnie vlasti da imjeet vezati i resiti. Dato v Ijeto Hristovo 843

va vethom Rime". Буквы, означающие цифры в оригинале, заменены Жунковичем арабскими цифрами. Документ этот был объявлен фальшивым по следующим соображениям.

1. Документ написан кириллицей до изобретения последней Кириллом в 863 г. Этот аргумент должен отпасть, так как несовершенной кириллицей писали, несомненно, еще до Кирилла. И нельзя отбрасывать исторические источники лишь потому, что кто-то убедил себя в том, что Кирилл неожиданно изобрел кириллицу. На самом деле он лишь усовершенствовал ее.

2. В тексте употреблено слово "дато". В нем видят латинское "дата". А следует по-славянски сказать "дано". И этот аргумент совершенно ничего не значит, ибо документ дан в Риме, и включение обычного формального латинского слова - нормальное явление. Однако и само слово "дато" - правильное славянское выражение. Мы имеем слово "удатный" того же корня. Далее. Оно является полным аналогом слов "убито", "взято" и т. д. Этот вариант вполне закономерный. И у нас нет никаких доказательств, что его не употребляли в 1-й половине IX в. Аргумент вовсе не доказательный.

3. Дата опубликования декрета не совпадает с временем папы Льва IV. Одни читали дату, написанную славянскими буквами (Караман), как 443, другие (Жункович) - как 843, что на 4 года раньше папства Льва IV. Аргумент также слабый, так как совершенно ясно, что с датой - какое-то недоразумение: Караман прочитал "443", но мог ли предполагаемый фальсификатор ошибиться на 400 лет? Ведь "фальсификация" предполагается для времени, близкого к папе. Иначе зачем фальсифицировать документ, который по содержанию совершенно устарел и ни на что не годен? Но если фальсификация близка по времени к декрету, то ошибка в 400 лет совершенно исключена. Этим самым аргумент делается не "против", а "за" аутентичность документа. Ибо очевидно, что с датой какое-то недоразумение. Мы знаем, что в те времена арабских цифр не употребляли, а писали вместо них условные буквы с точками над ними, но в кириллице и глаголице одни и те же славянские буквы означали разные числа. Значит, надо иметь документ и переисследовать дату. Аутентичность же его устанавливается содержанием его. А в содержании нет решительно ничего, что заставляло бы сомневаться в его аутентичности.

Наконец, нельзя исходить из предположения, что фальсификатор был настолько глуп, что не знал действительно срока папства Льва IV. Во всяком случае перед нами официальный документ, писанный кириллицей еще до Кирилла.

Другим примером может служить образ Христа на полотенце, так называемый образ Вероники, хранящийся среди прочих реликвий в Ватикане. Общепризнано, что он относится к первым векам христианства. На нем, кроме букв ІС (Иисус) ХС (Христос), имеется ясная надпись: "ОБРАЗЪ ГСПДН НА УБРУСЕ". Подробности есть в брошюре А. С. Петрушкевича, 1860, "О древних иконах с кириллическими надписями, находящихся в Риме", Львов. Убрусом называется еще и до сих пор в некоторых местах полотенце для лица. В надписи замечательно то, что в двух местах ясно различается твердый знак. Затем есть обычные религиозные сокращения. Наконец, некоторые буквы выполнены изменчивой формой: то они обращены направо, то налево - характерная черта многих древних надписей, отражающая еще руническую практику. Писали, напр., строчку слева направо, следующую - справа налево (способ так называемый "бустрофедон"). Причем, идя справа налево, буквы писали обращенными в обратную сторону. Так и здесь: в слове "образ" буква "б" - с выпуклой частью, обращенной направо, как обычно. А в слове "убрус" она повернута выпуклостью налево.

Почему надпись сделана кириллицей, на славянском языке и хранится в Риме - неизвестно. Можно догадываться, что эти реликвии уцелели с тех времен, когда юго-восточная часть Италии, напр., Бари, была подчинена в духовном отношении Константинополю. Когда в ходе истории вся Италия попала под главенство Рима, эти реликвии попали на сохранение в Ватикан, уничтожить же их считали неудобным, хотя они и касались иной христианской церкви.

Третьим примером может служить икона апостолов Петра и Павла, записанная в каталоге Джакомо Гримальди в 1617 г. под номером 52. По характеру письма она относится к первым векам н. э. Рассказывают, что она находилась до VI в. в одном из алтарей церкви Петра, но впоследствии была перенесена в отдел реликвий. На ней имеется (очевидно, позднейшая) надпись: "Pervetusta effigies SS Petri et Paul, qual custoditur inter S. reliquias in Vaticana ecclesia".

В центральной части иконы вверху образ Спасителя с надписью кириллицей "ІСХС". Слева (и в значительно большем масштабе) - образ св. Петра с надписью: "СТЫ ПЕТРІ". Справа - образ св. Павла с надписью: "СТЫ ПАВЪЛЬ".

Очевидно, надписи кириллицей послужили причиной того, что икона была перенесена в отдел реликвий. Употребление же кириллицы за века до Кирилла - несомненно. Таким образом, к историческим документам с "кириллицеподобными" надписями надо подходить очень внимательно, не относя их огульно к IX или позднейшим векам. Надписи могут быть и докирилловских времен.

* * *

Мы рассматривали вопрос до сих пор о глаголице и кириллице лишь с чисто исторической точки зрения, не касаясь их конструкции и взаимоотношений. Переходим теперь к этому. Анализ приводит нас к следующим выводам.

1. Оба алфавита прошли очень долгую историю развития, этапы которой нам мало известны. Поэтому нельзя их рассматривать как нечто единое целое. Каждый из них постепенно обрстал дополнениями и вариантами, притом не по одной линии развития: к письменности стремились в разных углах славянского мира.

2. Оба алфавита составлены специально для славянского языка, т. е. включают в себя и буквы, отражающие характерные у славян звуки и отсутствующие у других народов или встречающиеся не столь часто.

3. Кириллица, хотя и коренным образом отличается графически от глаголицы, являясь вариантом греческого письма, почему ее часто и называли "греческим письмом", по своему строю является подражанием глаголице. Кириллица - это комбинация двух алфавитов: как система фонем она копирует глаголицу, как система начертаний (графем) - греческое письмо.

4. Что кириллица прошла долгий путь изменений, видно из того, что черноризец Храбр (начало X в.) писал, что в ней "по чину греческих письмен было 24 буквы, а по "славянской речи" - 14, т. е. всего 38. Если же мы подсчитаем количество букв в алфавите (см., напр., Veillant, 1948, Manuel du vieux slave), их окажется 44. В действительности число их было еще выше, ибо существовали и варианты, напр., не только "и" с точкой, но и "и" с двумя точками и т. д. Эти дополнительные буквы развились, конечно, уже после Кирилла. В равной мере изменялись начертания или появлялись новые варианты у уже существовавших старых букв.

5. И у глаголицы, и у кириллицы трудно назвать их изобретателя, настолько они стары и вместе с тем включают в себя все основное, что заставляет нас считать их глаголицей или кириллицей. Следует отметить, что глаголица - скорее порождение Запада. Там она развилась, там она все более закреплялась, и там она еще и до сих пор существует.

Перейдем к перечислению наиболее характерных черт именно глаголицы.

1. Бросается в глаза отсутствие в глаголице букв греческого алфавита, а конкретно - "кси" и "пси", которые в кириллице наличествуют. Обе эти буквы не отражают самостоятельные звуки, а являются лишь частой

комби-нацией двух в греческой речи, т. е. "к+е" и "п+с". Автор глаголицы оказался более независимым, более славяни-ном и логическим изобретателем, чем Кирилл. А раз обе буквы - лишь комбинации двух звуков, уже имевших буквенное обозначение, зачем же изобретать еще третью, особую букву? Автор глаголицы знал славянский язык тоньше, чем Кирилл. Он понимал, что в славянском языке сочетания "кс" и "пс" чрезвычайно редки, а поэ-тому он и не употребил для них особых букв. Принцип простоты, ясности им выдержан более, чем Кириллом. 2. В глаголице имеются две буквы для обозначения твердого и мягкого "г". В этом отношении глаголица тоньше передает фонетику славянской речи. В греческом языке есть одно "г", хотя значок придыхания заменяет до известной степени мягкое "г". В этом отношении кириллица с одним "г" ближе к греческому образцу и вме-сте с тем искусственно упрощает славянскую фонетику. 3. В глаголице - две разные буквы для звуков "дэ" и "з". В кириллице первоначально была лишь буква "з". Но позднее звук "дз" (дифтонг) стал передаваться пере-черкнутой буквой "з". Здесь кириллица следовала глаго-лице. Вернее, кириллицу усовершенствовали до степени глаголицы в передаче славянских звуков. 4. В глаголице нет звука и буквы "е", т. е. йотирован-ного "э"; это коренная гласная, как то: а, о, у, и, э, - а не те же" но йотированные: я, е, ю, 1 (украинское "йи"), е. Произносили: ззаля, зэлэный и т. д.

Из всех славянских языков особенностью только со-временного русского является усиленное развитие йотиро-вания, приведшее к тому, что подавляющее количество слов с архаическим, свойственным всем другим славян-ским языкам "э" превратилось в "е", т. е. в й+э. Из всех слов, кажется, лишь слово "этот" с производными удер"- жало "э" без йотирования. Все другие слова: этаж, элект-ричество, экипаж и т. д. - иностранного происхожде-ния.

Получается странное явление: звук "э" в русском языке не забыт, но в русских словах его уже нет. В глаголице звуку "е" (есте) соответствовала буква, весьма похожая на существующую "э", не обращенная своими остриями не налево, а направо, поэтому наше новое (со времен Петра I) о" и называлось в старину "е" обратное", т. е. накрутое в обратную сторону.

На других различиях мм не будем останавливаться, ибо не пишем филологического трактата.

Перейдем к очень важному для истории вопросу, на который до сих пор, к сожалению, обращали слиааааом мало внимания. И глаголица, и кириллица копировали греческий ал-фавит в том отношении, что давали буквам в его порядке определенное цифровое значение (арабских цифр сегод-няшних не употребляли). Отсюда буква "а" как первая в алфавите

означала 1, если над ней ставили точку или особый значок, и т. д. Лица, изучавшие церковнославянский язык, конечно, помнят его алфавит: а - "аз", б - "буки", в - "веди", г - "гтаголь", д - "добро" и т. д. Этот порядок был канонем славянской письменности, отсюда и слово - "азбука". В греческом, однако, буквы "в" нет вовсе. В кириллице она расположена в том же порядке, что и в глаголице, но цифрового значения не имеет. Вернее, для одной и той же цифры можно по желанию употреблять и "б", и "я".

Цифровое значение букв в глаголице было: а=1, б=2, в=3, г=4, д=5, е=6, х=7, з=8, дз=9, і=10, и=20 и т. д. В кириллице же: а=1, б или в=2, г=3, д=4, е=5, ж, з=6, дз=7, и=8, фи́га =9, і=10 и т. д. Полное совпадение было лишь в случаях а=1, і=10. Теперь становится понятным разное в некоторых датах хронологии: если оригинал был написан глаголицей, а переписывался кириллицей, но переписчик, механически повторяя буквы оригинала, фактически изменял цифры, как это мы показали на примере с договором Светослава. Этот факт может иметь особенное значение в монументальных коротких надписях: даты могут расходиться на десятки лет от действительности, если мы не примем во внимание вышеизложенного.

Таким образом, древние славяне пользовались двумя коренным образом различными (графически и нумерично) алфавитами. Как бы ни старались заумничать, стремясь нас убедить в близости графики этих алфавитов (см., напр., Селищев, 1-й том, стр. 47), даже намеренно подобранные буквы для сравнения убеждают нас в одном: графически это совершенно различные системы. Наоборот, все согласны, что сходство греческих букв и кириллицы настолько велико, что развернувшему и читающему славянский кириллический манускрипт кажется, будто перед ним греческий текст. Поэтому неудивительно, что кириллицу называли "греческим письмом".

Однако глаголица веками старше кириллицы и совершеннее ее фонетически. Глаголицу составлял, несомненно, славянин и человек глубоко образованный, ибо глаголица отражает и древнееврейский алфавит. Отсюда главный вывод: культура славян, достигшая уже стадии письменности, существовала по крайней мере на 500 лет раньше Кирилла. Развитие этой письменности происходило в разных местах славянского мира и шло неодинаковыми путями. Особенно успешно развивались самостоятельные варианты, бравшие за основу графику греческого письма. На долю Кирилла пало лишь возглавить и окончательно оформить то, что было во всеобщем употреблении, но не имело правил и известного канона. Кирилл дал не только это, но и основу церковной письменности, создав ее своими руками.

Дальнейшие исследования, несомненно, приведут множество новых, дополнительных доказательств набросанной нами схеме развития славянской письменности. Интересно отметить, что латинский алфавит не имел столько подражаний и совершенных образцов.

V раздел

Проблема "Влесовой книги"

Глава 15

Что мы знаем о "Влесовой книге"!

Название "Влесовой книгой" пишущий эти строки назвал языческую летопись, охватывающую историю Руси от 1500 лет "до Дира", т. е. приблизительно от 650 г. до н. э., и доведенную до последней четверти IX в. Она упоминает Рюрика и главным образом Аскольда, но ни слова не говорит об Олеге. Этим самым время ее написания устанавливается сравнительно очень точно.

Летопись была написана на деревянных, очень древних, значительно разрушенных временем и червем дощечках. Найдена была полк. А. Изенбековым и получила название "дощечек Изенбека".

Однако дощечки - одно, а произведение, написанное на них, естественно, должно иметь свое собственное название. Так как в самом тексте произведение названо "книгой", а Влес упомянут в какой-то связи с ней, - название "Влесова книга" является вполне обоснованным.

История находки. В 1919 г. полк. Изенбек, во время наступления армии Деникина на север, нашел в одном из разграбленных имений где-то в Курском или Орловском направлении в разгромленной библиотеке странные дощечки, испещренные неизвестными письменами. Будучи в мирное время художником и участником археологической экспедиции Академии наук в Туркестане, Изенбек заинтересовался ими и подобрал их и осколки, лежавшие на полу.

Несмотря на все попытки автора этих строк установить имя владельцев именина и дощечек, сделать это до сих пор не удалось, хотя рейд артиллерийской батареи, которой командовал Изенбек, вероятно, еще установим по военным документам и воспоминаниям его участников.

Дальнейшая судьба дощечек. После долгих мытарств А. Изенбек поселился в Брюсселе. Около 1925 г. с ним познакомился Ю. П. Миролюбов, которого во время случайного разговора Изенбек поставил в

известность о существовании дощечек. Ю. П. Миролюбов заинтересовался ими. Скоро стал понимать неизвестный алфавит и занялся в помещении Изенбека транслитерированием текста дощечек на наш алфавит.

Изенбек был довольно ревнив к дощечкам и не позволял их выносить из своего помещения. Но особого интереса к ним не проявлял, видя в них какой-то курьез и не придавая им особого значения. О существовании дощечек знали весьма немногие. В их числе - профессор Брюссельского университета Экк и его ассистент. Их предложение взяться за изучение дощечек было Изенбеком отклонено.

Ю. П. Миролюбов занялся реставрированием некоторых полуистлевших дощечек, впрыскивая отвердевший раствор, а также перепиской текста, надеясь найти материал для задуманной им литературной работы о Древней Руси. Большинство дощечек было переписано, но некоторые стороны их по неизвестным причинам переписаны не были. Ю. П. Миролюбов пытался сам разобрать смысл написанного на дощечках, но особенного успеха в этом не имел и, по-видимому, потерял интерес к дощечкам.

В августе 1941 г. А. Изенбек во время оккупации Брюсселя немцами умер. Изенбек был одинок, наследников у него не было. Лицо, которому было доверено кураторство имуществом Изенбека, особого рвения не проявляло. В результате часть имущества, в том числе и дощечки, исчезла. Впрочем, в те времена было не до сохранения чужих имуществ. Каждый заботился больше о сохранности собственной жизни.

Таким образом, "дощечки Изенбека" в настоящее время утеряны. Вернее всего, навсегда. Все, что от них осталось, - это записи Ю. П. Миролюбова и одна фотография (есть, однако, смутные данные о существовании еще нескольких).

Судьба текста Ю. П. Миролюбова. В условиях войны и дальнейшей разрухи Ю. П. Миролюбову было, конечно, не до "дощечек Изенбека" - опасность не раз угрожала его жизни. В 1953 г. слухи о существовании дощечек дошли до А. А. Кура (ген. Куренкова), и он опубликовал в журнале "Жар-Птица" письмо-обращение к читателям: не знает ли кто-нибудь что-то достоверное о дощечках. Ю. П. Миролюбов ответил (письмо опубликовано), сообщив необходимые сведения, и охотно стал пересылать А. А. Куру тексты для обработки. А. А. Кур начал изучать их и печатать о них с января 1954 г. отдельные статьи в журнале "Жар-Птица". К сожалению, научного значения эти публикации не имели: журнал издавался на ротаторе, а потому все статьи могли считаться "на правах рукописи". Кроме того, тексты дощечек пестрели опечатками, не передавали оригинальных начертаний со старославянской "е", а также с

"i" и т. д. и не удовлетворяли элементарным научным требованиям. Наконец, А. А. Кур публиковал лишь отрывки, у которых не было ни начала, ни конца.

В этих условиях, конечно, никто отнестись серьезно к "дощечкам Изенбека" не мог: документа налицо не было, а сам оригинал документа был доступен всего лишь одному А. А. Куру. Все могло оказаться фальшивкой или мистификацией. А. А. Кур же и Ю. П. Миролюбов, будучи любителями, этого не понимали и даже негодовали на такое игнорирование их работы. Удивляться этому было нечего: журнал "Жар-Птица" был малоизвестным изданием, с малым тиражом, которого уже через год нельзя было достать в продаже. Отсутствовал он и в библиотеках. Поэтому, если кто и заинтересовался, то сталкивался с невозможностью приобрести экземпляр журнала. Только случайно, благодаря любезности А. А. Кура, автору этих строк удалось получить комплект статей А. А. Кура и сделать с них фотокопию.

С марта 1957 г., однако, в том же журнале, но уже печатавшемся в типографии, началось систематическое опубликование текстов дощечек, продолжавшееся до мая 1959 г. включительно. В конце 1959 г. журнал прекратил свое существование, и с тех пор, сколько известно, ни А. А. Кур, ни Ю. П. Миролюбов дальнейших текстов не опубликовали. Таким образом, "Влесова книга" целиком не опубликована, напечатано приблизительно лишь 3/4 ее.

Начало изучения "Влесовой книги". "Влесова книга" стала изучаться, в сущности, с 1957 г., когда стали публиковаться оригинальные тексты дощечек с примечаниями А. А. Кура и Ю. П. Миролюбова, а также главы, посвященные им в книге Сергея Лесного "История "руссов" в неизвращенном виде" (| 6-1957, | 7-1958, | 8-1959, | 10-1960). Весьма далекие от совершенства, эти статьи все же дают основу для серьезного отношения к "дощечкам Изенбека".

Кроме работ этих авторов, публикаций исследовательского характера, были еще отдельные газетные и журнальные статьи, носившие, однако, только осведомительный характер. Ничего суммарного, подводящего итоги, еще не опубликовано. Удивляться этому нечего: дощечки были найдены любителем, не понимавшим их значения. Для него это была достопримечательность, которой можно было при случае похвастаться, и более ничего. Дощечки поэтому не были ни сфотографированы, ни переданы компетентному лицу для изучения.

Ю. П. Миролюбов, которому мы в конце концов обязаны всем, что имеем, не был наделен возможностью распоряжаться чужим имуществом. В условиях жизни эмигранта, в обстановке войны 1939-1945 гг., затем

эмиграции в США ему было не до дощечек. Ставши в США редактором журнала "Жар-Птица", он сделал все, что мог, для публикации дощечек.

В несколько ином положении находился А. А. Кур: получив еще в 1954 г. текст Миролюбова, он не сделал того, что следовало сделать, именно - сфотографировать весь текст и разослать на хранение в главные библиотеки: Лондон, Париж, Вашингтон.

Далее. Тексты следовало опубликовать елико возможно скорее. Будучи любителем и эмигрантом, он мог уделять изучению документов времени лишь урывками. В результате в журнале "Жар-Птица", печатавшемся в типографии уже с 1956 г., за весь 1956 г. не появилось ни одной публикации текстов, хотя имелась для этого полная возможность. И в дальнейшем публикации задерживались, ибо ни текста, ни комментариев от А. А. Кура не поступало. Если бы текст Миролюбова был даром последнего А. А. Кура, то, конечно, кроме моральных претензий, мы не имели оснований упрекать в чем-либо А. А. Кура. Но текст Миролюбова был его даром Русскому музею в Сан-Франциско, поэтому мы вправе ожидать более внимательного отношения к общественной собственности.

В настоящее время положение таково, что за 8 лет "Влесова книга" все же не опубликована, и мы стоим перед опасностью вообще остаться без ее конца. Конец текста не публикуется, а возраст А. А. Кура позволяет опасаться, что с текстом Миролюбова случится то же, что и с оригинальными дощечками. Если дощечек не сумели уберечь, то по крайней мере с копией их содержания следует быть достаточно благоразумными. Несчастливая судьба дощечек, однако, несколько не умаляет их научной ценности. Если до сих пор "Влесова книга" не попала в руки настоящих ученых, то это не значит, что она не заслуживает этого. К вопросу о ее подлинности мы и переходим.

Подлинность "дощечек Изенбека". Когда открывают какой-нибудь новый исторический источник, всегда появляется вопрос: не подделка ли он? В прошлом подделки встречались. Поэтому сомнение - неотъемлемая часть научного исследования. Рассмотрим все допустимые возможности. Подделывателем мог быть Изенбек либо в его руки уже попала подделка.

Всякая подделка может иметь следующие побуждения. Подделыватель ищет либо денег, либо славы, либо, наконец, все это шутка, чтобы над кем-то посмеяться. Допустимо также, что все это - результат помрачения ума, но вероятность последнего столь мала, а логичность "подделки" столь велика, что это предположение должно немедленно отпасть.

Из того, что мы знаем, видно, что Изенбек не пытался никому продавать дощечек. Значит, соображения материального порядка несостоятельны -

"дощечки Изенбека" не имеют к деньгам никакого отношения. Не искал Изенбек со своими дощечками и славы. Наоборот, мы лишь можем упрекнуть его, что он держал их почти в тайне и так мало способствовал тому, чтобы ученые заинтересовались ими. Кроме того, ни археологом, ни собирателем древностей он не был. Вообще о дощечках узнали только через 13 лет после его смерти: отпадает и второе предположение. Наконец, дощечки не могли быть и предметом шутки, ибо на их изготовление нужно было много месяцев упорного труда, что совершенно не оправдывает шутку. Если мы прибавим к этому, что Изенбек не знал хорошо славянских языков и вообще славянской древности, что дощечки от старости были частично испорчены и трачены шашелем, что, наконец, Изенбек ни над кем не пошутил, - становится понятным, что о подделке дощечек Изенбеком не может быть и речи.

Но, может быть, они попали в библиотеку настоящих хозяев, уже будучи подделкой? Такая огромная по величине труда подделка могла попасть в библиотеку лишь путем покупки. Значит, какой-то из владельцев был заинтересован подобными вещами и купил подделку. А если это так, то не мог он не показать дощечек другим и до 1919 г. не могли они укрыться от всеобщего сведения. Остается одно, наиболее правдоподобное объяснение: дощечки сохранялись в родовом архиве от поколения к поколению, но никто не понимал их истинного значения и фактически никто о них ничего не знал, лишь разгром библиотеки выбросил их на пол, и они были замечены Изенбеком.

Самыми основательными доводами в пользу подлинности дощечек являются они сами и их письма. Как известно, всякая подделка имеет своей основной чертой стремление "подделаться" под что-то уже известное, уподобиться ему. Подделыватель употребляет все свои силы и знания, чтобы его произведение было похоже на что-то уже известное. В "дощечках Изенбека" ничего этого нет: все в них оригинально и не похоже на нам уже известное.

1. Хотя мы и не знаем, что в древности иногда писали и на дощечках, - это прежде всего дощечки, которые стали известными из истории всех стран вообще. Значит, надо было изобрести технику письма на дереве, которая фактически никому не известна в подробностях. Каждый фальсификатор, идя по этому пути, понимал, что он может попасться моментально, ибо не было уверенности, что его способ писания на дереве настоящий и что эксперты не обнаружат его подделки немедленно.

2. Алфавит, употребленный автором "Влесовой книги", совершенно своеобразный, хотя в основном и очень близкий к нашей кириллице. Ни один известный исторический документ не написан этим алфавитом - опять-таки факт, чрезвычайно опасный для подделывателя: подозрение

вызывалось немедленно, а коль скоро оно появилось, мокни найти легко и другие его промахи.

Можно было скорее всего ожидать изобретения особого алфавита, а между тем это - примитивная, несовершенная кириллица, с разнобоем в ней, но без грецизмов, достаточно хорошо выявленных в настоящей кириллице.

3. Язык книги совершенно своеобразный, неповторимый, объединяющий в себе наряду с архаизмами, по- видимому, и новые языковые формы. Значит, и здесь поддельвателю грозила опасность попасться немедленно. Казалось, уж чего проще: пиши по-церковнославянски, так нет - "фальсификатор" изобрел особый язык.

4. Количество "поддельного" материала огромно - тратить такую уйму труда поддельвателю не имело никакого смысла. Было бы достаточно и десятой его доли, а между тем мы знаем наверное, что не все Изенбеку удалось подобрать и не все было переписано.

5. Некоторые детали текста указывают на то, что автор "Влесовой книги" дает версию, отличную от общепризнанной, вразрез с традицией. Стало быть, не следует линии "подделывания", он оригинален.

6. Имеются подробности, которые могут быть подтверждены лишь малоизвестными или почти забытыми древними источниками. Следовательно, фальсификатор должен был иметь тончайшее знание древней истории. При таких знаниях проще было быть известным исследователем, чем зачем-то неизвестным фальсификатором.

Итак, чтобы подделать "Влесову книгу", фальсификатор должен был сделать следующее.

1. Отработать технику писания на деревянных досках, причем так, чтобы буквы сохранялись сотни лет, ибо ша- шель заводится далеко не сразу.

2. Создать алфавит, который, несмотря на близость к кириллице, отличается от нее как отсутствием нескольких букв, так и формой, наличием их вариантов.

3. Изобрести особый славянский язык с особенной лексикой, грамматикой и фонетикой, обладая несомненно отличным знанием древних форм славянской речи.

4. Написать целую историю народа в его отношениях с добрым десятком иных народов - греками, римлянами, готами (годь), гуннами, аланами, костобоками, бе-рендеями, ягами, хазарами, варягами, дасунами и т. д.

Описать также взаимоотношения между рядом славянских племен - русами, хорватами, борусами, киянами, ильмерами, руссколунами и т. д. Составить особую хронологию и воссоздать множество событий, о которых мы ничего не знаем или слышали о них краем уха.

5. Изложить мифологию древних руссов, показать их миропонимание и религиозную обрядность, включая даже рецепт изготовления сырного напитка.

Кому могло прийти в голову даже косвенно заняться апологетикой язычества и нападками на христианство? Это могло лишь оттолкнуть покупателя дощечек от сделки, ибо пахло чернокнижием.

Совершенно очевидно, что подобная колоссальная работа была не под силу одному человеку. А главное - не имела ни смысла, ни цели. Неужели фальсификатор был до того тонок, что сделал фальсификацию по крайней мере двумя почерками?

Нельзя также не обратить внимание на то, что все в летописи сосредоточено на юге Руси, а о средней и северной нет в сущности ни слова. Почему? Ведь вполне естественно, что читателя будут особенно интересовать именно эти страницы. Исключая среднюю и северную Русь, "фальсификатор" не только уменьшал интерес к "подделке", но и сделал ее гораздо менее интересной политически. Почему? А просто потому, что летопись касалась исключительно южной Руси, а о других ее частях не было и речи. К тому же не Киевская Русь была в центре внимания, не Днепр, а главным образом степи от Карпат до Дона, включая Крым. Летопись переполнена готами и гуннами.

Пойдем далее. Если автор был какой-то маньяк, решивший написать величественную историю доолегов-ской Руси, то почему о славных деяниях он говорит так мало? Наоборот, вся "Влесова книга" переполнена жалобами на раздоры и неурядицы между русскими племенами, а множество страниц прямо отягощены непомерно призывами к единству Руси. Это не панегирик, которого можно было ожидать, а скорее увещевание и даже отчитка.

Никто не выдвинут на первый план. Все время идет лишь изложение событий: бесконечная борьба Руси с врагами. В одних случаях Русь побеждала, в других терпела жестокие поражения. В одном месте прямо сказано, что Русь трижды погибала, но восстанавливалась. И все это изложено в такой безличной, скучной форме, что о какой-то тенденциозности не может быть и речи. Вся книга посвящена памяти предков и судьбам своего народа. Нет ни малейшего намека на связь прошлого с известной нам историей.

Итак, если мы представим, что "Влесова книга" фальсификация, то не можем найти ни малейшего объяснения для создания ее в наши дни, в наши времена, будь это время рассматриваемо широко, хотя бы в пределах двух столетий. Очевидно, "Влесова книга" была просто реликвией, значение которой было утеряно. Она передавалась из рода в род, постепенно теряя все реальное, что было с ней связано, превращаясь из книги в какие-то старинные деревянные дощечки.

Возможно, кое-кто из владельцев и знал до известной степени, что она собой представляет, но не решался пробить толстую броню духовной лени, боясь стать посмешищем. Возьмем тот же настоящий момент. Вот уже более 8 лет, как открытие дощечек оглашено. Скажите, многие ли знают об этом, многие заинтересовались ими? А ведь дощечки должны были произвести сенсацию во всем культурном мире вроде атомной бомбы или искусственного спутника Земли или иной планеты: не шутка - найти историю неизвестной эпохи в 1500 лет!

Но могут, допустим, сказать, что "Влесова книга" подлинна, почему же о событиях, изложенных в ней, нет ничего в летописи Нестора? Почему до нас не дошли некоторые предания о праотцах (Богумире, Оре и т. д.)? Объясняется все очень просто. Во-первых, Нестор писал не столько историю Руси или южной Руси, сколько династии Рюрика. Как показывает сравнение с Иоакимовской и -й Новгородской летописями, Нестор совершенно намеренно сузил свою историю. Историю северной, т. е. Новгородской, Руси он почти обошел молчанием. Об Аскольде и Дире он, наверное, знал больше, чем сказано в "Повести временных лет". Но он намеренно опустил некоторые сведения (напр., о смерти сына Аскольда и т. д.), которые все же проскользнули в другие летописи. Он был летописцем рюриковской династии, и в его задачи вовсе не входило описание других династий, поэтому он опустил историю южной Руси, никакого отношения к рюриковской династии не имеющей. Во-вторых, и это самое главное, сведения о доолеговской Руси были сохранены языческими жрецами или лицами, явно враждебно настроенными против христианства. Пользоваться такими книгами было "грехом", чернокнижием, еретичеством а для богобоязненного монаха не могло не быть совершенно предосудительным. Именно монахи, подобные Нестору, уничтожали малейшие следы, напоминающие о язычестве. Наконец, у нас нет данных, что содержание "Влесовой книги" было широко известно всем, а не только определенному кругу лиц, близких к язычеству. Поэтому требовать всезнайства от Нестора мы не можем. Не следует забывать, что "Влесова книга" писалась где-то около 880 г. (ее последние дощечки), а "Повесть временных лет" - около 1113-го, т.е. почти на 256 лет позже. А за такой срок многое было утрачено и в писаной форме, и в народной памяти.

Впрочем, что касается народных преданий, то они не совсем улетучились из народной памяти. Отзвуки их сохранились в некоторых источниках апокрифического характера, совершенно не исследованных и в обиход научной истории не вошедших. Кое-что имеется и в народных сказках. Невозможность найти их за границей заставляет нас пока этого вопроса не касаться. Но есть надежда, что кое-какие из них попадут в наши руки для обстоятельного исследования.

До сих пор мы приводили лишь логические доказательства в пользу подлинности "Влесовой книги". Нами найдено, однако, одно и фактическое. Дело в том, что все источники утверждают, будто в Древней Руси существовали человеческие жертвоприношения и что Русь поклонялась кумирам. "Влесова книга" категорически отрицает существование человеческих жертвоприношений, называя это ложью и наговорами греков. О кумирах она не говорит ни слова. Протест "Влесой книги" был настолько силен, что заставил нас обратиться к летописям и внимательно перечитать все, что там есть о кумирах и жертвоприношениях. Выяснилось, что "Влесова книга" права: в летописи ясно сказано, что кумиры и человеческие жертвоприношения были новинкой, завезенной Владимиром Великим вместе с варягами в 980 г. И кумиры, и жертвоприношения людьми просуществовали на Руси не более 10 лет. Во времена же писания "Влесовой книги" их не было. Они существовали у варягов, о чем "Влесова книга" говорит совершенно определенно (к подробностям мы вернемся немного позже).

Таким образом, "Влесова книга" доказала свою правоту и вместе с тем свою подлинность. Надо полагать,

что по мере изучения книги найдутся в другие фактические доказательства, ибо истину не упрячешь.

Очевиден вывод "Влесова книга", безусловно" документ подлинный.

Значение "Влесовой книги". Прежде чем приступить к самому исследованию, полезно будет ознакомиться в главных чертах со значением этого документа. Тогда станет понятна и некоторая скрупулезность, ибо ценны каждая буква, каждое слово, и нужна сухая методичность, так как это не литературный вымысел, и, наконец, осторожность, потому как дело идет о вещах крупнейшего культурного значения. Придется подступаться исподволь, ощупью, постепенно и с большим терпением, чтобы не наделать ошибок. И автор надеется, что читатели внесут свою лепту в дело расшифровки загадочных мест. В таком общенациональном виде не до местничества.

По своему значению "Влесову книгу" можно сравнить лишь с "Повестью временных лет", с той только разницей, что она излагает 1500-летнюю историю народа из отрезка времени, от которого ничего писаного не осталось. Мы отметим следующие, особо важные пункты значения "Влесовой книги".

1. Это совершенно новый исторический источник, притом большого объема. Это настоящая летопись, оригинальный уникум, а не копия. Сообщает она нам много до сих пор не известного либо освещает уже известное в значительно ином аспекте. Так, напр., она говорит о скотоводческой фазе развития хозяйства русского народа, предшествовавшей более новой, земледельческой. Она излагает неведомые нам доселе события, упоминает народы, о которых мы и не слышали до этого, новые лица и хронологические данные. Ее данные заслуживают особого внимания уже потому, что в ней трактуется об эпохе, от которой почти или вовсе ничего не сохранилось. Не мелкие, ускользнувшие от внимания летописцев подробности предоставляет "Влесова книга", а данные о целой эпохе, совершенно отсутствующие в нашей истории. И. сведения эти- опять- таки касаются не узкого временного отрезка, а составляют развернутый обзор истории Руси, как он виделся русу середины IX в. "Влесова книга" начинает с безымянного славянского (вернее, русского) Адама- и охватывает историю Руси по крайней мере с половины VII в. до н. э. и до половины IX в. н. э. Наша история получает некоторую солидную базу и становится понятной в контексте историй других народов.

До сих пор наша история, начинавшаяся с IX в. н. э., являлась какой-то необоснованной, повисшей в воздухе, без Начала. Вдруг почему-то около 860 г. возникал народ, о котором начинала говорить история. Народ большой, занимавший множество земель. Русь уподоблялась Афи-не-Падладе, мгновенно возникшей из головы Зевса. Эта ненормальность теперь устраняется: история Руси удлиняется по меньшей мере на 1500 лет, т. е. на срок, действительно достаточный для развития и расселения большого народа.

2. "Влесова книга" содержит совершенно новые и оригинальные данные о религии наших предков. Иными словами, она много дает для истории религий и понимания славянского мировоззрения. Ибо несомненно, что как минимум 2000 лет языческого миропонимания не могли не отразиться на складе и характере культуры славянина-русса.

О религии наших предков мы до сих пор почти ничего не знали. По крайней мере прямо. Все известное собиралось косвенно. Не сохранилось ни одного языческого источника. Все, что мы имеем, - это пересказы из христианских рук. В этих пересказах, во-первых, не все точно, а во-

вторых, не без намерения искажено, так как делалось в разгар ожесточенной борьбы. И очернение противника было одним из методов борьбы с ним. О религии предков мы можем лишь догадываться из запрещений христианской церкви: не делать того, другого. Но почему это делалось язычниками, мы не знаем точно, можем лишь предполагать. А это путь не всегда верный и безупречный.

Кое-что мы можем узнать из сравнения с известным о верованиях других славянских племен. Но недаром французская поговорка гласит, что "сравнение и сходство - это еще не доказательство". "Влесова книга" замечательна тем, что она написана язычником, который сам пишет о своей религии и защищает ее от нападков христиан. Он категорически утверждает, что человеческие жертвоприношения были совершенно чужды религии руссов, но имели место у варягов, называвших Перуна Перкуном. В верованиях древних руссов открывается совершенно особый, оригинальный мир представлений о богах, о жизни и смерти, о правилах поведения и т. д.

Хотя все это излагается попутно и недостаточно подробно, многое позволяет сделать довольно хорошо обоснованные умозаключения, так как мы имеем дело с материалом оригинальным и изложенным в различных формах и вариантах, что дает возможность для сравнения. Одна же дощечка целиком содержит языческое "кredo".

Основным выводом является то, что религия наших предков была не политеистична, а монотеистична. Признавался единый бог, но он был троичен в лицах, остальные были мелкие божки.

3. "Влесова книга" - необыкновенно ценный документ для изучения истории языка. Как известно, все самые древние дошедшие до нас источники письменности, во-первых, сравнительно поздние (древнейшие относятся лишь к X в.), во-вторых, происходят не с территории Руси, в-третьих, все религиозного характера, отражая собой не обычную разговорную речь, а специфически религиозную и к тому же, наверное, не на диалекте Киевской Руси. Наконец, в наших руках имеются только небольшие отрывки, и достаточного понимания состава и форм древней речи мы из них получить не можем. "Влесова книга" же - оригинальный документ, созданный, несомненно, на Руси и состоящий по крайней мере из текста до 3 печатных листов. Это дает значительно более полное представление о языке и его формах. Язык ее, безусловно, гораздо ближе к разговорной речи, чем язык религиозных христианских отрывков.

Напомним, что летопись Нестора была написана около 1113 г. и дошла в гораздо более позднем списке. Таким образом, язык "Влесовой книги" не

менее чем на 250 лет старше языка несторовской летописи, а ее первые дощечки, вероятно, на века древнее.

4. "Влесова книга" - показатель высоты культуры в IX в. Существовала не только своя письменность, представлявшая собой упрощенную и видоизмененную греческую. Но существовала и писаная оригинальная история своего народа. Русь IX в. была уже не варварской страной, а культурной, интересующейся своим прошлым и знающей его. Она уже прошла стадию истории в устах сказителей и переходила в стадию истории научной. "Влесова книга" совершенно разрушает ошибочные утверждения о примитивности культуры южной Руси в IX в.

Глава 16

Еще о "дощечках Изенбека"

Что представляли собой "дощечки Изенбека"? На вопрос автора этих строк Ю. П. Миролюбов в письме от 11.11.1957 г. ответил следующее (дается в извлечении): "Первые "дошечки" я видел вот при каких обстоятельствах в двадцать пятом году. Встретились мы с Изенбеком у церкви на рю Шевалье в Брюсселе, и он меня пригласил к себе в ателье посмотреть картины... я заговорил о том, что мы живем за границей и что нет у нас под рукой никаких источников, а что мне нужен "язык эпохи", что я хотел бы писать эпическую поэму о "Святославе Хороборе", но ничего нигде не могу о нем даже приблизительно похожего на упоминание найти!..

- А зачем тебе "язык эпохи"? - спросил он.

- Как же Ты пишешь, тебе нужны мотивы орнаментов Туркестана, а мне не нужен язык эпохи?

- А что тебе именно нужно?

- Ну, хотя бы какие-либо хроники того времени или близко того... Здесь даже летописей нет!

- Вон там, в углу, видишь мешок? Морской мешок. Там что-то есть...

Так началась моя работа. В мешке я нашел "дошечки", связанные ремнем, пропущенным в отверстия (два, как на фотоснимке "Влескниги"). Посмотрел я на них и онемел!.. Однако Изенбек не разрешил их выносить даже по частям. Я должен был работать в его присутствии.

Дошки были приблизительно (подчеркнуто Миролу-бовым, как и в других местах ниже. - С. Л.) одинакового размера, тридцать восемь сантиметров на двадцать два, толщиной в полсантиметра. Поверхность была исцарапана от долгого хранения. Местами они были совсем испорчены какими-то пятнами, местами покоробились, надулись, точно отсырели. Лаку их покрывавший, или же масло, постегало" сошло. Над ним была. древесина темного цвета. Изенбек думал, что "дошки"- березового дерева. Я этого не знаю, так как не специалист по дереву.

Края были отрезаны неровно. Похоже, что их резали ножом, а никак не пилой. Размер одних был больше, других меньше, так что "дошки" прилегали друг -к другу неровно. Поверхность, вероятно, была тоже скоблена пе-ред писанием, была неровна, с углублениями.

Текст был написан или нацарапан шилом, а затем натерт чем-то бурым, потемневшим .от времени, после чего покрыт лаком или маслом. Может, текст царапали ножом, этого я сказать не могу с уверенностью.

Каждый раз для строки была проведена линия, довольно неровная, а текст был писан под ней так, как "это на фотоснимке, который вы воспроизвели на страницах вашей книги. На другой стороне текст был как бы продолжением предыдущего, так что надо было переворачивать связку "дошек", чтобы их читать (очевидно, как в листках отрывного календаря. - С. Л.). В иных местах, наоборот, это было, .как если бы каждая сторона была страницей в книге. Сразу видно, что это многолетняя давность.

На волях некоторых "дошек" были изображения головы быка, на других - солнца, на третьих - разных животных, может быть, лисы, собаки или же овцы. Трудно было разбирать эти фигуры. По-моему, это были символы месяцев -года. О них я напишу отдельно, в самом конце публикации текстов.

Буквы были не все одинаковой величины. Были строки мелкие, а были (и) крупные. Видно, что не один человек их писал. Некоторые из "дошек" потрескались от времени, другие иструхлявились, и я их склеивал при помощи силикатного лака. Об этом я уже писал.

Однако первые из "дошек" были мною читаны еще в двадцать пятом году, и ж уже о них забыл подробности. Римские цифры, доставленные на некоторых из них, были сделаны мной. Надо же было их как-то пронумеровать.

Я посылая в Музей (Русский музей в Сан-Франциско. - С. Л.), по мере "расшифровки" текстов, то, что мог послать, а Кур их нумеровал "документ | 13", т. е. по порядку получения, а после подбирал по смыслу и

нумеровал. Мне кажется, что в связке "дошки" были перепутаны, а нумерация Кура близка к истине. Вот пока все, что могу сообщить о "дошках".

Первые "дошки" я читая с огромными трудностями. А потом привык к ним и стал читать быстрее. Прочитан нее я записывал. Буква за буквой. Труд этот тонкий. Надо не ошибиться. Нужно правильно прочесть, записать... Одна дощечка была у меня месяц! Да д после я еще сверял текст, что тоже брало много дней... '

...Роль моя в "дошках" маленькая: я их случайно на-шел у нашедшего их прежде Изенбека. А затем я их переписывал в течение 15 лет... Почему я взялся за эту перепись? Потому что я смутно предчувствовал, что я их как-то лишусь, больше не увижу, что тексты могут поте-ряться, а это будет урон для истории. Я ждал не того! Я ждал более или менее точной хронологии, описания, точных событий, имев, совпадающих со смежной эпохой других народов, а также династий князей и всякого такого исторического материала, какого в них не оказалось! ...

Зато оказалось другое, чего я не предполагал: описа-ние событий, о которых мы ничего не знали, обращение к патриотизму русских, потому что деды переживали такие же времена, и т. д." .

Вышеприведенным письмом в сущности исчерпывается почти все, что мы знаем о дощечках как таковых. Само собою разумеется, что Ю. П. Миролюбов о глифах, т. е. о фигурах на полях дощечек, ничего не опубликовал. Впрочем, вряд ли он мог сообщить о них что-нибудь существенное после более чем 35 лет. Главное было упущено: при переписывании текста нище не было отмечено, что такая-то дощечка имела такой-то глиф.

Отметим кстати, что Миролюбов в своем письме напрасно драматизировал обстоятельства: переписывал он текст дощечек не потому, что чувствовал, что они пропадут, а потому, что нуждался в древнем языке. Дощечек ему Изенбек не давал, а чтобы хоть что-нибудь понять, надо было разбить текст на слова. Эту адскую работу он проделал, но у него не было достаточно времени, сил и интереса, чтобы понять содержание дощечек. Здесь есть и хронология, и события, и лица, но нет лишь той формы, которая пришла в летописи уже на века позже.

Как технически писалась "Влесова книга"? Сначала проводилась через всю дощечку по возможности ровно горизонтальная черта (строчная). Затем начинали писать слева направо буквы, которые все были заглавными, никакого разделения букв на заглавные я строчные не существовало. Все буквы касались верхними своими частями строчной

черты. Буква "П" сливалась верхней своей горизонтальной частью со строчной чертой. Буква "і" просто писалась в виде вертикальной палочки вниз от строчной черты. Буква "Т", чтобы отличаться от "і", имела верхнюю горизонтальную черту, проведенную чуть ниже строчной черты, и т. д. Все пространство строчки заполнялось буквами сплошь, без промежутков и переносов. Если слово не было окончено, конец переносился в другую строку, хотя бы это было окончено, конец переносился в другую строку, хотя бы это была всего окна. буква. Абзацы отсутствовали. Не было никаких знаков препинания, ударений или титл, несмотря на то, что многие слова были сокращены. Когда строчка кончалась, проводилась вторая строчная черта и писались буквы, и т. д. Текст переходил с одной стороны дощечки на другую сторону или другую дощечку без каких-либо отметок. Если текст оканчивался еще до конца строчки, то конец ничем не отмечался. В верхней части дощечки было две дыры, через которые продевался ремешок, и, таким образом, тот скреплял дощечки. Нумерации страниц не было.

Алфавит "Влесовой книги". Мы предположили для простоты и удобопонятности назвать алфавит "Влесовой книги" "влесовицей" (ср.: "кириллица" и "глаголица"). Характерной ее чертой является близость к "кириллице", "влесовица" лишь гораздо более примитивная. В чем? Во-первых, все греческие звуки вроде фиты, ижицы, кси, пси и т. д., отсутствующие в славянской речи или передававшиеся комбинацией уже существующих букв, здесь начисто отсутствуют. "Влесовица" - чисто славянский алфавит. Во-вторых, буквы "ы" и "ю" вовсе отсутствовали, заменяясь комбинацией уже существующих. Напр., "ы" передавалось как "oi", а "ю" - "iy". Это создавало порядочные неудобства, ибо отличать, когда следует прочесть "ы", а когда "oi" и т. д., было можно лишь -по догадке. В-третьих, буква "и" вовсе отсутствовала и произносилась только по слуху. Всюду была буква "і". Хотя и Кур, и Миролюбов утверждают, что буквы "и" не было, мы полагаем, что это относится лишь к большинству дощечек, на других же (реже) было и "и". Это мы заключаем из того, что в текстах и Кура, и Миролюбова эта буква встречается столь часто наряду с "і", что предположить липа недосмотр или опечатку невозможно.

Будучи примитивной кириллицей, "влесовица", однако, имела ряд отличных букв. Напр., "у", "д", "щ". Но эти буквы все же не слишком уклонялись от соответствующим буквам кириллицы. Так "д" передавалась треугольником, без добавочных палочек внизу, как в кириллице.

В общем, форма букв была однообразна, без сильных уклонений. Исключением была лишь "б", имевшая по крайней мере 5 разных вариантов" сводящихся к -2 типам. Нам думается, что второй тип, не похожий на кирилловское "б" - отзвук употребления а другого, далекого

от греческого типа алфавита. Писец, привыкший писать и другим алфавитом, по привычке вставлял иной вариант буквы. Сравнение с надписями на древних монетах, предметах, напр., из Черной, могилы в Чернигове и т. д., может подтвердить наше предположение с долей вероятности.

Следует добавить, что существовала особенность, по-видимому, не замеченная ни Миролюбовым, ни Куром; часто, если букве" которой начиналось слово, совпадала с буквой, которой начиналось последующее, то она писалась один раз, а читалась дважды. Эхо мы находим и в летописях, где вместо "ис Смоленьска" писалось "и Смоленьска". Так как в те времена никаких грамматик не было, а писали "на слух", то одно и то же слово почти родом писали то с "с", то с "е" старославянского. Путали "о" и "а", "е" и "а" и т. д.

Трудности а чтению и пониманию "Вле-совой книги". Исследователь "Влесовой книги*" становится часто перед множеством почти непреодолимых трудностей.

1) Весь текст дощечек далеко еще не опубликован. Мы вряд ли ошибемся, приута, что опубликовано около 3/4 текста.

2) Мы знаем достоверно, что некоторые стороны дощечек по неизвестным причинам не были переписаны Миролюбовым.

3) Почтя наверное можно утверждать, что не все дощечки и части их были подобраны Изенбеком, тем более что собирал их не он сам, а его вестовой.

4) Дощечки были в разной степени сохранности: у некоторых отломаны части, иные веста проедены чер-вем, отдельные места сколоты, многие буквы неразбор-чивы или вовсе стерты. Отсутствуют иногда не только буквы, но даже целые строки.

5) Текст опубликован неудовлетворительно - с опечатками, пропусками, перестановками по сравнению с оригинальной записью Миролюбова. Наконец, некоторые дощечки, опубликованные как дельные, на деле являются смесью отрывков из различных дощечек.

6) Дощечки не были нумерованы, и исследователь стоит перед настоящим хаосом, будучи не в состоянии разобраться, еде начало, где конец, какая сторона дощечки четкая, какая была предыдущей и. какая доследующей. Некоторые из дощечек не были связаны, а есть основания думать, что в связках бывает первоначальная последовательность, но уверенности ж этом нет, ибо связки могли бьп сделаны впоследствии, без какого бы то ни был" порядка.

7) Не всегда есть уверенность, что Миролюбов верно прочитал текст или переписал его, ибо "человеку свойственно ошибаться". А ошибиться в таком хаосе чрезвычайно легко, ибо внимание скоро утомляется.

Перечисленные пункты могут быть объединены под рубрикой: "неполнота текста и отсутствие порядка в нем".

Следующим огромным затруднением является писание "сплошняком", т. е. без знаков препинания, абзацев, разделения на слова. Вследствие этого строчку "сплошняка" можно разбить на ряд слов, во по-разному. И каждое деление может дать известный смысл, но какое деление будет правильным, часто сказать трудно или почти невозможно. В особенности это касается случаев, когда имеется пропуск хотя бы одной буквы. Имеются и намеренные пропуски букв летописцами "Влесовой книги" для сокращения письма. Эта сокращения в те времена были общеприняты и общеизвестны, но эти условности нам становятся понятными лишь после изучения и при первоначальном чтении нелегко улавливаются.

Наконец, бывает, когда летописец делает ошибку, во "зачеркивает" написанное. Так, напр., во 2-й строчке начала "Влесовой книги, в конце ее, он написал букву "ц", а следовало "о", он эту букву зачеркнул двумя косыми линиями. Кур не заметил этого и прочел зачеркнутую букву как "щ".

Кроме того, так как дощечки писались в разное время, одно и то же слово звучит или пишется по-разному: один летописец говорил я. писал "менж", "рейка" и т. д., другой ухе выговаривая и писал "муж", "рука". Путалась и орфография.

Были и затруднения с буквами "и" и "ю", которые могли читаться в разных случаях по-новому. Наконец, не всегда "я." и "ia" были равнозначны. Некоторые буквы были близки по начертанию, напр., "д" и "о", "о" и "у" и т. д. Достаточно было утратиться кусочку краски, отщеиться дереву, сесть пятну и т. д., и буква могла быть прочитана неверно. Наконец, даже когда текст вполне сохранен и разделение строк на слова не возбуждает сомнений, мы наталкиваемся на непонимание из-за незнакомых слов, не обычных оборотов речи или незнания обычаев либо лиц, о которых идет речь. Некоторые слова, безусловно, изменили с того времени свое значение или смысловые оттенки. Словом, перед исследователем - хаотическая масса языкового, исторического и других материалов, которая может быть приведена в порядок только объединенными усилиями многих лиц. Успеху может способствовать лишь строго научная система, при которой первое место отдается логике и знанию, а не фантазии или "вдохновению". Опыт изучения "Слова о

полку Игореве", сохранив шегося гораздо лучше, показывает, как много нелепостей было выдвинуто из-за необузданной фантазии и, глав ное, незнания предмета. Будем надеяться, что изучение "Влесовой книги" пойдет по разумному пути - медлен ного, постепенного вскрывания истины. Техника чтения и перевода "Влесовой книги". Мы применяли следующие приемы: сначала переписывали весь "сплошняк", затем апострофами вы делились ясно понимаемые слова. Неясные места остава лись нетронутыми, хотя бы они и занимали целые стро ки. Одно и то же место читали много раз подряд, чтобы запомнить известное сочетание звуков, а также другие места прочитывали для обогащения памяти. При этом часто обнаруживалось, что одно и то же выражение по вторялось, и, будучи сравненным с разным контекстом, оно давало возможность наконец понять выясняемое. Из хаоса прежде всего вставляли отдельные, очень чае-то повторяемые слова и частицы. Напр., слово "бо" встречается огромное количество раз, играя роль только связующей частицы. Ее употребляли наши предки для того, чтобы речь была плавной. "Бо" чаще всего обозначает "ибо", но часто его вовсе не следует переводить, так как оно в большинстве случаев - лишь украшение речи, элемент стиля. Бросается в глаза и очень частое употребление слова "а". Это не противопоставление, а связующее слово и обозначает "и", хотя и "и" существовало одновременно. Это "а" применялось для плавности речи, и его можно опускать. Всюду нам попадается слово "есь" вместо "есть". В подавляющем большинстве случаев - это глагольная форма, отдельное слово, а не часть какого-то иного. Поэтому вычленение его почти безошибочно. Слово "есь" является уже промежуточной стадией в упрощении и сокращении обычных форм, в дальнейшем они совершенно отмерли и исчезли. Было первоначальное "ес-те". Далее стало "есть". Затем "есь", потом, напр. у украинцев, "е" и, наконец, слово вовсе отмерло. Никто теперь не скажет: "я - есмь" или "вы - есте", а просто: я - такой-то, вы - то-то. Бросается в глаза наличие сложных старинных глагольных форм. Напр., "Книга" пестрит словами "смехом", "ста" и т. д. Все они непереводимы, ибо в современном языке уже отмерли. В говоре гуцулов на Карпатах, т. е. в области, где наши предки, несомненно, одно время проживали, еще по сей день существует форма "сме" или "сми" для первого лица настоящего времени и прошедшего, напр.: "я ходиу сми" - "я ходил". Частичка "сме" - форма от глагола "быть". Интересно, что форма эта уцелела лишь в горах, в говоре гуцулов, в предгорьях же, т. е. на Покутти, ее уже нет. Отметим также, что в гуцульском говоре условное наклонение, как в церковнославянском, так и в старорусском, выражается с помощью остатков, аориста: "бым, бысь, бы, бысьмо, бысте". Отсюда: "ходиу бы" - "я бы ходил", "як бысте знали" - "если бы вы знали" и т. д. Отмершая частица сложной глагольной формы "ста-хом" или "ста" до сих пор уцелела, потерявши смысл, в выражении "мыста", означающем некоторое превосходство. Сохранились многие, теперь уже укороченные формы слов, напр. "братр", встречающиеся у

других славян и поныне. Особенно часто отмирали конечные согласные, когда их было две. Напр., вместо "могл", "при-несл", "привезл" получились современные "мог", "принес", "привез" и т. д. Обращают на себя внимание во "Влесовой книге" не только сокращения, но и частые усечения слов. Некоторые сокращения, по-видимому, имели постоянный характер. Напр., писали "бзі" вместо <<бози, слава" соответствует "слава" и т. д. Усечения выражались в том, что не писали "Даждь- бог", а - "Даждбо". Наподобие того, как наше "спаси, Бог" превратилось в "спасибо". Интересно, что производные формы были также усеченными: "Даждь- бові внуці", а не "Даждь-богові внуці". Следует еще раз отметить, что если конечная буква слова совпадала с началом последующего, то писалась она один раз, а читалась дважды. Напр., "сплошняк" "арешемусварг" расшифровывается "а реще (е)му Сва- рог" и т. д. При многократном чтении текстов отмеченные слова, как и некоторые другие, им подобные, вычленились легко и позволяют разделить "сплошняк" гораздо быстрее. Подробности будут изложены в дальнейшем.

Погрешности комментаторов. Даже совершенно ясный грамматический текст может быть понят и поставлен в сравнение неверно. Поэтому необходимо отметить несколько погрешностей в комментариях А. А. Кура, чтобы они не получили дальнейшего распространения. Как показывает фото одной из дощечек (см. дальше), все буквы писались под горизонтальной линией, идущей вдоль всей строки. Первый комментатор "Книги" А. А. Кур ("Жар-Птица, 1954, янв., стр. 13) пишет: "...а над линией ставились какие-то знаки: или знаки раздела на слова, или сокращения-титлы". Эта погрешность относится к письменности Индии, а не к "Влесовой книге". Однако фраза А. А. Кура построена так, что можно понять, мол, именно это относится к "Влесовой книге". Вообще изложение А. А. Кура не всегда достаточно отчетливо, и к некоторым его объяснениям необходимо относиться с осторожностью: он явно склонен сблизжать "Влесову книгу" с традицией Индии, Вавилона и т. д., а между тем "Книга" совершенно своеобразна и очень далека по содержанию от упомянутых источников. Далее (стр. 14) он пишет: "На некоторых дощечках среди текста помещены фигуры, изображающие быка и собак. Это глифы, т. е. картинное письмо, наличие которых в тексте само собой указывает, что картинное письмо как основа символов, знаков-букв еще не было изжито..." Это утверждение совершенно неверно. На фото есть знак собаки (или лошади?)" но вне текста. О присутствии в тексте этих знаков Ю. П. Миролюбов не творит ни слова, а речь ведет о знаках на полях дощечек. Равным образом нет ни одной отметки в тексте" что эти знаки были. Знаки не были частью текста. Они обозначали нечто совсем иное, имеющее к тексту лишь косвенное отношение. Они играли роль каких-то указателей. Вообще стремление А. А. Кура связать во что бы то ни стало "Влесову книгу" с Индией, Ассирией и т. д. недоказательно и насильственно, хотя и понятно: А. А. Кур - ассириолог. Однако мы можем положительно утверждать, что картинное, идеографическое письмо

начисто отсутствует во "Влесовой книге". Равным образом неверно и следующее утверждение А. А. Кура (стр. 13): "Прототип этот родился где-то на юге и, безусловно, в основе своей имеет азбуку Асур, или, как ее называют, древнебиблейскую, т. е. ту, на которой писались те древние документы, из которых впоследствии выросла древняя Библия. Конечно, не надо эту азбуку смешивать с т. н. еврейской, или иудо-раввинской, как изобретенной много позже и после Рождества Христова". Не будем удаляться во тьму времен, о которых мы почти ничего не знаем. Нам ясно одно: "влесовица", безусловно, имела прототипом кириллицу, ибо по крайней мере 9/10 ее почти идентичны. Обе эти азбуки основаны на греческой азбуке. Поэтому если связывать алфавит Асур, то надо сравнивать его с греческим алфавитом, учитывая также, писались ли буквы справа налево или слева направо, ибо это влияет на технику письма и форму букв. Весьма возможно, что буквы Псалтыри, найденной в Корсуне ев. Кириллом, были близки к буквам "вдесовицы", но утверждая, что они были (стр. 14) "как раз теми же письменами" (подчеркнуто А. А. Куром), нельзя. У А. А. Кура создалось впечатление, что язык "Влесовой книги" (стр. 14) - "смесь русского, славянского, польского и литовского языков". Анализ всех доступных нам дощечек показал, что литовские слова начисто отсутствуют. "Влесова книга" написана на примитивном славянском языке. По А. А. Куру (стр. 14), "встречаются слова чисто библейские, напр., при славословии Сури называют ее Адонь - госпожа". Если мы обратимся к тексту ("СУРІА, СВЕТІ, НА НЬ, А, ДО, НЬЯ, ВІДІМО"), то убедимся, что этот отрывок вовсе не славословие, и слова "адонь" вовсе нет; имеется "а. до нь", т. е. "и до нас". Да и вообще, как могло попасть библейское выражение в кишу языческих жрецов, проникнутую ненавистью к грекам и христианству? Возможность библейских выражений совершенно исключена. На той же странице находим: "встречаются также выражения древнеиндусские; видимо, часть какого-то гимна или молитвы на языке пракрита... для примера укажу: "АНИМАРАНИМОРОКАН..." Трудно понять, что индусского в этом отрывке нашел А. А. Кур. Во-первых, это не гимн, отрывок взят из фразы: "а ни Мара, ни Мо рока не смею сланити". На самом деле это запрещение поклоняться "чернобогам" Мару и Мороку. Во-вторых, никакой связи с Индией нет. Равным образом А. А. Кур без оснований (там же, стр. 14; сент., стр. 32) связывает праотца Оря с Индией. Речь идет о Причерноморье и гуннах ("идемо от земе тоя, идеже хуние наши братчи забияют"). Никогда гунны из Индии славян не изгоняли. "Влесова книга" всем своим основанием плотно сидит в средней и отчасти юго-восточной Европе, и лишь ложные нощтения позволяли А. А. Куру найти какие-то индийские "мотивы". Вообще даже в текстах с обычным смыслом А. А. Кур делает ошибки. Совершенно ясную фразу (дош. | 7): "КІЕ БОРЗО ВДЕ, БОРЗЕ ИМА СЛАВУ, А КЫЕ ПОТЕХА ЩЕ, ТО ВРАНШ НА НЕ КРЯЩУТЬ" А А Кур (Ж.-П.", 1955, февр., стр. 28) - понимает так: "При водит в пример князя Кия, который в поход отправля

ется всегда тихо, даже осторожные вороны не кричат, видя его воинов в походе". Слово "кие", т. е. "которые" А. А. Кур превращает в князя Кия и совершенно извращает смысл фразы. В действительности сказано: "(те) которые скоро (борзо) идут в поход, имеют славу, а которые медленно идут, то на них (мертвых) вороны кричат". Смысл совсем противоположный тому, что дает А. А. Кур. Тем более что добавлено: "нападем, как соколы" и т. д. Эти примеры показывают (а их можно значительно умножить), что к комментариям А. А. Кура надо относиться с большой осторожностью. Время и место написания "Влесовой книги". Время написания "Влесовой книги", вернее последней ее части, устанавливается довольно точно между Аскольдом, Диром и Рюриком ("Ерек"), с одной стороны, и Олегом, с другой; вероятно, около 880 г. Летопись не была чем-то строго единым. Уже Миролюбов отметил, что писцов было по меньшей мере два. Анализ дощечек показывает, что, рассказывая о разных событиях, летопись не раз упоминает, "до настоящего времени" ("до сущь"). Совершенно очевидно, что это "настоящее время" было весьма разное. По мере хода времени к основной летописи добавлялись новые события. Разновременность записей подтверждается также разницей в языке и стиле. Начало "Книги", вероятно, на несколько столетий древнее ее конечной части. Интересно отметить, что о нападении руссов на Царьград в 860 г. нет ни слова. Впрочем, вопрос о том, какая Русь напала на Царьград, еще не выяснен. Есть место, где время написания установлено точно. К сожалению, мы не имеем вполне ясного понимания этого места. Сказано, что варяги прогнали хазар за... (не расшифровано) до настоящего времени. В отношении места написания летописи нами была высказана мысль, что "область" автора "Влесовой книги" лежала где-то на линии Полоцк-туров, т. е. там, где язычество особенно долго удерживалось на Руси" ("История "руссов" в неизвращенном виде", 1957, вып. 6, 619-620). Основание для этого мы видели в языке книги, содержащем много "полонизмов", а также в указании местно-стей, имен и народов, чаще всего в ней упоминаемых. В настоящее время, после более тщательного знакомства и изучения большого числа дощечек, мы склонны отодвинуть место повествования более к югу. Если бы автор жил к северу от Припяти, он должен был бы больше упоминать об ятвигях, литве, жмуди и т. д. На деле же центр тяжести все время в Причерноморье, именно - в степной его части. Киев, хотя и упоминается, но первенствующей роли не играет. Наоборот, упоминаются Волынь, Голынь, Русколунь, Воронжец и т. д. Равным образом в народе ильмерском вряд ли можно усмотреть обитателей озера Ильмеря (его побережья) или Ильмени, т. е. новгородцев. Из дополнительных текстов видно, что Ильмень связан с готами. А кроме того Боплан отметил, что еще в XVI столетии Днепровско-Бугский лиман назывался Ильменем. Все это относит место действия (и автора летописи) на юг, в степное Причерноморье. Кто был автором "Влесовой книги"? Мы, высказали предположение, что это был

жрец или жрецы языческой религии древних руссов. Это и верно, и неверно. Сколько можно судить по всем имеющимся данным, религия руссов обличалась такими особенностями: 1) храмов руссы не возводили, хотя, конечно, были места, особо почитаемые и служившие целям разных религиозных церемоний; 2) кумиров они не воздвигали та. 3) как следствие, специальных жрецов не имели. Функцию жрецов выполняла старейшие в роде. Таким образом, жрецов "de jure" не было, но они существовали "de facto". Можно думать, что с осложнением человеческих от-ношений, с появлением зачатков феодализма, под влиянием варваров и т. д. должна была выкристаллизоваться и каста наподобие жрецов. Это были старейшины, хранители старины и традиций. Их возраст, знания выделяли их из общей массы и тем создавали предпосылки для их обособления. Вероятно, они также врачевали, гадали, были советниками. Из этой-то среды и вышел автор "Влесовой книги". Несмотря на то, что некоторые части летописи написаны разными авторами, летопись имеет основное ядро, написанное одним человеком. Последующие дополнения делались уже по заданному трафарету. Красной нитью проходят всюду нелюбовь к христианству и наличие упорной политической и идеологической борьбы с ним. Автор был закоренелым язычником и прежде всего патриотом. В измене своей вере он видел гибель народности, он рьяно отстаивал традиции. Почти наверное можно сказать, что киевлянином он не был. О родственных отношениях племен вокруг понятия "Русь" будет речь впоследствии. Публикация о "дощечках Изенбека". В журнале "Жар-Птица" за 1954 г. имеются статьи А. А. Кура (январь, февраль, сентябрь и декабрь). Там же - за 1955 (январь, февраль). В 1956 г. о дощечках ничего не напечатано. Типографским способом опубликован текст дощечек в том же журнале. Приводим время в порядке дощечек | 1, 2а - 1958, март; | 2б, 3, 4а, 4б - 1959, май; | 4в, 5 - 1957, сентябрь; | 6а - 1957, декабрь, | 6б - 1958, 5январь | 6в, 6г - 1959, март; | 7а - 1958, июнь; | 7б - 1958, июль, | 7д, 7с - 1958, сентябрь; | 8а, 8б - 1957, август; | 9 - 1957, март, | 10 - 1957, апрель; | 11, 12, 13 - 1959, февраль, | 14 - ??; | 15 - 1958, май; | 16 - 1958, ноябрь-декабрь | 17а, 17б - 1958, апрель; | 18 - 1959, январь; | 19 - ??; | 20 - 1958, декабрь; | 21. 22, 23 - ??; | 24а. 24б - 1957, июль; | 25, 26 - ??; | 27 - 1958, октябрь.

Глава 17

История руссов согласно "Влесовой книге"

Прежде чем перейти к изложению этого вопроса, следует напомнить, что "Влесова книга" - это не летопись с последовательным расположением исторических событий, не описание княжений и т. д. (чего в свое время ожидал Ю. П. Миролюбов), а своеобразный сборник религиозно-поучительного содержания, в котором наряду со славословием богов, изложением религиозных обычаев и т. д. имеются и крупные отрывки, посвященные истории. В языческой религии наших предков огромную

роль играло почитание дедов и пращуров, в связи с этим и рассказывается о деяниях их. На примерах их жизни показывается необходимость единства" любви к родине и веры в своих богов, которые помогали пращурам в их борьбе с врагами. Поэтому изложение исторических событий отрывочно, фрагментарно. К одному и тому же событию возвращаются не раз, и часто освещение их или подробности не совсем совпадают с тем, что сказано в другом месте. Это, вероятно, объясняется еще и тем, что в писании "Влесовой книги" принимало участие несколько лиц, разделенных значительно во времени, что и отражается в стиле речи, в орфографии. Составление исторического обзора поэтому по "Влесовой книге" - дело нелегкое, тем паче что многое утеряно, испорчено или перепутано. Мы изберем следующий путь. С одной стороны, подберем отрывки, намечающие основные вехи истории Руси, как она рисовалась авторам "Влесовой книги", а с другой - мы остановим свое внимание на некоторых ярких отрывках, положение которых в общей схеме не ясно, но содержание которых может в значительной степени помочь в общем освещении событий. При дальнейших исследованиях и расшифровке текста, возможно, эти отрывки найдут свое место в общей схеме, но пока было бы неосторожно включать в схему их только по первому впечатлению: нити запутанного клубка постараемся распутывать постепенно, не рвать их. Исследователь "Влесовой книги" должен все время помнить, что перед ним не летопись, а религиозный сборник, основывающийся, однако, значительно и на истории. Отсюда - постоянные отступления от исторической линии и бесконечные повторения религиозно-нравственных формул. Однако как светская история не знает русского князя Бравлина, но его деяния донесены нам христианским источником - "Житием" св. Стефана Су-рожского, так и во "Влесовой книге" попадаются имена, не сохраненные светской историей. И, что самое интересное, мы находим здесь упоминание Бравлина с дополнительным замечанием, что ныне княжит его правнук, - обстоятельство, позволяющее уточнить время написания данной дощечки. История руссов может быть для удобства разделена на две части: 1) легендарную и 2) историческую. К легендарной относятся дощечки, где описываются действия легендарных лиц (русского Адама, имя которого даже не дошло до автора "Влесовой книги"), праотца Богу-мира, имена членов семьи которого уже сохранились, и праотца Оря, о котором говорится так много, что его следует скорее всего поставить первым в ряду исторических лиц. Возможно даже, что в дальнейшем удастся и установить приблизительно век, в котором он жил. В дощечках, говорящих о действительно исторических лицах, мы находим ряд имен, начиная с праотца Оря и кончая Аскольдом и Ереком (вероятно, Рюриком). Кроме того, мы встречаем указания на времена Герма-нариха, Галареха и других гуннских вождей, равно как и на времена Боуса, Мезеимира и целого ряда русских князей, неизвестных нам из истории. Довольно много данных о Кие, его братьях и т. д. Помимо этих имен,

могущих быть хронологическими вехами, неоднократно упоминаются важные события в жизни русского племени, например, появление на Карпатах, уход оттуда на Днепр и т. д.

Мы попытаемся дать только самый краткий схематический очерк исторических вех, отмечая, конечно, что многое уточнится в будущем, когда опубликуют весь текст, а также расшифруются многие темные места. 1. Имя русского Адама неизвестно. В 15-й дощечке лишь сказано, что "во время оно был муж ("менж") доблестен, который назывался отцом в Руси". У него была жена и две дочери. Жил он в степях, имел много скота - коров и овец. Но у дочерей не было мужей. Однако бог дал ему измоленное, т. е. он выдал дочерей замуж (обратная сторона дощечки, по-видимому, не была переписана). В этом сообщении интересны два пункта: 1) не названо ни одного имени, 2) неизвестный праотец жил в степях и имел много скота. Неупоминание имени праотца мы считаем очень характерным и говорящим в пользу аутентичности летописи: в этом сказалась отличительная черта русского народа - нелюбовь к фантазиям. Имя праотца забыто. С этим считаются. И никому не придет в голову выдумывать имя, хотя имена в легенде о следующем праотце уже даны. Будь это греки или римляне - имя было бы дано непременно. Указание о степях и скоте чрезвычайно важно и интересно, в особенности если мы примем во внимание дальнейшее содержание дощечек, где упоминание о скоте, траве, степях буквально не сходит с уст рассказчиков. Авторы "Влесовой книги" рисуют древних руссов как типичных скотоводов. Если они и занимались земледелием, то это был подсобный промысел. До сих пор ни один исторический источник не сообщал о существовании племен славян-скотоводов. Все считают их либо земледельцами, либо охотниками и рыболовами. Если мы примем во внимание, что место действия всех главных событий во "Влесовой книге" приурочено к причерноморским степям, то теоретически скотоводство наших предков вполне оправдано: это зона преимущественного скотоводства, хотя по долинам малых и больших рек земледелие может играть первенствующую роль. Скотоводческий образ жизни руссов делает понятным и большой территориальный охват "Влесовой книги": от Карпат до Волги, затем постоянные указания о передвижениях, смене места жительства - для скотоводов это явление совершенно нормальное, даже неотъемлемое. Поэтому упоминание то Сурожа (Крым), то рек Кадки Большой и Малой, то Дуная и Дона, то Волги и При-дунавья - реалистические подробности этих странствий. Вместе с тем становится понятным и преимущественное упоминание гуннов ("енгушти") и готов ("годь"), которые были постоянными соперниками в обладании причерноморскими степями. В одном месте прямо сказано, что с готами пришлось бороться 400 лет. Эта замечательная подробность открывает нам целый особый раздел истории Руси: период кочевой, или, вернее, полукочевой, господствовавший, по-видимому, в первых столетиях нашей эры. Этот этап экономического

развития Руси остался совершенно неучтенным официальной историей. Образ жизни, рост производительных сил имели совсем иной характер, чем это до сих пор представляли. Эта особенность "Влесовой книги" говорит опять-таки в пользу ее аутентичности: она не повторяет уже известного, а открывает то, что всем нам неизвестно, она вполне оригинальна и ничему не подражает. 2. Таким же скотоводом изображен и второй легендарный герой - Богумир, жена которого звалась Славу-ня, дочери - Древа, Скрева и Полева, а сыновья - Сев и Рус (младший). Легенда рассказывает, что Богумир не имел мужей для своих дочерей. По совету жены он отправился на поиски женихов. К вечеру он стал в поле у дуба и разложил костер. Затем он увидел трех всадников, устремившихся к нему. Те подъехали и сказали: "Здрави буди! Что ищешь?" Богумир рассказал о своей нужде. Те отвечали, что они в поисках за женами. Богумир вернулся в свои степи, ведя трех мужей своим дочерям. Далее несколько строк уничтожено. Затем сказано, что отсюда произошли три славных рода - древляне, кривичи и поляне. От сыновей же произошли северяне и русы. В этой легенде интересны два момента. Во-первых, явно еще чувствуется влияние матриархата: племена носят имена прародительниц. А, во-вторых, в другом месте "Влесовой книги" происхождение названий племен объясняется иначе - именно так, как в несторовской летописи, т. е. жители лесов называются древлянами, степей - полянами. Это показывает, что уже в глубокой древности русы задумывались над происхождением имен и выставляли различные гипотезы. Причем две разные гипотезы

существовали в одном и том же произведении. Легенда о Богумире привлекает еще и тем, что в конце ее имеются интересные подробности о месте и времени - обстоятельство также весьма оригинальное в отношении легенды. Обычно всякая легенда уклоняется от точности, а просто говорит: "во время оно". Сказано дословно так: "...утворісе родітые о седме речех ідеже обштвашехом за-морья о Краі зелень а камо скоті (...) древны ісходу до карпенстеа горі... то бяща она лятш пред тысенщ Тріе сты за іерманреху"... Перевести это можно приблизительно так: "создались те роды (от дочерей и сыновей Богумира) у семи рек, где обитали заморье в Зеленом крае и куда водили скот до исхода к Карпатской горе... было это перед 1300 лет до Германариха" (§ 9а, 15-17). Где был этот Зеленый край и о каком заморье идет речь - неизвестно. Но он упоминается еще раз. И есть надежда, что местоположение его будет установлено точно (см. ниже). В другой дощечке, § 15а, 7-14, имеются некоторые подробности древнейшего пребывания руссов. Сказано: "праоцы... ізыдоцьша од крае седьемріецштиа о горе ірштїа а загогрїа обентьшіа віек а такова попехцьша, іде на двоерієце... а теше до земе срїштїе а тамо ста пождїе, ідьша горыма а спезїема а ліадыма а от (...) до степны... дьшіа о прїе Тїе горїа карпенсте..." Таким образом, самым древним местопребыванием руссов был край семи рек. Они вышли от

райской горы и Загорья, прожили век, дальше пошли в область Двуречья... и попали в землю "Срштиє" [?], там стали, подождали и пошли большими горами, снегами, льдами и попали в степь... и пошли к Карпатской горе. Так как Германарих умер в 375 г., а жил будто бы более 100 лет, мы примем условно его время - 300 г. н. э. Значит, руссы жили в области семи рек за 1000 лет до н. э. у какой-то райской горы, а затем пошли в двуречье, потом, после долгих переходов через снежные горы, очутились в степи, а оттуда пошли к Карпатам. 3. Имеется дощечка (5а, 1-10), которая содержит как бы схему основных этапов жизни руссов. Она говорит: "л1аты до дару за тенсенце пенте ста ідоша прады наши до гуре карпанеске а тамо со оседнеща жівіа кладно", т. е. "за 1500 лет до Диры пошли наши предки к Карпатской горе и там осели, живучи богато".

Если мы примем время Диры условно - 850 г., приход руссов в Карпаты относился, стало быть, приблизительно к 650 г. до н. э. До этого они пребывали в области семи рек и других местах с 1000 г. до н. э. Мы не будем сейчас стремиться к уточнению, постараемся прежде всего установить основные вехи. Далее сказано (мелочи опускаем), что "тако сец біаш жівуть пенте ста леты а тамо птщехомсеп до всхдіацу су- не а ідехом до пьпре та бо рієка есе до мориже тецаіа то полуноце сіадше на не а сепімепован (и)епре препентеі... а тамо осепдеція сент леты". Проживши в Карпатах 500 лет, предки пошли на восход солнца к Днепру, та река течет в море, и сели на ней к северу и так званой Непре Припути, т. е. Припяти, и там сидели 500 лет. Примечательно, что Днепр называется всюду Непра. Боплан на своих картах отметил, что Днепр народом так же называется Непра. И здесь автор "Влесовой книги" на высоте знаний той эпохи. Кто был руководителем всех этих передвижений - не сказано. Праотец Орь, по видимому, принадлежит к эпохе послекарпатской и даже последнепровской. Из сказанного видно, что приход руссов к Днепру относится примерно к 150 г. до н. э. Он состоялся в направлении, уже совершенно точно определенном: от Карпат на восток к Днепру. О всех же предыдущих передвижениях и направлениях мы пока ничего сказать не можем. Далее сказано, что предки были союзниками "ильмерцев" и что они жили богато, разводя в степях скот. Однако ильмерцы оставили руссов и пошли на юг. В то же время началась борьба с костобоками, называемыми "костобце". Борьба с костобоками продолжалась 200 лет. В конце концов руссы, будучи побеждены, вынуждены были бежать в леса ("а наше родіце тещесті до ліаші пребендены суге"). И пребывали там 100 лет. Далее идет уже речь о готах Германариха. Уточнение хронологии мы пока оставляем в стороне. 4. Интересной вехой является первая встреча с готами, рассказанная в 9-й дощечке. Время этой встречи пока не выяснено. Приблизительный перевод таков: "...Пришли из Зеленого края к Готскому морю и там наткнулись на готов, которые преградили путь. И так бились за ту землю, за жизнь нашу. До того времени были

отцы наши у берегов моря на Ра реке (очевидно, Волге) и с великими трудностями переправили через нее своих людей и скот на тот берег, идучи к Дону ("идьща дону"), и там увидели готов. Шедши далее на юг, увидели Готское море и готов, вооружившихся против нас, и так принуждены были биться за жизнь свою и добро". Содержание исключительно интересно из-за указаний на географические пункты, которые можно узнать немедленно. "Зеленый рай" - это степи к востоку от нижней Волги вдоль Каспийского моря. Река Ра - бесспорно Волга, как это выясняется и из других источников - текстов "Влесовой книги", а также потому, что многие авторы древности называли ее так. "Готское море" - Азовское, безусловно. Речь идет о переселении руссов с востока из-за Волги к Дону и далее на юг к Азовскому морю, где они встретились с сопротивлением готов, которых увидели впервые. Любопытна реалистическая подробность: переправа людей и скота через Волгу сопровождалась большими трудностями. И здесь опять подчеркивается значение скота. О прочих деталях мы пока не говорим, считая преждевременным. 5. Очень интересен отрывок дощечки 26в: "...а кіе венде за рушь і шеко венде племы а хоревь хорвы свеа... одеіде хоревь і шех одо іне а сехом до карпанеське иоріа і тамо біахомь іні граде творіаєм іну іміахом соплемены ініаі бо-гепстве іміахом велко, се бо врзі налезеще на ны і то те-шахом до кіе градо а до голуне а тахомь оселешетеса..." Здесь мы имеем вариант известного сказания о Кие, руководившем Русью, Щеке, с его щеками, и о Хореве, предводителе хорватов. В отрывке упомянут момент, когда хорваты и щеки (не чехи ли?) отошли от руссов снова на запад к Карпатам, но пребывание их там было недолгим: враги вынудили их вновь бежать до Киева и Голуни и, очевидно, уже окончательно поселиться там. Всплывает тут упоминаемый не раз город Голунь, или Голынь, о котором наша история ничего не ведает. Название невольно наводит на мысль, что употребляемый также много раз термин "колунь" является одним и тем же. И, возможно, выражение "Русколунь" объясняется как Русь Колуни. А это, в свою очередь, совпадает с измененным иностранцами словом "Роксолань". Расшифровка пока нам кажется преждевременной, но в будущем возможной.

За тем отрывком следует не менее занимательный: "...і се кые умре за трідесе те ляты владыщете ны і по се ме біащ лебедіан іж.се реще славере і тые живе двасепте ляты а поте біасть верен зь влікоградіе текожьде двадесенте і тому сережень десенте...". Устанавливается, таким образом, что Кий княжил 30 лет. За ним был Лебедян, называемый также Славей, который княжил 20 лет. После него был Верен из Вели- кограда (или Великоградья). Наконец, Серезень, что княжил 10 лет. Иначе говоря, мы располагаем последовательным рядом четырех князей, княживших в сумме 80 лет. Вряд ли эта цифра точна, ибо княжения всех да ны явно в округленных цифрах. Напоследок, почти наверное, это не представители од ной династии Кия, а князей, избравшихся после- Кия. Ибо, во-первых,

нет ни слова об их родственных отношениях. А во-вторых, во многих местах подчеркивается, что раньше на княжения избирали и лишь в последнее время (когда - неясно) стали княжения наследственными. Пункт очень важный - можно приблизительно установить время зарождения феодализма. Имя Лебедян невольно наталкивает на мысль, не здесь ли речь о "воеводе Лебеде" (и стране его "Лебедии"), который упоминается в византийских источниках. Сопоставление данных о Кие, "строющем городе", и воеводе Лебеде, наравне с данными Стрыйковского, что Киев построен в 430 г., может значительно уточнить время на Киев. Детализацией этого и других подобных ему вопросов мы здесь не имеем возможности заниматься. 6. Об Аскольде и Дире имеется несколько глухих и прямых указаний на разных дощечках. Напр. (I 6): "...ту прве ворензе прїдша до русе асклд сылоу пограмлі кнезе нашему а птолце го асклд а позде дїр уседшісіа на не іако непршен кнза ті то кнжіте поша над она до іста... іако біаста она кнзе од гръцех крцена асклд есе темен вое а теко днесе од гръцех осьвецен...". Отрывок этот четко указывает, что Аскольд и Дир были чужими, притом варягами. Аскольд разгромил силы местного князя и стал "непрощен князь", т. е. стал править силой. В каких отношениях были Аскольд и Дир, и здесь неясно. Но вернее всего, что Аскольд был лишь воеводой Дира. Последний появился и сел в Киеве уже после победы Аскольда над местным русским князем. Восточные источники вообще Аскольда не знают, а

только Дира. Оба, по-видимому, были окрещены греками. В дощечке 7, 2 находим такие строки: "...за тенсенц Тріе сты леты од ісхьду крпеньсте асколд злы преїде на ны ту зегненсе народе мое...". Прилагательное "злый" по отношению к Аскольду и указание, что народ "согнулся", показывает недоброжелательное отношение летописца к Аскольду, явившемуся непрощеным и силой покорившему киевлян. Очень важно указание, что Аскольд появился в Киеве после 1300 лет от исхода руссов с Карпат. Так как появление Аскольда можно условно приурочить к 850 г. н. э. (вероятно, несколько позже), то исход с Карпат приходится приблизительно на 450 г. до н. э. Округлость цифры (1300) показывает на ее приблизительность. Но точность ее до столетия весьма вероятна. Так как во "Влескниге" дается несколько разных дат исхода с Карпат, в дальнейшем дате, по-видимому, можно будет уточнить. В других отрывках сказано, что варяги суть "хищники". Эти указания опровергают версию, что "злой" Аскольд и Дир были потомками Киева. Во многих местах все время говорится об избираемости князей. И лишь в одном месте сказано, что ныне власть князя стала наследственной. Поэтому предположение о славянстве Аскольда, видимо, должно отпасть. И мы не можем не принять версию всех наших летописей, что Аскольд и Дир были варягами, отколовшимися от Рюрика. Попутно, кстати, напомним, что, просматривая труд Байера, мы наткнулись на его указание, что имя Рюрик имело очень много вариантов. Были, напр., и Регорик, и Ругерик.

Что из этих слов путем сокращения (напр., из Богориса получился Борис) совершенно легко выходит Рюрик, доказывать особенно не приходится. Но дело в том, что Ругерик имеет смысл - ведь Рюрик был "ру-гом". Среди имен послов Игоря один просто назван по национальности - Ятвиг. Не исключено, что и с Ругери-ком случилось то же.

Глава 18

Фрагменты истории Руси из "Влесовой книги"

Разрозненность дощечек, их поврежденность, непонятные места и т. д. не дают возможности иметь общую картину Руси по "Влесовой книге" со всеми подробностями. Выше мы отметили лишь основные вехи ее. Однако мно жество отрывков, хотя и вне связи с предыдущим и последующим, пред ставят сами по себе все же большую ценность. Напр.: "тогда род наш назывался карпене". В данном случае не столь важно установить время, как тот факт, что руссы и карпы - одно и то же. Следовательно, исторические данные о карпах, до сих пор совершенно изолирован ные, должны войти в историю руссов. Даже такой отрывок: "трижды Русь погибнувшая восстала". Так как он суммирует огромный период истории Руси и доказывает живучесть этого народа. В этой главе мы займемся такими краткими, изоли рованными сообщениями. Однако есть надежда, что в дальнейшем, когда расшифровка продвинется заметно и весь текст будет опубликован, эти отрывки вступят в бо лее тесную связь с остальным текстом. 1. Итак (дощ. 6, серия их): "од Орие то се обеща на ши оце со борусы одо Раи реце до Непре", т. е. "от пра отца Оря обитали наши предки с борусами от реки Ра (Волги) до Днепра". Здесь наблюдается интересная связь области обитания со временем определенного историче ского лица. Область Волги до Днепра огромна даже для кочующего племени. Из этого следует, что племена были велики и распространялись дальше на восток, чем обыч но думают. Далее. Предки летописца не принадлежали к племени "борусов". Они лишь были родственны им. Имя борусов упомянуто во "Влесовой книге" много раз. И нет никакого сомнения, что "боруски" других исторических источников - то же самое. К тому же данные "Влескни- ги" устанавливают принадлежность борусов к славянам. Мы обращаем внимание на то, что греки в древности называли Днепр Борисфеном. Борисфен протекал по области борусков. Страна, согласно "Влескниге", называлась "Борускень". Сходство названий и совпадение местоположения заставляет нас принять к сведению, что оба названия - реки и племени, которое на ней обитало, - находятся друг с другом в связи. Кроме того, отметим, что слово Борисфен не греческое. Надо полагать, что в древности, еще до прибытия туда славян, Днепр назывался Борисфеном или очень близким по звучанию именем. Славянское племя, севшее на его берегах, приняло на себя название, как это мы наблюдали на множестве примеров: полочане, дунайцы, гаволяне,

запняне и т. д. Так как о Борисфене писал уже Геродот, то существование славян на Днепре можно считать уже доказанным к V в. до н. э. 2. Там же сказано, что "прилетела божья птица и сказала им отойти на полночь", они (т. е. предки) отошли и стали "стаунами по реце Роми". Не есть ли это указание на область той реки, у которой стоит современный город Ромны, или это относится к области города Римова, упомянутого в "Слове о полку Игореве" и находящегося где-то близко в этой же области? 3. Там же: "берендеи имели князя Саху, который был премудр и всегда друг наш". Указание имени князя может быть полезно при расшифровке и других источников. Кроме того, сообщено о помощи берендеям, которая была оказана руссами против ягов. Дружественные отношения с Сахом это оправдывают. 4. Там же упоминается неоднократно Русколунь - название загадочное (ясно лишь, что это было государственное объединение руссов). Думается, что это имя дало основание для исторического, но в устах иностранцев искаженного имени "Роксолании". Произошла, как это часто бывает, инверсия букв. Хотя словопроизводство "Русколуня" нам еще неизвестно, наличие во "Влескниге" слова "Грецколуня" показывает, что существовало слово "колунь", означавшее, вероятно, какое-то пространство. Встречается оно и в ином словесном окружении. Но значения его выяснить пока не удалось. 5. Там же: "Бяста киморе такожде оце нахше, а ти то ромы трясай, а гръце розметше, яко прасете устрашены", т. е.: "Были Кимрами (киммерийцами) отцы наши, и те потрясали Рим (вероятно, намек на Одоакра и т. д.), а греков разметали, как испуганных поросят". Ценное сведение, устанавливающее родство руссов с киммерийца-

ми, или Кимрами. Одновременно показывается и размах деятельности руссов: от Рима до греков. Очень образно сравнение бегства греков с движением испуганных поросят. 6. Там же, рядом: "Потлцена бя Русе оде гръце а реме, а то идша по брезех моренстех до Суренже, а тамо угвори Суренж крье, бо тен есе сурен...", т. е.: "Разбита была Русь греками и римлянами, и пошли (очевидно, руссы) по берегу Сурожа и там утворили Сурожский край, так как он был солнечен". Видимо, край был назван руссами в честь солнца, носившего имя также Сура. Сурож - со временный Судак в Крыму. Во "Влескниге" есть много сведений о Сурожской Руси. В районе Сурожа жили рус сы, большей частью им подчиненные и работавшие на греков. Многие были огречены и приняли христианскую веру, о чем с негодованием и рассказывается. Однако не раз руссы сбрасывали иго и, как сказано, "давали дыхати" грекам. Вековая борьба велась, конечно, с переменным успехом. О каком поражении идет речь и были ли римляне объединены с греками, сказать определенно нельзя. 7. Дош. 7: "То бо роме ны поглендаше а замстлящете злая на ны, и прошедша со возе сва а желзвена броне а утце на ны, а тому бранихомсе долго о нех а отращахом тая од земе наше, а роме венде, яко дрзи сме о животе нашем, а понехъша ны", т. е.: "То ведь римляне нам за видовали и

замыслили зло на нас - пришли со своими возами и железными бронями и ударили на нас, а поэто му долго отбивались от них и отбросили их от земли на шей; а римляне, видя, что мы крепко защищаем свою жизнь, оставили нас". Трудно установить место или об ласть, где происходила борьба, но скорее всего на Дунае, так как другие отрывки о столкновении с римлянами оп ределенно относятся к Дунаю, и он даже прямо назван. 8. Там же: "Тако гръце хотяй одеренете ны хорсуне а прящехомся... а бя боря а пря влка трдесенте ляты а та понехьшл сен...", т. е.: "Греки также хотели взять нас в рабство около Корсуня (Херсонеса в Крыму), но мы бо ролись... великая борьба продолжалась 30 лет и прекра тилась..." Здесь ясное указание на то, что руссы жили в Крыму недалеко от Херсонеса. Вероятно, Неаполис ("Новгород" князя Бравлина) был их городом. Длитель ная тридцатилетняя борьба свидетельствует о том, что дело идет не о каком-то набеге греков на руссов, а о борьбе двух соседних народов. Руссы, очевидно, одно время сидели очень крепко в Крыму. Есть дощечка, призывающая "соколами налететь на Корсунь" и отомстить за обиды. 9. Там же: "...а не дахом сме земе наше, яко зме трояию сме не дахом сен ромена, а да не встане обида. осце дажбовем внуцем", т. е.: "И не дали нашу землю (грекам), как не дали землю Трояна римлянам и да не встанет обида Даждьбоговым внукам"... Этот замечательный отрывок связывает "Влескнигу" со "Словом о полку Игореве", в котором встречаются выражения "земля Трояна", "встала обида в силах Даждьбова внука". Нами допускается заимствование. "Слово" было написано в 1187 г., "Влескнига" - незадолго до 890 г., т. е. между ними было около 300 лет. Нет ничего удивительного, что автор "Слова", явно недалеко ушедший от язычества, употреблял выражения древних времен - ходячие обороты. Отметим кстати, что имеются несколько слов, сближающих оба источника. Напр., встречаются выражение "изстягну ум" и слово "харалужный". Очевидно, от "Влескниги" шла какая-то традиция. "Слово" не могло возникнуть на голом месте. Оно, несомненно, опиралось на века письменной культуры. Опять же здесь упоминается земля Трояна в связи с римлянами. Вероятно, действие происходит где-то на западе в районах Дуная. 10. Там же: "имаме пронуденте хорсуне заплаите за слзы дщере наше уточена, а сыны одрение взято, плать бо та не србна ани злата, понеже одсенть главе я, на ще-поту стрщено...", т. е. "имеем принудить корсунян заплатить за слезы наших дочерей, за сынов, взятых в рабство; плата эта не серебром, не золотом, а только отсечь головы их, растропить на щепки". Дальше идет длинный призыв к походу. 11. Там же: "Дажбо нас родиве кренз замунь а то бе-дехщемо кравенце а скуфе, онти, бе русы, борусень а су-ренжцы", т. е.: "Даждь-бог родил нас через кровавую (непонятное) и стали кровные родственники: скифы, ан-ты, русь, борусень и суренжцы". Очень интересное место, указывающее на родственность племен славян. Подобных мест есть несколько, но точный смысл их расшифровать нельзя. 12. Там же: "а жещеть тая птыця о грдынех борусень-ков якове од роме падша колы данаеве вендле троянь валу", т. е.

"и говорит та птица о храбрецах-борусках, пав ших в борьбе с римлянами около Дуная, возле Троянова вала". Здесь место борьбы с римлянами - у Дуная, у Троянова вала - указано совершенно точно. Троянов вал, несомненно, именно тот, который защищал римлян от нападения "варваров" с севера. Почему Троянов вал назван Трояновым валом - не выяснено. Название свя зано не только с имп. Трояном. Ведь Трояновы валы бы ли и недалеко от Киева. Весьма возможно, что Траян и Троян вовсе не синонимы. Замечательна фонетика слова "птыця" - оно совершенно точно передает современную форму украинского языка. Вообще язык "Влескниги" - странная комбинация польских, чешских, русских и украинских слов, но в весьма своеобразных сочетаниях. 13. Там же: "Хрвать берияй све воя тодь ина шесть ишеху, селенше з русева а тако з не оделенция земе, а з нихма утворе русколане, кии бо усендесе о кыеве...", т. е.: "Хорват (племя хорватов) взял своих сынов тогда, ища иную часть (землю), поселился с Русью... и с ними утворил Руськолань, которые осели у Киева". Исключительно содержательный отрывок, к сожалению, не совсем ясный. Далее идет отрывок с запутанным смыслом, но из него все же ясно, что "иной земли искать не будем, а будем с Русью", потому что та "есть мать наша, а мы дети ее" и будем, дескать, до конца с ней. Здесь летописец, признавая Русь своей матерью, в то же время отмечает, что он русс не в узком понимании, а в широком. Очевидно, он принадлежал к какому-то племени, происшедшему от Руси, но имевшему и иное имя. Вполне возможно, что он принадлежал к хорватам, о которых и сказано, что они, соединившись с Русью, образовали Руськолань. Верно ли такое понимание - покажут другие отрывки. 14. Дош. 8: "...от оце орее един род слвен, а по (о)цео тре сынове (е)го розделенщесе на трицу, а тако ста о рус колане а веньце еже сен разделщесе на двы таботва об боросех якве бящете рострждена на две а тогде имяхом скоро десенте...", т. е.: "...при отце Оре был един славный народ (но можно понимать и "славянский" - слово, далее встречающееся), а после отца (Оря) трое его сыновей разделились на три части, и так образовалась Руськолань, и венцы, которые разделились на две части... так что скоро получилось десять частей". Текст во многом не ясен. Но есть надежда его уточнить. В отношении слова "Руськолань" следует заметить, что есть и вариант "Русько-

лань". Если последний вариант более правильный, то можно понять слово иначе: "русь(ая) лань". Лан - поле. Все выражение: "Русское поле". Какой из вариантов верен, пока еще сказать нельзя. 15. Любопытно сообщение, повторяющееся дважды (дош. 4 и 6) и дающее новую хронологическую дату. "а бя тая славная деяна од пренходу слвенсти люде на русе десенте ста трештего лета..." Речь идет о времени князя Светояра (Свентояре), когда Боляр разбил готов и скот-цев (неизвестное племя, имя которого упоминается несколько раз). Если читать буквально, получаем десять раз по сто, т. е. тысячу и третий год. Такая цифра не может быть принята, ибо

такой точности (1003 г.) просто не могло быть в то время. Да и всюду употребляется слово "тысяча", а не "десять сто". Очевидно, цифру надо читать на иной лад. Нам кажется, что следует понимать 310, т. е. говорили "десять" и "три ста". В этом случае срок оказывается более чем в три раза меньше и такой величины, что народная память могла его и удержать. В другой дощечке о том же сказано: "...десенте ста трешетято одо карпенске исходу". Здесь указано начало отсчета - отход с Карпат. А далее сказано, что бояр Сегеня убил сына Германариха. Этим устанавливается приблизительно момент битвы. Так как Германарих имел уже взрослого сына, то условно и предварительно можно принять, что битва случилась в 350 г., и, следовательно, исход с Карпат был в начале нашей эры. На деталях и критическом рассмотрении мы не можем останавливаться (предмет особого труда). 16.' Неоднократно упоминается о Воронзенце (не Воронеж ли?). По-видимому, это был важный пункт, но уничтоженный во время борьбы с готью. "...себо во-ронзенць біа Міесто о іакове усілісеше годе а русе се біете і то градо біа мало а такожьде попріе тоє соженен-ты прах і пупелы тыа віетріема роштрщены обасва полы і муесто сые оставієно не бо жь земіє таіа рускше і се не озерешетесе о ніє а не забудешете теіу там бо крв оцы нашієх сен ліліаше..." Речь идет о борьбе с готами, в результате которой Воронзенц был сожжен в прах и пепел и место оставлено руссами, но землю ту русскую не следует забывать, ибо там лилась кровь отцов наших. 17. Там же отрывок: "...іакожде за щасє мезєнміру тако от антїє сьме", - указывающий, что во времена князя Мезенмира руссы были "антами". На обратной стороне той же дощечки - вновь отрывок, подтверждающий сказанное: "...се бо антїє біахом по русколанї і дрїєвле біахом русе... і антїє мезєнміру одержещеть побїєды о годїє..." Итак, руссы, живучи в области, называвшейся Руско-лань, именовались антами, издревле были руссами... ан-ты Мезенмира одерживали победы над готами. Это сообщение очень важно. Мы не знаем почему, но часть руссов называлась антами. Это устанавливается теперь прямым указанием "Влескниги". Кроме того, очевидно, что имя "анты" впоследствии было утеряно, но народная память сохранила его, хотя первоначальное имя руссы и было восстановлено. В связке дощечек 24 есть еще весьма темный отрывок, говорящий о временах антов: "...іакоже вієдієхомь само отызе старїа нашїа споленства антїєва..." 18. На той же дощечке упоминается в отрывке, посвященном религии, дуб и сноп. Это сочетание повторяется не раз. Дуб - по-видимому, символ Перуна. Что означало сноп - неизвестно. Однако в украинских рождественских обычаях и по сей день фигурирует сноп (не символ ли урожая?). Здесь какое-то сравнение, ясное лишь тому, кто знал значение религиозных обычаев древних руссов. 19. Тут же сказано: "...се о волынь іде о предех і бе врзе іахо хоробрїа есе і та волынь є перошщє родо есе..." Далее идет сказанное об антах и Мезенмире. Волынь тут называется "ядром" (первыше) рода. Вообще Волынь, Мезенмир и анты образуют какой-то комплект, значение которого, по-видимому, удастся расшифровать позже.

20. На дощ. 26 - длинное изложение попытки во времена праотца Оря соединить его племя с племенем, впоследствии называемым Кия. Попытка объединения не удалась. Орь ушел отдельно и построил город Го-лынъ. 21. Очень важно географическое указание (также дощечка): "...а годе усїедеше на калїціу малоу і теще до брезї мрштї такве земе одержешать до дону і потоу дону рієце і се калка вліка іє кромь межде ны і превщаїа пле-мы...", т. е. готы уселись на Малой Калке и до берега моря и таким образом получили землю до Дона-реки, и Калка Великая является нашей границей. К какому столетию относится это указание, неясно, но упоминание обоих Калок, моря (очевидно, Азовского), Дона показывает достаточно четко границы, занимаемые тогда готами. На этом мы и позволим себе прервать изложение отдельных частей текста, дающих много нового. Такого материала гораздо больше, чем приведено. И еще больше такого, где смысл темен. Излагать его полностью нельзя - слишком много места заняло бы. Мы надеемся вернуться к нему в особом труде о "Влесовой книге", в которой будут полностью приведены все известные автору тексты, расшифрованы многие темные места, сопоставлены разные отрывки, проанализированы всесторонне все данные. Нужно думать, что и приведенное выше дает достаточно для понимания, с каким материалом имеет дело во "Влесовой книге" исследователь. Материал огромен, и его хватит не для одного только исследователя.

Глава 19

Что представляла собой религия древних руссов

Религиозной жизни древних руссов не было уделено достаточно внимания: ее мы плохо знаем. А то, что мы знаем, не приведено в должный порядок и недостаточно осмыслено. Это пренебрежение необоснованно. Религия в жизни древних руссов много значила, и оставлять ее в тени равносильно незнанию и непониманию существенного в прошлом. Более того, это значит не понимать многого и в настоящем, ибо немало старого, древнего, архаического протянулось даже до нынешнего времени, мы лишь не ведаем этого. Каждая религия (своя, оригинальная) - это отражение души народа, его сути, способа мышления, нравственных и умственных качеств. Если в средней школе уделяли достаточно времени для изучения мифов Древней Греции и Рима, казалось бы естественным изучать и свою собственную мифологию. Но этого не было. Своей мифологии мы не имеем. А главное - не стремимся ее узнать. Причина ясна, хотя о ней говорить и не совсем прилично, - давление христианской церкви. Православная церковь веками старалась замалчивать суть и значение русского язычества. Более того, она замалчивала и то, что борьба между языческой и христианской религией не была столь кратковременна и так победоносна, как это кажется. Многие из языческих обрядов оказались

неистребимым. Православная церковь, чтобы стать победительницей, должна была многое воспринять, облечь в свои формы. Словом, пойти на компромисс. В особенности это касается похоронных обрядов. Говорить о язычестве, даже просто вспоминать о нем, считалось грехом, а между тем в оригинальной религии древних руссов не было ничего такого, чего мы могли бы стыдиться. Со времени господства на Руси христианства прошло уже почти 1000 лет - пора уже взглянуть на наше язычество трезвыми глазами и отдать ему должное. О каком-нибудь соперничестве с христианством теперь не может быть и речи. Поэтому будет полезно узнать, какова была в действительности религия наших языческих предков. В ней как-никак, а отражается душа народа. Это была сильная, внутренне крепко скроенная религия, высокая, красивая, а потому представлявшая для христианства страшного противника. Прежде всего в ее основных положениях было много сходства с христианством: единобожие (а не политеизм, как принято думать!), вера в бессмертие души, в загробную жизнь и т. д. Вместе с тем язычеству руссов были свойственны и особые черты, отличавшие ее коренным образом от многих религий. Напр., руссы не считали себя изделием бога, его вещами. Они мыслили себя его потомками. Они - "дажьбови внуци", т. е. внуки Дажь-бога. Поэтому характер взаимоотношений между руссами и богом был совсем иной: они не унижались перед своим пращуром. Они, понимая все его превосходство, вместе с тем сознавали и естественное с ним родство. Это придавало религии совсем особый характер, отсюда и отсутствие у них храмов (напомним, что мы все время будем говорить о восточных руссах!) для умилоствления богов и молитв к ним. Бог был для них всюду, и они обращались к нему прямо и непосредственно. Если и имелись особые религиозные места, то они определялись удобством общей

молитвы, а не особой священностью данного места. Не было у них и кумиров (об этом подробнее ниже), хотя соседние неславянские племена, часто жившие не только рядом, но и смешанно, их имели. Не было у них и особой касты жрецов. Просто старшие в роде выполняли руководство их обрядами. Следует немедленно оговориться, что существующие у нас представления о религии древних руссов в большинстве случаев опираются не на прямые данные, а на сравнение с тем, что известно о религии западных славян и руссов в частности. Это происходит потому, что об этих последних сохранилось гораздо больше сведений. Справедлива, однако, французская поговорка о том, что сравнение и сходство - это еще не доказательство. Что мы и видим на следующем примере. Считают, что восточные руссы практиковали человеческие жертвоприношения, и ссылаются на свидетельство летописи об убиении варяга-христианина, отказавшегося принести сына в жертву. Наткнувшись на свидетельство "Влесовой книги", что человеческие жертвы у древних руссов не совершались, что это ложь ("лужева ренщ"), что подобные жертвоприношения существуют у западных славян, - мы

обратились к летописям. К нашему изумлению, оказалось, что "Влесова книга" права: нет ни малейших данных, что до Владимира Великого на Руси были кумиры, человеческие жертвоприношения и т. д. Это было новшество, завезенное Владимиром от западных славян в угоду дружине (оттуда), на которую он опирался. Просуществовало это не более 10 лет и поэтому никак не может быть приписано нашим предкам. Древние руссы принимали три основные субстанции мира: Явь, Навь и Правь. "Явь" - это видимый, материальный, реальный мир. "Навь" - мир нематериальный, потусторонний, мир мертвецов. "Правь" - это истина или законы Сварога, управляющие всем миром, т. е. в первую очередь Явью. После смерти душа человека, покидая Явь, переходила в мир невидимый - Навь. Некоторое время она странствовала, пока не достигала Ирия, или Рая, где жил Сварог, сварожичи и предки руссов. Душа может явиться из Нави, где она пребывает в некотором состоянии сна, опять в Явь, но лишь по тому пути, по которому она вышла из Яви в Навь. Этим объясняется древний обычай, согласно которому, тело покой-

ника выносилось из дому не через двери, а через пролом в стене, затем его немедленно заделывали. Душа не могла вернуться в дом и беспокоить живых людей, ибо через стену проникнуть не могла, а через двери и окна был уже не тот путь, каким она вышла. Вера эта настолько была сильна, что тело Владимира Великого, несмотря на то, что он был христианин и окружение его крещено, все же было вынесено через пролом в стене. Понятия ада не существовало. Понятие Нави дожило до современности, хотя и утратило черты ясности. Мы знаем "Навий день", т. е. день покойников, который отмечался еще в минувшем столетии в крестьянстве. Знаем "навьи чары", т. е. наваждение. Но теперь это лишь пустая оболочка слов без содержания (оно утратилось). В противоположность общепринятому мнению религия древних руссов была не политеистической, а монотеистической: Бог - творец мира признавался единой, всемогущей сущностью. Представление о том, что руссы признавали много богов, было основано на не совсем верном понимании основ религии. Наличие других богов и божков несколько не нарушало принципа монотеистичности. Как в христианстве кроме Творца признают ся Богоматерь, апостолы, святые, ангелы и т. д., так и у древних руссов имелись второстепенные боги и божки, отражавшие многообразие сил в природе. Но над всеми ими господствовала единая всемогущая сила - Бог. Любопытно, что идея троицы, родившаяся в недрах арийских народов, была ясно выражена и здесь. Бог также назывался Триглав. Это было триединство. Триглав вовсе не был, как это неверно представляют, отдельным, особым богом с тремя головами. Это был единый Бог, но в трех лицах. Именно - Сварог, Перун и Световид. Последние два были порождением Сварога. Имелась своего рода аналогия с христианством ("Бог един, но троичен в лицах"). Вместо "Троицы" употреблялось слово "Три глав". Вместе с тем религия древних руссов была и пантеистична:

они не отделяли богов от сил природы. Они по клонялись всем силам природы - большим, средним и малым (подробности дальше). Всякая сила была для них проявлением бога. Бог был для них всюду: свет, тепло, молния, дождь, родник, река, ветер, дуб, давший им пищу, плодородие земли и т. д. - все это, большое и малое,

двигавшее жизнь, было проявлением бога, а одновременно и самим богом. Руссы жили в природе, считали себя ее частью и, так сказать, растворялись в ней. Это была солнечная, живая, реалистическая религия. В противоположность грекам и римлянам древние руссы мало персонифицировали своих богов. Они не переносили на них своих человеческих черт, не делали из них просто сверхчеловеков, как это рисовалось грекам и римлянам. Боги их не женились, не имели детей, не пировали, не бились и т. д. Божества были скорее символами явлений природы (довольно расплывчатыми, кстати). Человеческого в них было мало. Отсюда вытекала особая черта религии восточных руссов: они не создавали кумиров, как это делали западные руссы. Они не старались вообразить богов во плоти, в материи. Они были крайне далеки от грубого язычества, которое мазало своим кумирам губы, подразумевая под этим кормление последних пищей, и т. д. В связи с этим понятно, что в пантеоне богов древних руссов вовсе отсутствуют богини. Понятие пола как-то не касается их религии. Древний русс (восточный) видел в своих богах главным образом силы, влиявшие на человека тем или иным образом: силы добрые и злые. Человеческое в этих силах было то, что они понимали древних руссов. Природа для руссов была полна сил-богов, и они непосредственно с ними общались. Они не устраивали особых мест для молитв - они просто молились тому, что было перед ними. Если деревья (напр., старые дубы) являлись центрами, возле которых совершались религиозные обряды, то это не означало, что руссы поклоняются ему. Поклонялись той силе, которая создала этот дуб. Религия древних руссов была религией радости, восхищения перед силой и красотой природы. Если и были особые места, где происходили жертвоприношения, празднования, то в них не было ничего особенного, таинственного, "святая святых" и т. д. Это были места, освященные веками и, очевидно, удобные для собрания многих людей. Во всем царила естественная (и потому красивая) простота. Следствием всего этого было отсутствие особой касты жрецов. Просто старшие в роде, знавшие лучше религиозные обычаи, брали на себя руководство церемониями. Руссы не нуждались в посредниках между собой и богом - они были его "внуци" и обращались к нему во всех слу чаях жизни. Общая мольба создавала необходимость и некоторого порядка. Этот порядок устанавливался и под держивался старшими. Все, что мы знаем о кудесниках, волхвах, жрецах и т. д., - это отголоски не русских религий, а тех народов, главным образом утро-финнов, среди которых жили рус сы. Необыкновенно тесная связь с природой во всех ее проявлениях была отражена самим ходом религиозной

жизни руссов. В разные времена года молились по-разному - в зависимости от хода изменений в природе. Вот дни становились самыми короткими. И наконец наступил перелом - дни опять начинали нарастать. Один круг изменений заканчивался, начинался новый. Этот момент всегда торжественно праздновался. Это был период, соответствующий нашему Рождеству - Новому году. Круг по-древнеславянски назывался "коло". Бог нового круга назывался поэтому "Коленда". В более новом произношении "Коляда". С поклонением богу Коляде связано множество обычаев и песен (колядки). На них мы не можем останавливаться, ибо не пишем монографию на эту тему. Зато отметим, что римские "календы" припадали как раз на праздник Коляды. Слово это не римское, заимствованное. И ничего для римлян не означает. Просто является сочетанием звуков. Мы имеем основания полагать, что римские "календы" (отсюда календарь) были переняты у славян, общение с которыми документально установлено уже к рубежу нашей эры, но, разумеется, шло в глубину веков. С молитвами были связаны жертвоприношения. Прежде подносились богу главным образом плоды земли и своих трудов: зерно, фрукты, цветы, молоко, жиры, изредка (в установленные дни) ягненок. Арабский писатель Ибн-Даста записал одно из обращений руссов к богу: "Господин, ты, который снабжал нас пищей, снабди и нас и теперь в изобилии" При этом они клали зерна проса в ковш и приподнимали к небу. В иных случаях в жертву приносили или петуха или курицу. Причем разрешалось убить их или отпустить на волю. Ягнят в заклан намечали в особо торжественные дни. Напр., в день Красной горки. "Влесова книга" сохранила указание о том, что праздник этот был учрежден в "спомин горе Карпенсь-тей", т. е. ежегодно праздновался день благополучного исхода с Карпат. Праздники всегда отмечались пиршествами. Даже по

покойникам. А также в связи с различными состязаниями и играми. Вообще религия древних руссов была религией радости. Даже горе сочеталось у них с радостью: павший герой чтился пиршествами, играми. За него радовались, что он попал в Ирий, на радость своим дедам и бабам, увидевшимся с ним. Кроме светлых богов, богов света, добра, наши предки поклонялись, несомненно, также и "черным" - богам мрака и зла. Ведь боязнь тьмы - чувство врожденное, испытываемое всеми детьми. А боязнь всегда порождает мысль умолить то, что угрожает. Однако поклонение "черным" богам рассматривалось как недопустимое теми, кто поклонялся богам светлым. Поэтому поклонение "черным" богам, формы его остались почти неизвестными. Ибо черноебожие запрещалось и религией наших предков. Это видно из осколка "Влесовой книги", гласящего: "...ани Мара, ни Морока не смеемо славити... а... к.. оти бо то дивы суте, наше нещаст (я)... наше дидо есть, бе Св(а)р(о)зе", т. е. "а ни Мара, ни Морока не смеем славить, те ведь суть дивы (демоны), наше несчастье .. наш дидо (бог) есть и был Сварог". И Мара, и Морока автор

"Влесовой книги" называет "дивами", т. е. злыми духами, и считает их "нашим несчастьем", так как они только тем и занимаются, что приносят людям зло. Отголоски о Диве мы находим и в "Слове о полку Иго-реве" ("Див кличеть верху дерева"), где Див предсказывает неудачу похода русского князя. Кое-что уцелело и в украинском народном быту. Желая зла кому-нибудь, говорят: "щоб на тебе Див прийшов". Мы совершенно не знаем, каковы были функции, приписываемые Мару или Мороку, какая разница была между ними, но в украинском быту, однако, уцелело понятие "Мара". Это - злое наваждение, обман дьявола, привидение. Все галлюцинации - от действий Мары Таким образом, следы черно-божия не совсем стерты до сих пор. Чернобожие, вероятно, было остатками еще более древней религии, смененной на веру в светлых богов. У современных народов чернобожие имеет место у кур-дов-иезидов. Последние рассуждают так: бог - это существо всеблагое, дающее людям лишь благо. Дьявол же сеет повсюду только зло. Поэтому именно ему следует молиться, упрашивать не совершать зла. Из "Влесовой книги" видно, что чернобожие запрещалось религией наших предков. Из этого можно сделать заключение: в черных богов все же верили и им, вероятно, тайно поклонялись. Это еретичество было распространено, если "Влесова книга" все же сочла нужным упомянуть об этом. Просматривая запрещения христианской религии в отношении лиц, перешедших в христианство, но не отказавшихся также от некоторых своих языческих верований, можно заметить, что кое-что из этих запрещений касается, вероятно, пунктов не белобожия, а чернобожия (моление под овином и т. д.). Чернобожие наших предков нам кажется пережитком более древней религии. А религиозные пережитки, мы знаем, отличаются не обыкновенной живучестью. Христианство существует у нас около 1000 лет уже, но значительная часть похоронных обрядов осталась не истребленной существующей церковью, а вошла в ее обиход. Напр., особые блюда: коливо, кутья - это отголоски языческой тризны. Всякие "голошения", "заплачки" на могилах, несмотря на все запрещения христианской церкви, существуют и по сей день. Таким образом, чернобожие наших предков - этап, давно пройденный и утерявший навсегда большинство своих обрядов и даже их смысл. Чтобы дать представление о религии предков, приведем содержание дощечки 13, целиком посвященной этому вопросу и не связанной с другими. Полный и точный перевод обеих ее сторон не осуществлен, да и вряд ли он будет целесообразен в книге, подводящей лишь общие итоги. Мы ограничимся изложением лишь общего хода мыслей (многоточиями обозначим места, где смысл не достаточно ясен). "Прежде всего имеем поклониться Триглаву, а поэту мы поем ему великую славу, хвалим Сварога, деда божия... начинателю всех родов; он вечный родник, что течет во времени из своего истока, который никогда, и зимой, не замерзает; пьюще ту живую воду, "живихомся"... пока не попадем до его райских лугов". Этим славословие Сварогу, богу неба и Вселенной, кончается. Далее начинается

славословие второй ипостаси троицы - Перуну: "...и богу Перуну, громовержцу, богу битвы и борения... который не перестает вращать коло (круг) жизни в Яви и который ведет нас стезей правды до брани и до

великой тризны о всех павших, что идут к жизни вечной до полка Перунова". Затем идет -славословие Световиду, третьей ипостаси троицы: "...и богу Световиду славу рцем, он ведь бог Прави и Яви, а потому поем песни, так как он есть свет, через который мы видим мир и существует Явь. ...Он нас оберегает от Нави, ему хвалу поем, пляшем и взываем богу нашему, который землю, солнце и звезды держит и свет крепко... отречемся от злых деяний наших и течем к добру"... Здесь уже в славословие вклинивается элемент морали - "одрцохом сен одо злыя деяна наша и добру тецехомсте"... "...ибо это великая тайна, Сварог - Перун есть, и Свентовид. Те два естества отрождены от Сварога и оба, Белобог и Чернобог, борются, Сварог же держит, чтобы Свентовиду не быть поверженному". Речь, очевидно, идет о борьбе дня и ночи, добра и зла. За ними двумя (Перуном и Световидом) - "Хоре, Велес, Стрибо, а за ними - Вышень, Лель, Летич, Радо-тощ, Колендо и Крышень... сивый Яр, Дажьбо..." Перечислены в данном отрывке уже не высшие боги, а "средние", после которых идет длинный список "малых" ботов. Существовали даже божки - грибов, цветов, пчел, проса и т. д. Расшифровка их чрезвычайно интересна для выяснения сути религии, но невозможна в данной работе из-за огромного места, необходимого для комментариев. Дальше в тексте какой-то разрыв, что-то напутано, но можно вычленить: "...и тут же отрок, отверзающий те ворота и вводящий в него, - то прекрасный Ирий (рай), и там река течет, которая отделяет Сварога (очевидно, небо) от Яви, а Числобог учитывает наши дни, говорит богу свои числа, быть ли дню Сварогову или же быть ночи. . слава богу Перуну огнекудру, который стреляет на врагов и верно ведет по стезе, он есть честь и суд воинам, так как золоторун, милостив и праведен есть". На этом дощечка оканчивается. Бросается в глаза местами образность: бог - родник живой воды, который не замерзает даже зимой; Перун - огнекудрый, золоторунный; бог не перестает вращать колесо жизни; бог держит землю, солнце и звезды; существует Числобог, учитывающий время, назначающий день и ночь и т. д.

В языческом "верую" включены и элементы морали: отречемся от злых деяний. О троице-Триглаве сказано: тайна эта велика есть. Интересны детали религиозного ритуала: богам не только песни пели, их восхваляли, но им также плясали. Имеются данные о религиозной жизни и на других дощечках. Так, дощечка | 7 сообщает: "Слава богам на шим: имеем истинную веру, которая не требует челове ческих жертв, совершаются же они у варягов (западных славян), которые всегда это делали, называя Перуна Перкуном. Мы же приносим полевою жертву, от трудов наших: просо, молоко, жиры; ягнят мы жертвуем на Ко ляду, в Русалий день, в

Яров день, а также на Красную горку, что мы делаем в память горы Карпатской. В то время назывался наш род карпене"... Таким образом, старинный обычай "Красной горки" (пасхальная неделя), сохранившийся до наших дней, хо тя бы только в языке, в названии, - идет из глубины веков: этот день предки наши праздновали как день исхода с Карпат на Днепр, о чем более точно сказано в другом месте. Жили наши предки на Карпатах, а потому называ лись также и "карпене" (как "полочане" на реке Пологе, на которой жили, или "новгородцы - по Новгороду). Указание это исключительно ценно, ибо племя "карпов" в Карпатах отмечено неоднократно древними историка ми, но в первые века н. э. исчезает. Таким образом, ис тория "карпов" есть часть истории руссов. И мы теперь смело можем воспользоваться ими для истории руссов и связать данные "Влесовой книги", хоть и доволь но скуд ные, с данными истории. "Если греки приписывают нам человеческие жертвы, - это ложь, нет этого у нас в обычае", - продолжает "Вле- сова книга". В другом месте (дощечка 24) сказано: "боги Руси не берут жертвы людской или животной. Единая жертва - плоды, овощи, цветы, зерно, молоко, "суру"-питье, в травах квашенное, и мед; никогда живую птицу или ры бу; это варяги и аланы дают богам жертву иную, страшную, человеческую; этого мы не можем делать, так как мы внуки Дажь-бога и не имеем следовать по чужим стопам". Здесь ярко выражено отношение руссов к человеческим жертвам: этот обряд страшит, отталкивает их, они

понимают, что им не должно следовать по чужим (кровавым) стопам. Это подтверждается и тем, что в русских былинах, сказах, пословицах, сказках нет ни малейших отзвуков о существовании у восточных руссов человеческих жертв. Они знали о них у других народов. Но этот обычай отталкивал их и был запрещен религией. Интересную картину хода религиозного дня дает фрагмент, который мы назовем: "дощечка В - ход дня", посвященный только этому предмету (дощ. | 12). "Если светит солнце (т. е. настало утро), поем хвалу богам и огнищу Перуна, который есть, сказано, победитель варягов, и провозглашаем великую славу отцам нашим (и) дедам, которые суть в небе; просим так трижды вести наши стада на траву". Таким образом, утро начиналось молитвой к богам и работой. "...когда же (надо) вести их в другую степь, - идем есть и второй раз, хвалу богам возносяще, поем славу и так до полудня. И, говоря славу великому Хорсу золото-рунному, вращающему коло (очевидно, круг солнца), пьем "суряну" (наверное, что-то вроде сыворотки) и так до вечера; а вечером, когда уже зажжем сложенные костры, поем славу вечернюю Дажь-богу нашему, который, сказано, есть прадед наш, и, заботясь, чтобы быть чистыми, и умывшись, идем ко сну". Из этого видно, что моление совершалось в день трижды: утром - богам, Перуну и праотцам, днем - Хорсу, т. е. солнцу, вечером - Дажь-богу. Замечательно, что перед сном руссы обязательно мылись и молились, это входило в религиозный ритуал. О телесной чистоте говорится и в других дощечках.

"Славим бози наше а молихомся з телесы, омовлени водоу чистоу", - гласит дощечка | 3. "Молынь творя-ще; омыехомсе телесы наши а рцехом хвалу", - говорит дощечка | 24. Таким образом, религия предков требовала чистоты не только духовной, но и телесной: богу молились с чистым телом. О дикости, некультурности наших предков не могло быть и речи. Интересно, что в описании дня все связано со скотом. Однако в дощечке | 3, которую мы называем "дощечка С-о труде", очевидно, написанной другим автором, подчеркивается важность труда в поле, речь идет о добывании хлеба. К сожалению, дощечка в некоторых местах исчерпывающе не расшифровывается, можно выхватить лишь отдельные выражения. Ясно, что труд на поле был ежедневным трудом муж чин. Прямо говорится о добывании не молока, а хлеба. Кончается словами: "...домой идем, потрудившись, там огонь зажигаем, едим покорм наш и говорим, какова есть ласка божеская к нам... и молимся с телом, смытым чистой водой". Тут же добавлено, что десятую часть (воз можно, дохода) они дают старшим в роде (на общие нужды), а сотую - волхвам. Мы видим, что здесь подчеркивается земледельческая часть труда народа. Это вполне понятно. Ибо речь идет о громадном племени на большом пространстве (естест венно, с разными условиями жизни). Тексты дощечек в деталях расходятся, что и следовало ожидать, так как ав торы были разные, писали в разное время и отражали не всегда одинаковую среду. Это еще больше поддерживает положение об аутентичности источника. Собственно морали во "Влесовой книге" отведено ма ло места. Есть лишь косвенные указания о том, что пло хо стало "безо Влеса, который говорил нам, что надо хо дить прямо, а не криво (образ понятен), а его не слуша лись" (дощ. | 6); следовательно, были и нравственные указания богов, но они не дошли до нас; может, что-ни будь еще найдется в неопубликованных текстах. Путь честности ставится в пример. Поэтому неоднократно "Влесова книга" с возмущением отзывается о "лисьих хитростях" и "псиной брехне" греков. Подчерки вается непорядочность вождей гуннов, бравших дань по два раза. Внимания достойны взаимоотношения руссов и бо гов. По крайней мере в двух местах сказано о том, что Велес научил людей "землю орати и зерно сеяти". Это показывает, что земледелие считалось занятием от бога, т. е. почтенным и угодным богам. Упоминается также о посещении неба праотцем Орем. Тот восхитился Перу- ном, кующим оружие для воинства, идущим на помощь воинам на земле. В связи с этим любопытно одно место: когда руссы увидели бегущих врагов ("покаже заде"), они говорили друг другу, что, дескать, здорово помогает нам небесная сила. Совершенно новым лицом русской мифологии, нигде не встречающимся в народном эпосе и не оставившим, по-видимому, никаких следов, является Магура, вестни-

ца Перуна, сияющая всеми цветами радуги. О ней такие упоминания встречаются десятки раз, как только речь заходит о войне. В случае войны она начинает бить крыльями по обе стороны и призывать к бою. Она не

только возвещает начало похода, но и часто повелевает, как вести войну. Когда на Русь одновременно напали с двух сторон гунны и готы, а вождь не знал, что делать, она сказала, что сперва надо напасть на гуннов, разбить их, а потом на готов, что и было сделано с успехом. (Вероятно, функции связи с "перуницей" осуществляли жрецы или волхвы). Она же (Магура) давала воинам во время боя пить из рога "живой воды". Она вводила погибших в рай. Она пела победные песни. Она же чаще всего называлась "мать свя" или "мать свя слава", смысл чего до сих пор не удалось раскрыть. В одном из отрывков Перун обращается к воину, павшему в бою и попавшему в рай: "Иде, сыне мые, до те красе вешны а тамо зряшеше тва денде а бабе а ти то о радощех а веселиях те зрящете, плакста зела до днесе а тедо има бишетъ возрадовасте ся о животе твем вешнем до конца конец..." То есть: "Иди, сын мой, до той вечной красоты, и там увидишь твоих дедов и бабушек, в радости и веселии тебя увидевших; плакали весьма до днесъ, а теперь возрадуются о жизни твоей вечной до конца концов". В некоторых местах проскальзывают представления предков о небе и разных явлениях. Мы имеем возможность привести только один пример: "...ту зоря красна иде до нь, яко жена блгава, а малека даяшетъ ны во силу нашу а кренность двужила; та бо зарыне суне вестца а такожде слепхщемо сен хом вестеце комоньска скакшете до закату суне або сте управенсте бящ то чли злат ко ноши; а бяш бех воуз влоема смирнама влекуещца во стуне сыне; тамо бо легне суне спате во нещъ а тож колибва ден пшишед ста до вещежь а друге скакащецъ уяве при-шедъ вешере а тако рце суне же боузе а влы есть тамо а жде то на млещене стезе аще зоря пролища во стуне, позвана мате абы сва поспьшендла..." Перевести это можно приблизительно так: "...тут прекрасна заря идет к нам, как благая жена дает молока в силы наши и крепость двужильную; та ведь заря - солнца вестница... конная вестница скачет до заката солнца, чтобы приготовили его золотой челн к ночи; и был воз, влекомый волами смиренными по степи синей; там ведь ляжет солнце спать в ночи, а когда день придет... во второй раз скачет (заря) перед вечером, и так говорит солнцу: воз и вола там и ждут его на Млечном пути, который заря пролила в степи, будучи позвана матерью, чтобы поспешила...". Итак, Млечный путь в небе - это молоко, пролитое зарей, когда она слишком поспешила, будучи позвана матерью. Солнце движется по синей степи неба днем на возе, влекомом смиренными волами. Так руссы понимали медленное, ровное движение солнца. Когда солнце склоняется к вечеру, заря спешит оповестить, чтобы ему приготовили золотой челн, в который оно садится, ложась спать на ночь. Здесь, без сомнения, отражен закат солнца над морем. А к утру заря извещает солнце, что вола и воз уже ждут его на Млечном пути. Какая образность и красота в этом молоке, которое проливает заря, абы "поспшенд-ла"! И как жаль, что до нас дошло так мало из духовного наследия предков! Мы не можем останавливаться на дальнейших подробностях веры предков. Во-первых, они недостаточно еще прочитаны и выяснены. А во-вторых, мы

подвергаемся опасности застрять в мелочах. Наконец, мы не пишем монографии. Достаточно, что читатель может уяснить себе, какой новый и оригинальный материал содержит в себе "Влесова книга", что над ней надо еще много поработать, чтобы привести в порядок весь материал о религии, заключающийся в ней.

Дополнения

Глава 20

Советская наука и история Древней Руси

Мы рассмотрели пять крупных проблем, касающихся истории Древней Руси и представляющих собой единое целое, где каждая из проблем связана с другими, поддерживает их и поддерживается ими. Само собой разумеется, вопрос о том, что сделано советской наукой на участке древней истории Руси, не может быть обойден молчанием: как-никак, а 16 Академий наук и десятки университетов и институтов что-то делали в течение 45 лет. К тому же речь идет о собственной истории. Количество работников и средства, брошенные на это, огромны. Значит, мы вправе ожидать и соответствующих результатов. Если мы сравним цифры, отражающие отношение к исторической науке царского времени, с цифрами по советскому периоду, то они окажутся несопоставимыми. Цифры царского времени ничтожно малы в отношении как научных работников, так и отпускаемых средств. Наконец, пусть чудодействие свое покажет прославленный метод диалектического материализма. Но вот странное дело. Сравнив историю 45 лет назад и современного момента, мы не находим существенной разницы. После двух революций (февральской и октябрьской), основательно потрясших довольно-таки сонное царство эпохи 1900-1917 гг. (мы говорим об истории) и перевернувших совершенно мирозерцание народных масс СССР, после 45 лет "дальнейшего прогресса" мы наблюдаем весьма незначительный сдвиг в изучении древней истории Руси. Затраты и итоги несоизмеримы. Колоссальные успехи имеет лишь археология. Но это еще не история. Это - лишь предварительная ступень ее. Советская наука не может похвалиться ничем существенным. Что это не только наше личное мнение, видно из постановлений и резолюций множества конференций, съездов, совещаний и т. д. Сами советские ученые отмечали незначительность разрабатываемых проблем. Все внимание уделено деталям, достойным работы, может быть, хорошего архивариуса, но не настоящего историка. Ничего крупного, нового советская наука не дала (об археологии, повторяем, мы не говорим). Между курсом истории Платонова, 1918, скажем, и "Историей Киевской Руси" Грекова разница небольшая.

Советские историки лишь выпятили социологическую сторону проблемы. Но сама история как таковая почти не претерпела изменений. Как бы мы ни понимали и ни оценивали историю, все же обязаны признать, что прежде всего мы должны располагать фактурой: где, когда, кто и почему что-то совершил. А что может дать объяснение социологических моментов, если выяснится, что факты, легшие в их основу, были иными, чем до того принималось? Стало быть, сам ход истории был иным, течение социологических изменений, следовательно, тоже. И выводы требуются уже другие. Если бы действительно канва истории осталась с 1919 г. такой же или почти такой же, то с этим можно было бы примириться. На деле же это обстоит иначе. Крупнейшие черты структуры истории претерпели коренные изменения. Во-первых, выяснено, что норманская теория полностью (а не только частично!) провалилась. Сами славяне (руссy) создали свою государственность и свою культуру. Германцы тут абсолютно ни при чем. Никаких конунгов на Руси не было. Во-вторых, культура Руси уже в середине IX в. была очень высока, и ни о какой дикости наших предков говорить' не приходится. В-третьих, имеется ряд исторических свидетельств (и есть полная уверенность, что при дальнейших исследованиях количество их значительно увеличится), устанавливающих существование Руси до Олега по крайней мере за 400-500 лет. В-четвертых, выясняется, что Русь на Днепре-это лишь восточный отрог Руси, сидящей корнем своим в средней Европе, и т. д. Все это прошло мимо советской науки вследствие разных причин, прежде всего из-за ее изолированности от Запада. 1. Нет достаточно иностранной литературы. 2. Советские историки совершенно не пользуются архивами Запада, хранящими еще колоссальное количество неизученных хроник, актов, грамот, писем и т. д., прямо или косвенно касающихся истории Руси. 3. Молодые советские историки, "дети Октября", в подавляющем числе не владеют ни греческим, ни латинским языками, на которых написаны упомянутые выше источники. Знание классических языков катастрофически пало за последние 45 лет. 4. Советские историки чуждаются контактов с русскими историками за рубежом. Вот русский ученый Бачманов открыл отчет легата, присутствовавшего при приеме княгини Ольги в 957 г. в Царьграде. Описаны она, ее свита, прием и т. д. Сказано, что она "из области озера Пейнус, из славянского племени кривичей" и т. д., а советские ученые все еще верят в существование скандинавки, "дэр танте" св. Ольги! Сколько выпусков "Истории руссов", которые были посланы автором этих строк в СССР, не достигли адресата, хотя письма, извещавшие о посылке книг, они получали! И вынуждена советская наука вариться в своем собственном соку. Не удивительно после этого, что ее результаты столь мизерны. А самый большой тормоз - культ "научного" метода. До сих пор все сказанное классиками марксизма рассматривается как священная истина. Боже упаси высказать мысль, что Маркс в чем-то не совсем прав. Тотчас же поднимется крик: ревизионизм!.. Но ведь ревизионизм -

основной двигатель науки. Ни один истинный ученый не останавливается на достигнутом, а стремится вперед, а это означает переделку, изменение старого. Ре визионизм - это душа науки, ее основной движущий фактор. Как же может двигаться вперед советская наука, скажем, по поводу норманнов, если Маркс и Энгельс уже высказали на этот счет свое священное мнение? Факты убеждают нас, что норманнов на Руси в роли господству ющих не было, были норманны-слуги, норманны-наемники в армии. Но ведь, скажут, Маркс, см. стр. такую- то, говорил то-то и то- то. Словом, хоть кол на голове те ти, а наука не может уйти вперед от уровня "Маркс- Энгельс-Ленин". Все это обуславливает чрезвычайную узость интересов и кругозора советской исторической науки. Отсюда блохоискательство в истории. Вот в нашей работе мы рассмотрели пять важных, ве дущих проблем. Лишь одной из них занимались советские историки - проблемой варягов или началом государственности на Руси. За 45 лет эту проблему они до сих пор не разрешили, а остановились на полпути, на полунорманизме, ибо еще в 1957 г. в капитальном труде Академии наук князь Рюрик, чистокровный славянин, называется "конунгом Рюриком". Искажены сами истоки Руси: к ней прилеплено германское начало, совершенно не соответствующее действительности. Советские историки приняли на веру все наследие царской историографии, не потрудившись рассмотреть ее основы. А данных для пересмотра было более чем достаточно. Не помог и чудодейственный метод диалектического материализма. В результате - топтание на месте, полная отсталость и крохоборчество советской исторической науки. Вот к чему приводит божья ревизионизма! Историки СССР пугаются принять окончательное решение и отвергнуть норманизм целиком и полностью. Основываясь главным образом на блестящих археологических открытиях (напр., грамоты на бересте в Новгороде), они отрицают влияние германцев на культуру Древней Руси. Но ведь и государственность руссов была издревле своя, а не германская. А историки все еще верят в конунгов! А ведь даже конунг Вещий Олег, норвежец, клялся славянскими богами! Странное дело: спор норманистов и антинорманистов тянется уже более 200 лет, а советские историки до сих пор не удосужились написать... пусть не книгу, хотя бы обстоятельный очерк хода этого спора, касающегося сути русской национальности. Почему этот обзор не написан? Да потому, что советские историки до сих пор еще сидят между двумя стульями. "С одной стороны, нельзя не признаться, а с другой - нельзя не сознаться". Переливают из пустого в порожнее, оглядываясь на классиков марксизма. Почему Бачманов мог найти в одном из монастырей в Австрии совершенно неизвестную хронику VIII-XII вв., в которой сообщается огромное количество сведений о Древней Руси, и сфальсифицировать ее, а советские исследователи этого не сделали? Ответ прост: они боятся "акул мирового капитализма", а также "ревизионизма". Как же осмелиться напечатать что-то, что расходится с мнением блаженного Энгельса или известного

русофоба Маркса? Советская историческая наука тяжело больна и будет больна до тех пор, пока в ней будет существовать "культ личности" и диктатура партии. При всех своих недостатках наука Запада будет всегда впереди, ибо ошибки там отмечаются немедленно, а не тогда, когда они, наконец, достигают понимания партийного мандарина (достаточно вспомнить блестящего путаника Н. Я. Марра). Переходим ко второй проблеме о начале Руси - о доолеговской Руси. Совершенно естественно, что каждый спрашивает: что было с Русью до Олега. Ведь представление, что Русь началась с Олега, сейчас не выдерживает никакой критики. Олег только объединил два древних восточнославянских государства - Киевское и Новгородское. Какова же была их история до Олега? На это советская историческая наука ответа не дает. В отношении этого отрезка времени она оперирует исключительно данными археологии. Хотя сохранилось довольно много исторических сведений, касающихся доолеговской эпохи. Как по Новгороду, так и по Киеву. Советские историки совершили колоссальную ошибку, отбросив Иоакимовскую и другие новгородские летописи как апокрифические. Новгородские летописи, естественно, знали и писали гораздо более об истории Новгорода, чем это делал киевский летописец, который даже не считал Рюрика за "русского" князя, и не потому, что Рюрик не был славянином, а потому, что Рюрик княжил в "Славонии" (Новгороде), а не в Киеве, т. е. на Руси. Советские историки совершенно выкинули из истории Новгорода князя Гостомысла, деда Рюрика, и князя Бу-ривоя, его прадеда, о которых летописи Новгорода сохранили немало совершенно точных и важных данных. Более того, они отбросили наличие славянской династии там, имевшей по крайней мере 10 предыдущих поколений, т. е. минимум 200-250 лет истории. Равным образом ни один советский автор ни единым словом не заикается о сведениях, заключенных в старинных источниках по истории Скандинавии, Финляндии и Карелии.

Редкость их не является оправданием: заполучить свето- фотокопии этих изданий - проблема разрешимая. Конечно, в этих источниках много путаного и фантастического, но и это не препятствие для изучения документов того. Можно положительно утверждать, что историческое наследие северных народов советскими исследователями оставлено в стороне. Но нет никакого сомнения, что в нем есть данные о северной Руси, относящиеся к периоду VII-XI вв., т. е. ко времени, о котором в русских источниках ничего решительно нет. Полагаться на скандинавских ученых не приходится - они рассматривают все со своей точки зрения, а главное - не могут вычленить то, что в них сказано о Руси. Мы имеем все основания полагать, что многие из их Рагивальдов на самом деле являются Рогволодами, равно как и их Вольдемары - отзвуки Владимиров (о последнем мы знаем это совершенно положительно). Следует расшифровать тех Рагивальдов, которые жили и действовали вали на Руси: не Рог-володы ли они на самом деле. Но об этом, конечно, советские

историки не думают. Они также не поднялись выше местного патриотизма южно русского летописца, для которого существовал главным образом Киев. Если этот местный патриотизм был еще понятен для того времени, то он вовсе неприемлем для современной науки, которая изучает историю всего государства в целом, а не отдает предпочтение одной из составляющих его частей. Однако и историки Киевской Руси не оказались в лучшем положении по отношению к истории Новгородской Руси: советские историки не пытаются заглянуть в историю Киева до Олега, в то время как в житийной литературе, в литературе Запада - огромное количество сведений о доолеговской Руси. Если советским историкам претит христианство, то почему они не используют литературу Запада? Далее. Несмотря на значительное количество данных арабских, персидских и других восточных авторов, данных, имеющих часто первоклассное значение, до сих пор они не сведены, не обобщены. Работа Гаркави безнадежно устарела, ошибки ее не исправлены, многое новое (почти за 100 лет!) не включено и т. д. А главное - не прокомментировано объективно. Примитивно до чрезвычайности рассуждение: "руссы" восточных авторов - это, мол, скандинавы, поэтому зачем их изучать, мы пишем историю Руси, а не Скандинавии. И, хотя ряд восточных авторов прямо говорит, что "руссы - племя славян", советский историк проходит мимо этих указаний, не опираясь на них; он больше глядит, не написали ли чего-нибудь Маркс или Энгельс по этому поводу, пусть и бегло, тогда он с шиком вставит цитату в свой труд. Не обращено внимание на исследования византологов. Совершенно в тени остаются грузинские и армянские истории и летописи. Прежде всего Моисея Хоренского и Григория Мцатминдели. Необыкновенная узость исследовательской базы, провинциализм, опускающийся чуть ли не до уровня города Глухова, ярко характеризуют советскую историческую науку в отношении Древней Руси. Существует и третья проблема. Это - проблема славянства, которая совершенно не изучается советскими исследователями с исторической точки зрения, а лишь с археологической или филологической. Мы не сможем понять, откуда произошла Русь, если не будем знать корней славянства и того, какую именно ветвь его она собой представляет. Мы уже видели, что ряд исторических источников указывают на то, например, что еще в 477 г. русины уже нападали на г. Зальцбург, что руги и русины - одно и то же, что карпы и русины -- тождественны. Обо всем этом, как и о многом другом, в советской исторической литературе - ни слова. Вообще сам вопрос о происхождении Руси и месте ее среди других славянских племен не ставится. Считают, что исторических данных нет, - и все тут; что, мол, здесь уж начинается область археологии - заблуждение самое позорное: данных мало потому, что их не ищут и не публикуют. Сказывается во всем блеске отсталость советской науки. Надо искать новые, неизученные материалы, нужно правильно истолковать уже опубликованные. Пример Бачманова говорит сам за себя. Ведь он исследовал архивы лишь двух монастырей в Австрии, и нами дан далеко

не полный перечень того, что он нашел (напр., записки одного монаха о трехлетнем его пребывании в Москве в средние века и т. д.). Работы в этой области - непечатый край.

Необходимо переоценить всю древнюю и отчасти средневековую историю Европы с точки зрения славян, а не германцев, и должна это сделать Россия, а не другие славянские государства" ибо возможности последних и СССР несравнимы. Четвертая проблема, связанная с Русью, - проблема древней славянской (и русской) письменности. Обойти такой важный показатель культуры никак нельзя. Мы разобрали выше работы Селищева и Якубинского и по казали, что эта проблема у советских ученых отсутствует. Более того, если мы сравним взгляды первого русского историка В. Н. Татищева (ум. в 1750 г.) со взглядами со временных советских историков и филологов, то мы не можем не заметить, что советские ученые регрессировали по сравнению с ним. Прежде всего Татищев понимал важность этой проблемы. Его "История" начинается главой "О древности письма славянов". Следовательно, он ставил ее во главу угла, чего советские ученые не делают. Пусть его данные о древнем письме, о докирилловской азбуке не доказаны им самим, но ведь он писал об этом задолго до 1750 г. И он поступал методологически совершенно правильно, подходя к этому вопросу исторически, т. е. изложив историю предмета, а вот Якубинский и Селищев даже словом не обмолвились о том, что глаголицу целый ряд ученых считает на века древнее кириллицы и что на Западе по этому поводу существует уже огромная литература. Но хуже всего то, что, отбросив совершенно историю постепенного создания глаголицы и кириллицы, оба советских автора приняли безоговорочно теорию, согласно которой кириллица является алфавитом, изобретенным кем-то вдогонку за кирилловской глаголицей. Такой метод обращения с научными фактами можно назвать только беспардонным. Пятая проблема - проблема "Влесовой книги", которая абсолютно неизвестна советским историкам. Правы мы или не правы в оценке этого источника - вопрос второй: спорь, доказывай, но не держи его "за железным занавесом". Тем более что речь идет не о Мадагаскаре, а об истории России. В связи с пятой проблемой поднимается в более актуальной форме и шестая: какова была вера древних руссов? Во "Влесовой книге" много материала, заставляющего пересмотреть наши взгляды на религию предков. У древних руссов было разработанное представление о Вселенной, жизни и принципах, управляющих общественными процессами. Все это и многое другое уходит из внимания советских историков. История в своем содержании обеднена ими до чрезвычайности. Подводя итоги всему сказанному выше, мы можем констатировать, что история Древней Руси в руках советских историков - скудное, заброшенное поле. И что это будет продолжаться до тех пор, пока они не поймут, что единственным путем истинной науки является полный и

безоговорочный ревизионизм. Марксистские кумиры, давление политиков, вредителей науки, должны быть устранены. Истина едина и обязательна для всех. Кто не видит жалкого состояния современной советской исторической науки, тот безнадежно слеп.

Глава 21

История борьбы антинорманизма с норманизмом

История борьбы норманизма и антинорманизма заслуживает специального исследования. К сожалению, нет ни книги, ни даже обстоятельного очерка, посвященного этому предмету. И этот наш краткий обзор - попытка сообщить лишь основные вехи этой борьбы и вскрыть причины столь долгого спора, ибо без этих разъяснений читатель будет в недоумении: почему этот спор длился так долго, неужели нельзя было выяснить столь простую истину более своевременно? Мы не ведаем точно, когда зародилась норманская теория. Знаем лишь, что уже к 1-й половине XVI в. она существовала. Интересно отметить, что первым антинорманистом был иностранец Герберштейн, который, ознакомившись с содержанием норманской теории, высказал (1549) мысль, что это было не так, что руссы пригласили к себе не германцев, а западных славян. Его здравый смысл не мог примириться с доводами сторонников норманизма. Были и другие иностранцы, высказывавшиеся против норманистов. Но русских антинорманистов не было, ибо до Петра I русская наука не существовала. В сущности, настоящий научный спор начался с Ломоносова, но он не решился в его пользу, так как на это были веские причины. Долгое триумфальное шествие норманизма объясняется в первую очередь официальной силой, опиравшейся на науку и власть, и слабостью антинорманизма, поддерживаемого лишь отдельными лицами и представлявшего собой разношерстную смесь разных теорий. Русская традиция уже к XVI в. утратила понятие о существовании в прошлом западной Руси, раздавленной окончательно на острове Рюгене в 1168 г.; связь ее с восточной Русью была всеми утрачена, исторические следы ее были утеряны. Поэтому, когда с Петра I в Россию были приглашены ученые немцы, чтобы создать русскую науку, последние уже столкнулись с норманской теорией, исповедуемой самими русскими. Приступив к изучению начала русской истории, немцы-академики и профессора, естественно, поддержали своим высоким авторитетом теорию, которая, кстати, и льстила их национальному чувству. Создался известный канон, против которого мог выступать разве только либо невежда, либо заядлый русский шовинист. Таким образом, норманизм получил высокую апробацию Академии наук. Нужно заметить, однако, что были и иностранцы (Эверс, напр.), не считавшие норманскую теорию удовлетворительной. Но работа того же Эверса была напечатана по-немецки и для широких кругов была потеряна. Да и при засилье власти

предержавших Минихов, Биронов и т. д. выступать против норманизма политически было небезопасно. Удивительно ли после этого, что все свои старания направляли на изыскание новых подкреплений норманизма, лавина которого все нарастала, подавляя инакомыслие. Первый русский историк В. Н. Татищев занял неясную позицию, одновременно принимая славянское за падное происхождение Рюрика и настаивая на том, что "варяги" были главным образом финны из-за Ладожского озера. Карамзин же, увы, был уже не колеблющимся, вполне определенным норманистом. Самые крупные первые исторические труды, таким образом, продолжали распространять в русском просвещенном обществе только идеи норманизма. Антинорманисты были гораздо слабее и количественно, и качественно. Если бы они были идейно сплочены, то норманизм был бы опрокинут очень скоро, ибо он держался на глиняных ногах. Порой критика норманизма была убийственна. Но норманизм держался потому, что антинорманисты предлагали еще менее вероятные теории. Напр., о том, что руссы были гуннами, готами, кельтами, пруссами и т. д. В последнее время одна "вещная" дама даже вывела руссов из... Египта! Разумеется, при таком положении дел общество, даже сознавая все недостатки норманизма, не могло стать на сторону совсем уж нелепых теорий. Было еще одно обстоятельство, заставлявшее русское общество настороженно относиться к славянской теории происхождения Руси. Существовало так называемое движение "славянофилов", течение политическое. Не все могли согласиться с ними, что руссы идут и должны идти своей собственной, едва ли не изолированной дорогой, что европеизация вредна и т. д. Словом, к славянской теории происхождения Руси была пристегнута политическая теория, которая многими просвещенными людьми не могла быть принята. От нее пахло ретроградством, рабством и невежеством, хотя она и обладала некоторыми положительными чертами, напр., подчеркивала необходимость здорового патриотизма, учета русских условий и т. д. В общем, обстановка сложилась так, что, несмотря на наличие антинорманистов, не появилось ни одной серьезной концепции истории Руси на славянской основе. Обе революции 1917 г. почти ничего не изменили в этом отношении. Было вначале не до истории: не до жиру, быть бы живу. Затем последовал разгром "буржуазных" историков в результате одни бежали, другие были уничтожены, третьи превращены в лакеев "пролетариата". Прошло несколько десятков лет, пока история стала выбиваться вверх из-под груд обломков, но в своем естественном развитии она была ограничена (об этом мы уже достаточно говорили). Новые советские историки пошли дорогой полунорманизма. Они признали основы культуры Древней Руси чисто славянскими, но государственность конунгов - германской. Решение проблемы пришло из зарубежья. Несмотря на крайне неблагоприятные условия для исследовательской работы в эмиграции, появились книги и множество журнальных и газетных статей, в которых различные авторы продолжали

прежнюю линию в отношении Древней Руси. Следует признать, и здесь сказалась слабая сторона антинорманизма: он расплылся на множество "теорий" и "теоретик", и лишь немногие авторы придерживались наиболее верной - теории западного славянства, которая опирается на летописи, другие исторические источники, на традицию и логику. Научная мысль очень медленно и постепенно освобождалась от дурмана норманизма и "фанатизма" прочих теорий. Наконец, в 1960 г. был найден основной аргумент в пользу того, что Рюрик с братьями был из западных славян. Ценность документа увеличивалась тем, что он по времени приблизительно соответствовал времени написания "Повести временных лет". Значит, терминология обоих этих документов была одинакова. Кроме того, значение термина "рутен" или "русин" выяснено исследуемым образом. Существование славянского племенного Руса на западе в начале еще столетия (между Эльбой и островом Рюген) доказано неопровержимо. Оказывается, что "русины" этой области назывались так же "ругами". С нахождением этого документа (вернее, с введением его в научную дискуссию) и другие источники приобрели большую силу. И нет никакого сомнения, что найдется теперь множество их. Точнее сказать, получают правильное осмысление прежде всего давно известные. С опубликованием указанной работы загадка призвания варягов исчерпалась до дна. С норманизмом, полунорманизмом и прочими "измами" покончено. Переходим теперь к деталям описанного выше хода событий. Основателем научной теории норманизма следует считать академика Г. С. Байера (ум. в 1738 г.), который обосновал ее и привел новые доказательства в ее пользу (заметим, неверно истолкованные): известие Бертинской хроники о "послах народа Рос" в 839 г.; указал на скандинавский характер "русских" названий днепровских порогов; связал скандинавских "вэрингов" с "варягами" русских летописей и "барангами" византийских хроник и т. д. Его аргументы казались Татищеву настолько убедительными, что он привел в переводе крупные выдержки из Байера в своей "Истории" и тем самым способствовал распространению идей норманизма в русском обществе. Между тем доводы Байера были слабыми и скорее поддерживали, чем опровергали, славянскую теорию.

Татищев считает, что Рюрик был членом славянской династии, но по женской линии. Вместе с тем он опять-таки пишет (стр. 344): хотя, дескать, "славян по всей Руси до Рюрика было много, но пришествием Рюрика с варяги род и язык славянский был уничтожен". Тем самым признает, что варяги, которые пришли с Рюриком, не были славянами. С их приходом, мол, славянский язык отошел на второй план. И вообще он, видимо, полагает, что варяги явились в очень большом количестве. Свой же собственный, оригинальный взгляд Татищева: Рюрик прибыл из Финляндии. "Из-за моря" он объясняет так, что "морем" называли Ладожское озеро. Об этом он прямо говорит (стр. 372): "Рюрик пришел из

Финляндии в 862-м, имея жену Енвииду, королеву норманскую". Таким образом, Татищев занял особую позицию: варяго-в-германцев он признавал, но Рюрик, по его мнению, был членом славянской старинной династии, явился из Финляндии при поддержке варягов. Своеобразное объединение норманской и славянской теории. Собственно началом спора норманистов с антинор-манистами следует считать речь ак. Г. Ф. Миллера в 1749 г. "О происхождении и имени народа Российского", вызвавшую резкий отпор со стороны Ломоносова. Резюмируя мысли Миллера, он писал: "Сие так чудно, что если бы г. Миллер умел изобразить живым стилем, то бы он россиян сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен". Ломоносов доказывал, что никакой "великой тьмы невежества" на Руси не было, что Русь имела свою историю еще до того, как она стала иметь "общих государей", и уводил начало ее к предкам руссов - к антам. Он утверждал, что Русь как государство и русская культура созданы не чужестранцами-варягами, а самими славянами. Эти славяне были коренным населением междуречья Дуная и Днестра вплоть до отрогов Карпат. Голос Ломоносова, однако, не был услышан, он оказался в решительном меньшинстве, и первая схватка была решена в пользу норманизма, ибо доводы Ломоносова, хотя и заслуживали внимания, достаточно не были еще разработаны. Все дальнейшие труды - Френа, Штрубе де Пирмона, Штриттера, Туимана, Круга и т. д. - были направлены на обоснование норманской теории. Шл-цер, с его классическим трудом "Нестор", еще более утвердил авторитет этой теории. Но (исподволь) нашлись и иностранцы - Шторх (1800), Эверс (1814) и др., возражавшие против норманской теории и собравшие солидный материал против нее. В особенности много дал труд Эверса. Он выступал против нелепого допущения, что северные славяне, прогнав варягов, снова пригласили их же. Он опровергал доводы относительно понимания имени Руси из корней вроде "руотси", "Рослаген" и т. д. Он возражал против вывода древних русских имен лишь из скандинавских корней. Он настаивал на существовании имени Русь в Причерноморье. И т. д. К сожалению, его положительные данные в пользу славянской теории уничтожались ложными предположениями его собственной концепции, что киевские князья были из хазар, что Аскольд и Дир были ветрами, что "волохи" летописи - это болгары и т. д. Появившиеся работы в пользу славянской теории Максимовича (1837). Венелина (1842) были мало обоснованы и недостаточно убедительны. И. С. Савельев ("Мухамеданская нумизматика", 1846) писал по поводу того, что ак. Шторх высказал мысль о древности торговли через Россию: "Он получил разнос от Шл-цера, который назвал эту мысль не только "ненаучной", но и уродливой, которая бы опровергла все, что до сих пор о России думали. "Не только множество, но даже ни одного древнего свидетельства не найдешь по сему делу". Прошло около сорока лет с тех пор, как написаны были эти строки, продолжает Савельев, и источники, дотоле неизвест

ные, бросили новый свет на состояние нашего древнего севера. Системы Шл-цера рушатся сами собою; но его брамински фанатические приговоры, к сожалению, долгое время останавливали успехи нашей юной истории графии, не выходявшей из-под формулы своего немецкого учителя". Как видим, формулировки, вполне подходящие и к 1946 г. Однако и норманисты этого периода не дремали. М. Погодин (1825, 1846) и Э. Куник (1844-1845) опубликовали крупные работы, в которых развили далее норманскую теорию. Особенно важна была работа Э. Куника. Он привлек арабские и византийские источники и толковал их в пользу норманизма. Но и он чувствовал, что позиции норманизма некрепкие и для убедительности прибегал даже, так сказать, к психологическим доказательствам. Напр., он делил народы на морские и сухопутные. И, конечно, отнес древних славян к народам, обладавшим "водобоязнью". В конце концов он выдвинул "готскую" теорию происхождения Руси - прямое доказательство того, что существовавшая теория его не удовлетворяла. После Э. Куника и М. Погодина инициатива в споре вновь переходит к норманистам - историкам 40-х годов Беляеву, Кавелину, Соловьеву и др. Но антинорманисты вскоре опять пошли в наступление. В 1859 г. В. Ламанский опубликовал труд "О славянах в Малой Азии, Африке и Испании", выведший вопрос далеко за пределы Киевской Руси. В 1860 г. Костомаров в своем "Начале Руси" выдвинул новую теорию, выводя Русь из Литвы, из области Немана. Хотя теория была слаба и Костомаров впоследствии от нее отказался, критический нажим на норманизм все усиливался. В 1862-1863 гг. в "Записках Академии наук" была напечатана работа С. Гедеонова "Отрывки о варяжском вопросе", затем дополненная и отдельно изданная под названием "Варяги и Русь" (1876). Доводы С. Гедеонова против норманизма были убийственными, а славянская теория подкреплялась целым рядом новых фактов. Но и публикации С. Гедеонова не достигли цели - они не дошли до широкой общественности, передовая русская интеллигенция (Белинский, Тургенев, Чернышевский, Добролюбов и др.) осталась в стороне в столь важном научном споре, касавшемся сути всей нации. Она, в сущности, "прозевала" крупнейший политический фактор. Сам С. Гедеонов не был доволен созданным положением. Он писал: "Неумолимое норманское вето тяготеет над разъяснением какого бы то ни было остатка нашей родной старины", - в этих словах сквозит протест против затыкания рта анти-норманистам. И добавляет: "Но кто же, какой Дарвин вдохнет жизнь в этот истукан с норманской головой и славянским туловищем?" Действительно, такое искусственное творение можно было назвать не иначе, как истуканом. Общественная мысль, увы, не поддержала С. Гедеонова. Все эти "славянофилы" и

В 1947 г. вышел довольно солидный (т. е. большой по объему - 1200 с.) "Обзор русской культуры" В. А. Рязановского. Хотя "Обзор" и не посвящен специально истории, но в одном из его крупных разделов

разбирается положение современного норманизма, главным образом взгляды Мошина (1931). Критика их так исчерпывающа и основательна, так подкреплена новейшими литературными данными, что после нее можно было бы считать: с норманской теорией покончено. К сожалению, другая сторона вопроса, а именно доказательства славянства "Рюриковичей" и т. д., развита недостаточно; в некоторых местах совершенно очевидно, что В. А. Рязановский от норманизма окончательно и безоговорочно еще не отрешился. Он еще не решается прямо сказать, что норманны на Руси играли роль, близкую к нулю. Тем не менее работа В. А. Рязановского была очень существенным шагом вперед и нанесла непоправимый удар по норманизму. Правда, вышла она, по-видимому, небольшим тиражом, особого внимания у русского читателя не вызвала и оказалась недооцененной. В 1955 г. в Париже вышла небольшая книга Натальи Ильиной "Изгнание норманнов". Она в сущности не содержит новых, оригинальных данных, но является талантливым подбором сведений против норманизма, в явную пользу славянской теории. Некоторые места в ней просто великолепны как по стилю, так и по глубине понимания истории и анализируемой проблемы в частности. Она отражает искания в духе славянской теории, вселяет уверенность в ее правоте и служит показателем тому, что норманская версия уже никого удовлетворять не может. Новейшим и подводящим итоги многих усилий является труд Сергея Лесного "История руссов", вышедший с 1953 по 1960 г. 10 выпусками (Париж-Мюнхен). Особенность его та, что изложение не носит систематического характера. Автор постепенно публиковал то, что выяснялось для него окончательно. Даже в 1-й половине 10-го выпуска нет еще положения, завершавшего труд и проблему. Вместе с тем внутренне работа систематична, поскольку излагает с постепенным нарастанием факты" подбираемые в двух направлениях. С одной стороны, подбираются возражения на все доводы норманистов" которые в конечном счете отвергаются все. С другой - собираются доказательства того, что "Рюриковичи" были западными славянами. Таким образом, опровергается норманская теория, заодно доказываемая документальными данными справедливость славянской. Иначе выражаясь, работа является не только, так сказать, деструктивной, но и конструктивной. В ней много оригинальных (незаимствованных) толкований и критики предыдущих авторов, безотносительно к их взглядам на историю. Поскольку устанавливается, что во времена первоисточника поморских славян Оттона Бамберского (1-я четверть XII в.) ругов в западной Германии называли также "рутенами" т. е. "русинами", а страну их "Русинией", т. е. Русью, то существование западной Руси устанавливается бесспорно. Вместе с тем рушится и все построение норманской теории о существовании германской Руси. "Житие Оттона Бамберского" было известно уже давно, но никто внимательно его не читал и не вникал в его содержание. В источники "заглядывали", но не изучали их. Кроме того, в них искали не то, что надо было искать. С опубликованием "Истории

руссов" проблему варягов надо считать исчерпанной до конца. Будущее, разумеется, принесет еще много деталей, подтверждающих положения славянской теории. В частности, есть полная надежда установить более точно, кто был отцом "рюриковичей". Байер ссылается на двух авторов - Бернгарда Латома и Фридерика Хеминиция, занимавшихся их генеалогией. К сожалению, автору этих строк не удалось найти не только труды указанных историков, но и даже точного библиографического указания о них. Байер называет (очевидно, следуя указанным авторам) отца "рюриковичей" Годелайбом. Последний жил около 840 г. и был сыном князя Витислава, о котором сохранились довольно отчетливые исторические сведения. Впрочем, уточнение имен не имеет особого значения само по себе, важно то, что они были славяне.

Автор не может не отметить, что в его распоряжении имеется много дополнительного материала, который остался по разным причинам неиспользованным, и надеется в будущем опубликовать и его. Публикация же его в недостаточно обработанном виде вряд ли была бы целесообразна.

Глава 22

Норманисты Запада после войны

До войны 1941-1945 гг. историки Запада мало или почти вовсе не принимали участия в споре норманистов и анти-норманистов. Они ограничивались лишь повторением тезисов норманизма. Об антинорманизме же они даже не заикались, как если бы его вовсе не существовало. После войны положение изменилось в том смысле, что появилось огромное количество книг и статей, в которых отстаивается норманская доктрина, повторяются давно уже опровергнутые доводы, а сам норманизм уже поддерживается развернутым фронтом исторической науки Запада, вместе с тем отсутствует мало-мальски обстоятельное изложение тезисов антинорманизма. Впечатление такое, будто норманизм возрождается, но уже исключительно в странах Запада. Антинорманизм игнорируется полностью. Выходило, норманизм навязывается стране, которая официально отказалась от него. В чем тут дело? Если внимательно вчитаться в работы по истории Руси, вышедшие в послевоенное время на Западе, то нельзя не увидеть одной общей, хотя и скрытой, черты - русофобии. Начинается эта тенденция весьма невинно - с советофобии. Скрывать нечего: политика Советов принесла с собой столько отрицательного, что удивляться этому или возражать против этого особенно не приходится. Однако советофобия незаметно, скрытно переходит в русофобию: историки Запада в захватнической тенденции теперешних правителей России усматривают прямую линию от царизма к Советам. Посоветофобство-вав малость, они говорят, что дело не в

режиме, а в том, что "азиаты"-русские всюду и всегда остаются самими собой, проводя в политике лишь принцип грубой, brutальной силы. Этим самым между Советами и царизмом ставится знак равенства, и советофобия перерастает в русофобию. А так как русские сейчас являются самым крупным из славянских племен, к тому же политически ведущим, то русофобия превращается уже в славянофобию. Не видеть этого может лишь тот, кто не читал основных трудов, вышедших в послевоенное время, на английском, французском и других языках. Откуда это руссоненавистничество? Какова истинная причина этой, общей всем западным народам тенденции? Только ли захватническая политика Советов? Давно ли народы Запада отказались от захватнических войн? И не под посторонним ли влиянием и давлением этот отказ совершился? А принцип "Долой колониализм!" не проведен еще окончательно повсюду. Наконец, Советы ведь, как-никак, а выпустили Австрию и Финляндию из своих цепких лап. Значит, суть дела не в том, что русские - грабители, мол, на международном поле. Царизм жил теми же нормами международных отношений, что и вся Европа. Лозунгом "Бери все, что плохо лежит" пользовались все. Давно ли окончилась захватническая авантюра Италии в Ливии и Эфиопии? Колониализм большевиков имеет под собой совсем иные основания, чем страсть к захвату чужих земель. По нашему глубокому убеждению, суть - в психологии: это - так называемый "комплекс неполноценности", когда кто-то чувствует свою несостоятельность по отношению к другому, его превосходство и от этого ударяется в крайность. Он возве личивает себя значительно выше, чем есть на деле, и одно временно занимается поношением всего, что есть у стороны, которой завидует (в этом грешны и Советы). Понять это, казалось бы, нетрудно, но Европа предпочитает видеть в акции Советов национальную черту русских. Последняя война показала две ахиллесовы пяты Запада. 1. Европа оказалась гораздо менее культурна, чем она считала. Именно из ее недр вышли орды изуверов гитле ровского толка, захватившие всю Европу и показавшие изумительные примеры варварства и жестокости. Война лишь показала яснее то, что было скрыто в одном из уголков, "европейской культуры". И нет никаких основа ний полагать, что этого скрытого нет в других странах, притом в формах, может быть, и похуже. Породив гитле- ризм, Европа показала себя "без фиговых листочков"". Ведь никто не может сказать, та) Германия не есть-плоть от плоти Европы. Забыть и замолчать позора гит леризма нельзя. Все, что есть порядочного в Европе, об махнуть ся от этого не может. Это давит тяжелым кошма ром на их сознание. Каждому очевидно, что виноват не только гитлеризм, но и все, кто его воспитывал, а воспи тывала вей Европа. 2. Когда пришла смертельная опасность для всей культуры, именно "азиаты"-русские стали основой отпо ра, показав бессмертные образцы силы духа, физической мощи и самопожертвования. Не в Западной Европе, а в Крыму, в Севастополе находились герои-матросы, обя зывавшие себя связками гранат и бросавшиеся под не

мецкие танки, чтобы погибнуть, но и погубить врага. Ев ропа показывала обратное. Там сдавались даже без вы стрелов. Либо без оружия (и даже штанов) возвращались на свой спасительный остров. Справедливость заставляет сказать тотчас же, что и там были свои герои, но слома ли хребет германцам только русские. В Европе захлебы вались от восторга успехами русских (потому что успехи были в ее пользу): "Иваны" делали то, что должна была делать сама Европа, осуществлявшая мелкие военные- операции на третьестепенных фронтах. Криками "ура" Европа заглушала в себе чувство стыда, что кто-то дру гой расплачивается кровью за ее грехи. И когда в 1945 г. все было покончено, чувство унижения было еще на столько сильно, что западные союзники уступили Сове там Лейпциг и огромную дополнительную зону, на кото рую те не имели никакого права, разве что кроме права вымогательства. Случилось то, чего в Европе никак не ожидали: "азиаты"-русские оказались и в моральном, и в военном отношении гораздо выше Европы. Именно они явились ее действительными спасителями. Конечно, самолюбие Европы уязвлено, отсюда тот неожиданный поток исторических "трудов", в которых доказывается, что основы государственности и культуры заложены на Руси европейцами. Это, мол, наши выученцы. Создается впечатление, что возрождение норманской теории делается, так сказать, "в пику" Советам, а еще белее общо - русским: дескать, "не гордитесь, вы всем обязаны в прошлом нам".

* * *

Искажение исторической правды происходит по многим линиям. Недавно вновь всплыла давно, казалось бы, похороненная теория Тиандера (1915), что Древняя Русь была колонизована на севере мирным путем шведами. Ту же мысль проводил в 1924 г. Ф. Браун. В 1946 г. в защиту этой теории выступил Н. Чэдвик. В 1947 г. ее поддержал А. Г. Мазур. С. Г. Кросс в 1946 г. настаивал на том, что скандинавы принесли славянам гончарное производство, оружие, металлические вещи и искусство кораблестроения. В 1952 г. в двух своих работах Т. Арне отстаивал существование целых шведских колоний на Руси, в том числе в Гнездове под Смоленском. В 1953, 1955 и 1956 гг. Стендер-Петерсен выдвинул целую теорию, согласно которой сотни тысяч шведов мирно колонизовали древнюю северную Русь и что отсюда пошла высокая культура. В нашей работе (1957, вып. 6, стр. 631-648, 733-738) мы достаточно подробно рассмотрели эту теорию и доказали, что она абсолютно неприемлема. От сотен тысяч шведов не осталось ни малейших следов. Теория эта - сплошная выдумка, позорящая науку Запада.

* * *

Почти все норманисты до самого последнего времени подчеркивают важную торговую роль норманнов- скандинавов. Торговлю сквозную, транзитную. Что скандинавы торговали с периферией северной Руси - Псковом, Новгородом, Ладогой, Холмогором на сев. Двине (ныне Холмогоры), не подлежит никакому сомнению. Но торговля эта не была транзитной. Торговые операции скандинавских купцов в центральных частях Руси или даже проезд через них - плод совершенной фантазии. Доказательства этого следующие. 1. Полное отсутствие исторических сведений об иностранных купцах-транзитниках, притом на протяжении столетий. Разумеется, одиночки-путешественники не могут идти в счет. 2. Отсутствие вещей скандинавского происхождения, т. е. того, чем скандинавы якобы торговали. 3. То же следует сказать о деньгах скандинавских (вернее, западноевропейских) до 1-й половины XI в. на юге Руси - на них скандинавы должны были покупать товары. 4. Это же относится и к торговым путям: а) дороги проходили по совсем не населенным местам, если они были; б) речные же были огромной длины, в тысячи ки лометров; в) волоки посуху были не налажены; г) пути были далеко не безопасны; д) проходили они по землям множества народов, что вызывало особые осложнения. 5. Грузоподъемность (полезная) судов была ничтожной по сравнению с теми расходами, которые требовались на тысячекилометровых путях. Никакой товар не мог оправдать себя при таких колоссальных затратах. Экономически такая торговля была совершенно невыносимой.

* * *

Некоторые авторы (напр.. Дворник, 1949; Кирхнер, 1950 и др.) приписывали норманнам роль защитников Руси от нападения азиатских кочевых орд. Положение совершенно необоснованное. Ибо: 1) норманны приглашались в столь незначительном числе (самое большее - несколько тысяч), что не могли оказать решительного сопротивления ордам из десятков и даже сотен тысяч; 2) история не сохранила нам ни одного случая, когда норманны сыграли бы приписываемую им миссию. Предназначение наемного войска было совсем иным. Это была сила, на которую опирался князь не столько во внешне-, сколько во внутривосточных делах. Норманны бывали личной охраной князя, это была своего рода жандармерия по поддержанию внутреннего порядка и подсобная сила в мелких междоусобных войнах. Приписываемая норманнам функция - совершенно прозрачная выдумка, отражающая желание во что бы то ни стало найти какое-то важное значение для норманнов.

* * *

Особенное внимание норманисты (начиная с Соловьева) уделяют объединяющей роли норманнов (в последнее время - Парис, 1949; Оттокар, 1950; Галецкий, 1952 и т. д.). Но утверждение это - лишь недоразумение. Да, действительно, Олег объединил Новгород и Киев. Но имеются исторические данные, что Киев был в зависимости от Новгорода еще до Олега. До сих пор еще не выяснено, кто были Аскольд и Дир, норманны ли. Наконец (и что самое главное), Олег был по крови норвежцем, но по гражданству русским. Жил почти всю жизнь в Руси, клялся русскими богами, трудился на пользу россиян. Екатерина Вторая тоже не была по крови русской, но никто не может отрицать, что она служила благу Руси.

* * *

Особенно повезло теории об организующем государственном начале норманнов. В последнее время об этом писали Миннинг (1947), Спектор (1950), де Рейнольд (1950), Зэте (1956), многие другие. Все эти авторы забывают, что норманны встретились на Руси уже с прочно установившимся государственным строем. Уже на первой странице русской истории мы находим фразу. "Поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву". Не посадника, не старосту, не старшину искали себе северные руссы, а князя. Как государственная форма управления княжение вовсе не было новинкой. По Иоаки-мовской летописи они имели уже 10 поколений князей славянской династии до этого. Были князья и у всех других славянских народов. Освоено Русью было уже и понятие "город". Притом веками до Олега. И напрасно Шт-кль (1957) подозревает в городах на Руси свидетельство норманнского господства. В Скандинавии, к тому же значительно позже, было всего 7 городов, тогда как на Руси (см.: Тихомиров, 1956; Лесной, 1958) их были сотни. Кстати, норманнов это настолько удивляло, что они называли Русь "страной городов". Ошибка заключается в том, что переносят представления о дикой, разгромленной татарами Руси на времена, когда Русь была одной из самых передовых стран Европы.

* * *

Известная группа западноевропейских историков (Ле-ритье, 1946; Блюм, 1957; Кирхнер, 1950 и др.) считает, что скандинавы принесли на Русь феодальные формы общественного устройства, запямятовав, видимо, что Скандинавия стала на путь феодализации позже Руси, во всяком случае не ранее X-XI вв. Все попытки изобразить скандинавов в роли крупных землевладельцев на Руси обречены на неудачу ввиду несостоятельности по добных утверждений. Прежде всего: земледелие на Руси, в особенности на юге ее, на много веков древнее земле делия Скандинавии, где суровый климат, горы, леса стость и т. я. не позволяют получать такие урожаи, как

на юге. Земледелие в хозяйстве древнего скандинава не было ведущей отраслью, отсюда его неразвитость. В связи с этим крупное частное землевладение появилось там значительно позже, чем на Руси. Во-вторых, феодализация страны зависит не от отдельных людей, а от внутреннего состояния страны, это естественный процесс роста и развития. И уж, разумеется, мало значит, кто управляет государством - скандинав или китаец. Дело не в национальности управителей, а в зрелости самой страны. Наконец, вообще невероятно, что скандинавы были крупными землевладельцами на Руси. Единичные случаи пожалования князем своему скандинавскому воеводе отнюдь не означало влияния скандинава на Русь и введения какой-то новой общественной формы. Это свидетельствовало лишь о том, что скандинав на службе у князя пользовался теми же правами, что и русские воюводы, но никакими особыми льготами. Феодализм на Руси был продуктом естественного развития русского государства, а не был импортирован из Скандинавии.

* * *

Наконец, самой избитой, без конца повторяемой стала теория о завоевании Руси норманнами. Большинство норманистов рассталось с нею, но она все еще живет где-то в подсознании, и, когда аргументов не хватает, недобросовестные "специалисты" непременно пускают ее в ход. Историки Запада не понимают того, что их невежество в XX в. непростительно - ведь ни один западноевропейский или русский источник не говорит о завоевании Руси норманнами. Единственное сведение, которым мы располагаем, указывает на то, что в 1-й половине IX в. Новгород был временно оккупирован варягами, но в остальной части Новгородского государства продолжая княжить старый славянский князь. Ни средняя, ни южная, ни восточная Русь заняты варягами не были. Так что временный захват Новгорода значил не больше, чем занятие его германцами в войне 1941-1945 гг. Какое же право у историков Запада видеть в оккупации Новгорода падение самостоятельности всего государства, да еще (как думает, напр., Пашкевич, 1954) почти на 400 лет? Уплата дани Новгородом была временным военным эпизодом. Сын Буривоя прогнал варягов из Новгорода. Далее: национальность "варягов" не установлена, это могли быть и западные славяне, связь которых с Новгородом несомненна. Наконец, уплата дани и покорение - не одно и то же. Разве мало платили дани Рим или Византия гуннам, готам, аварам? Проще и выгоднее было откупиться, чем вести войну, требующую еще больше средств. Историки Запада не хотят обратить внимание еще на одно важное обстоятельство: известие о дани Новгорода варягам относится к самому началу летописи, к легендарной ее части, в нелегendarной же нет ни слова об уплате дани, есть лишь о выдаче жалованья наемным варяжским отрядам. Повторяя совершенно устаревшие сказки, историки Запада выглядят, в сущности, обскурантами. Здесь мы должны сделать

некоторое отклонение, вспомнить, какую роль русские историки типа Г. В. Вернадского сыграли в зарубежье. Чрезвычайно некрасивую. Будучи квалифицированным профессором американского университета и притом русским, он не только стал на позиции норманизма, но и добавил от себя много путаницы. Иностранцы совершенно дезориентированы таким "самопризнанием": как же не верить русскому профессору - специалисту в области русской истории? А между тем труд Вернадского "Киевская Русь" принадлежит к образчикам отсталости и безответственности. Вред, приносимый этим трудом, неисчислимы. О других русских норманистах в зарубежье лучше не говорить - то же поведение. Объяснение одно: "питаться надо жиж".

* * *

Мы заметили, с каких разнообразных сторон подходят норманисты, чтобы непременно навязать Древней Руси не существовавшую политическую, культурную, общественную, религиозную, торгово-экономическую и т. д. зависимость от Скандинавии. Мы намеренно оста новились на изложении взглядов послевоенной эпохи и вовсе не коснулись норманистов довоенных (о них лишь частично было сказано раньше). Между теми и другими есть, однако, весьма существенная разница: довоенные норманисты не обладали множеством фактов из области археологии, документов, соображений, ставших лишь те перь известными, и, наконец, антинорманистской лите ратуры; норманисты же послевоенные либо этих фактов не знают вовсе, а то и не желают с ними знакомиться, либо намеренно и злостно о них умалчивают. Это обсто ятельство показывает, что мы имеем здесь дело не с нау кой, а с чем-то иным. До чего доходит их беспардонность, можно судить по тому, как, пишучи об истории Руси, они ни словом не упоминают, что их изыскания признаны ненаучными в той стране, историю которой они "создают". Можно, ко нечно, не соглашаться с мнением советских историков, но замалчивать его может лишь тот, кто вовсе не счита ется с научной истиной. В особенности это относится к норманистам русским в зарубежье: уж они-то прекрасно знают положение дел и могли бы помочь иностранцам бьпь в курсе совершающегося. Вдумчивый читатель, конечно, может спросить: "Но ведь это шарлатанство когда-нибудь кончится?". Неуже ли никто не может восстановить правды о сути и исто рии русской нации? Разумеется, все когда-нибудь конча ется. Будет конец и норманистскому дурману. Но как он прекратится, кто сыграет в этом решающую роль - ска зать трудно. Есть три возможности. Первая. Наука Запада сама поймет, что зашла в ту пик, но это маловероятно. Тысячи томов надо будет обь явить дребеденью, не стоящей даже той бумаги, которая расходуется на их напечатание. На это у историков За пада просто духу не хватит, ибо это равновелико тому, чтобы повалить всех своих богов и перейти в другую ве ру. Проще говоря, признать свою несостоятельность, свое банкротство. Есть еще одно

препятствие, не позволяющее восторжествовать истине: кастовая замкнутость, царящая в исторической науке Запада. Многие там основываются на личных, материальных интересах, которые выводят Икса из-под критики Игрека. Историки варятся, так сказать, в собственном соку, напоминая тесные сообщества алхимиков, астрологов, теософов и т. д., где все базируется на вере в основные, но ложные идеалы, а от этих-то почти врожденных, всосанных с молоком матери идеалов они сами не в силах отказаться. Другая возможность. Советские ученые, наконец, поймут необходимость решения раз и навсегда в международном масштабе и предложат открытый диспут, перипетии которого будут освещаться периодической печатью всего мира, как когда-то спор Кювье в вопросах биологии, и таким образом откроют глаза народам всех культурных стран. Но для этого надо быть настоящими патриотами, а не по форме. Кроме того, перестать верить, что Рюрик был "конунгом", что Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский - одно и то же лицо, что шайки норманнов разгуливали по Руси и т. д., но до этого советская историческая наука еще не доросла. Наконец, есть третья возможность. Пусть "руссы в рассеянии" возьмут инициативу в свои руки и начнут кампанию в разных странах на родных языках этих стран за восстановление истины, за реабилитацию наших предков. Даже перевод этой работы на английский язык был бы большим шагом в этом направлении. Какая из этих возможностей осуществится - сказать трудно. Ясно лишь одно: положение нетерпимо, вековой спор пора завершать. В пользу наших славных предков.